

[Polaris]

ОХОТНИКИ

КАМЕННОГО ВЕКА

В дали времен

Том VII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССXL

Salamandra P.V.V.

ОХОТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА

В дали времен
Том VII

Salamandra P.V.V.

Охотники каменного века. Сост. и подг. текста В. Барсукова (В дали времен. Т. VII). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 266 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXL).

В сборник вошли редкие повести, рассказы и миниатюры одиннадцати русских и советских авторов, повествующие о первобытном мире.

© Authors, estate, 2019

© V. Barsukov, состав, подг. текста, перевод, 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

**ОХОТНИКИ
КАМЕННОГО ВЕКА**

Леонид Андреев

БЫЛА БУРНАЯ НОЧЬ...

Была бурная ночь. Мой брат Павел, воспользовавшись моим сном <и> чрезмерным утомлением от занятий, тайно сел на судно и пустился в опасное плавание. Преступная дерзость увенчалась успехом. Под 35° вост. долготы и 49° 27' северной широты (по Гринвичскому меридиану) на северо-запад от печки, между островом Бурь (моей кроватью) и мысом Доброй Надежды (шкатулка с квитанциями) — им был достигнут и убит молодой, но солидный кит. Павел хвалится, что он убил его с одного выстрела, но по показаниям заслуживающих доверия туземцев таких выстрелов было слышно три. Одним из них даже оторван кончик носа у малолетнего невинного туземца.

Что самое странное в этой истории — ученые находят, что Павел убил не кита, а допотопного мамонта. Как это может быть — не понимаю. Хозяин нашего дома под присягою утверждает, что дом наш построен всего 300 лет тому назад, а разваливался последний раз в позапрошлом году. Откуда же допотопный мамонт? Разве только предположить, что он случайно застрял в малоподержанных брюках, купленных мною на Ильинке? Но это невероятно. Брюки были действительно мало подержаны — и их даже нельзя было долго держать — они сейчас же разваливались.

Откуда же мамонт?!

Нахожусь в крайне тягостном недоумении....Белые медведи были, киты были — но откуда же мамонт?!!

P. S. Ура! Нашел! Оказывается, зародыши мамонта были в не совсем свежем хлебе, который мама из экономии покупает по утрам для своих несчастных детей! Бедные (sic !) дети! Я чувствую уже, как в моем животе шевелится юный мамонт.

Велимир Хлебников

И и Э

Повесть каменного века

I

«Где И?
В лесу дремучем
Мы тщетно мучим
Свои голоса.
Мы кличем И,
Но нет ея,
В слезах семья.
Уж полоса
Будит зари
Все жития,
Сны бытия».

II

Сучок
Сломился
Под резвой векшей.
Жучок
Изумился,
На волны легши.
Волн дети смеются,
В весельи хохочут,
Трясут головой,
Мелькают их плечики,
А в воздухе вьются,
Щекоцут, стрекоцут
И с песней живою
Несутся кузнечики.

III

«О, бог реки,
О, дед волны!

К тебе старики
Мольбой полны.
Пусть вернется муж с лососем
Полновесным, черноперым.
Седой дедушка, мы просим,
Опираясь шестопером,
Сделай так, чтоб, бег дробя,
Пали с стрелами олени.
Заклинаем мы тебя,
Упадая на колени».

IV

Жрецов песнопений
Угас уже зой.
Растаял дым,
А И ушла, блестя слезой.
К холмам седым
Вел нежный след ее ступеней.
То, может, блестела звезда
Иль сверкала росой паутина?
Нет, то речного гнезда
Шла сиротина.

V

«Помята трава.
Туда! Туда!
Где суровые люди
С жестоким лицом.
Горе, если голова,
Как бога еда,
Несется на блюде
Жрецом».

VI

«Плачьте, волны, плачьте, дети!
И, красивой, больше нет.
Кротким людям страшны сети
Злого сумрака тенет.
О, поставим здесь холмы
И цветов насыпем сеть,
Чтоб она из царства тьмы
К нам хотела прилететь,
От погони отдыхая
Злых настойчивых ворон,
Скорбью мертвых утихая
В грустной скорби похорон.
Ах, становище земное
Дней и бедное длиною
Скрыло многое любезного
Сердцу племени надзвездного».

VII

Уж белохвост
Проносит рыбу.
Могуч и прост,
Он сел на глыбу.
Мык раздался
Неведомого зверя.
Человек проголодался,
Взлетает тетеря.
Властители движения,
Небесные чины
Вести народ в сражения
Страстей обречены.
В бессмертье заковав себя,
Святые воеводы

Ведут, полки губя
Им преданной природы.
Огромный качается зверя хребет —
Чудовище вышло лесное.
И лебедь багровою лапой гребет —
Посланец метели весною.

VIII

И. «Так труден путь мой и так долог,
И грудь моя тесна и тяжка,
Меня порезал каменный осколок,
Меня ведет лесная пташка.
Вблизи идет лучистый зверь.
Но делать что теперь
Той, что боязливей сердцем птичек?
Но кто там? Бег ужель напрасен?
То Э, спокойствия похитчик,
Твой вид знакомый мне ужасен!
Ты ли это, мой обидчик?
Ты ли ходишь по пятам,
Вопреки людей обычаю,
Всюду спутник, здесь и там,
Рядом с робкою добычею?
Э! Я стою на диком камне,
Простирая руки к бездне,
И скорей земля легка мне
Будет, чем твоей любезной
Стану я, чье имя И.
Э! Уйди в леса свои.

IX

Э. «О, зачем в одежде слез,
Серной вспрыгнув на утес,

Ты грозишь, чтоб одинок
Стал утес,
Окровавив в кровь венки
Твоих кос?
За тобой оленьим лазом
Я бежал, забыв свой разум,
Путеводной рад слезе,
Не противился стезе.
Узнавая лепестки,
Что дрожат от края ног,
Я забыл голубые пески
И пещеры высокий порог.
Лесную опасность
Скрывает неясность.
Что было со мной
Недавней порой?
Зверь, с ревом гаркая
(Страшный прыжок,
Дыхание жаркое),
Лицо ожег.
Гибель какая!
Дыхание дикое,
Глазами сверкая,
Морда великая...
Но нож мой спас,
Не то — я погиб.
На этот раз
Был след ушиб».

Х

И. «Рассказать тебе могу ли?
В водопада страшном гуде?
Но когда-то вещуны
Мне сказали: он и ты —
Вы нести обречены

Светоч тяжкой высоты.
Я помню явление мужа:
Он, крыльями голубя пестуя,
И плечами юноши уже,
Нарек меня вечной невестою.
Концами крыла голубой,
В одежде огня золотой,
Нарек меня вечной вдовой.
Пути для жизни разны:
Здесь жизнь святого, там любовь,
Нас стерегут соблазны.
Зачем предстал ты вновь?
Дола жизни страшен опыт,
Он страшит, страшит меня!
За собой я слышу топот
Белоголавого коня».

XI

Э. «Неужели, лучшим в страже,
От невзгод оберегая,
Не могу я робким даже
Быть с тобою, дорогая?
Чистых сердец святая нить
Все вольна соединить,
Жизни все противоречья!
Лучший воин страшных сеч я,
Мне тебя не умолить!»

XII

И. «Так отвечу: хорошо же!
Воин верный будешь мне.

Мы вдвоем пойдем на ложе,
Мы сгорим в людском огне».

ХIII

Э.

«Дева нежная, подумай,
Или все цветы весны
На суровый и угрюмый
Подвиг мы сменить вольны?
Рок-Судья! Даруй удачу
Ей в делах ее погонь.
Отойду я и заплачу,
Лишь тебя возьмет огонь.
Ты на ложе из жарких цветов,
Дева сонная, будешь стоять.
А я, рыдающий, буду готов
В себя меча вонзить рукоять.
Жрец бросает чет и нечет
И спокойною рукой
Бытия невзгоды лечит
Неразгаданной судьбой.
Но как быть, кого желанья —
Божьей бури тень узла?
Как тому, простерши длани,
Не исчезнуть в сени зла?
Слишком гордые сердца,
Слишком гневные глаза,
Вы, как копыя храбреца,
Для друзей его гроза.
Там, где рокот водопада
Душ любви связует нить,
И, любимая, не надо
За людское люд винить.
Видно, так хотело небо
Року тайному служить,
Чтобы клич любви и хлеба

Всем бывающим вложить,
Солнце дымом окружить».

XIV

Угас, угас
Последний луч.
Настал уж час
Вечерних туч.
Приходят рыбаки
На радости улова.
В их хижинах веселье.
Подруги кроткие зари,
Даруя небу ожерелье,
На небосклон восходят снова.
Уже досуг
Дневным суетам
Нес полукруг,
Насыщен светом.
Кто утром спит,
Тот ночью бесится.
Волшебен стук копыт
При свете месяца.
Чей в полночь рок греметь,
То тихо блистающим днем,
Шатаясь, проходит великий медведь,
И прыгает травка прилежным стеблем.
Приносит свободу,
Дарует истому,
Всему живому
Ночью отдых.

XV

И. «Мы здесь идем. Устали ноги,
И в жажде дышит слабо грудь.

Давно забытые пороги,
О, сердце кроткое, забудь!
Сплетая ветки в род шатра,
Стоят высокие дубы.
Мы здесь пробудем до утра —
Послушно ждем удар судьбы».

XVI

Жрец. «Где прадеды в свидании
Надменно почивали,
Там пленники изгнания
Сегодня ночевали.
Священным дубровам
Ущерблена честь.
Законом суровым
Да будет им Мечь.
Там сложены холмы из рог
Убитых в охотах оленей.
То теней священных урок,
То роща усопших селений».

XVII

Толпа. «Пошли отряд
И приведи сюда!
Сверши обряд,
Пресекши года».

XVIII

Жрец. «О, юноши, крепче держите
Их! Помните наши законы:

Веревкой к столбу привяжите,
И смелым страшны похороны.
И если они зачаруют
Своей молодой красотой,
То помните, боги ликуют,
Увидев дым жертв золотой».

XIX

Вот юный и дева
Взошли на костер.
Вкруг них огонь из зева
Освещает жриц-сестер.
Как будто сторож умиранью,
Приблизясь видом к ожерелью,
Искр летающих собранье
Стоит над огненной постелью.
Но спускается Дева
Из разорванных радугой туч,
И зажженное древо
Гасит сумрака луч.
И из пламенной кельи,
Держась за руку, двое
Вышли. В взорах веселье,
Ликует живое.

XX

И. «Померкли все пути,
Исполнены обеты.
О, Э! Куда идти?
Я жду твои ответы!
Слышишь, слышишь, лес умолк
Над проснувшейся дубровкой?

Мы свершили смелый долг,
Подвиг гордый и суровый».

XXI

Толпа
родичей

«Осужденных тела выкупая,
Мы пришли сюда вместе с дарами.
Но тревога, на мудрость скупая,
Узнает вас живыми во храме.
Мы славим тех,
Кто был покорен крику клятвы,
Кого боялся зоркий грех,
Сбирая дань обильной жатвы,
Из битвы пламеней лучистой
Кто вышел невредим,
Кто поборол душою чистой
Огонь и дым.
Лишь только солнце ляжет,
В закате догорая,
Идите нами княжить,
Страной родного края».

Послесловие

Первобытные племена имеют склонность давать имена, состоящие из одной гласной.

Шестопер — это оружие, подобное палице, но снабженное железными или каменными зубцами. Оно прекрасно рассекает черепа врагов. Зой — хорошее и еще лучше забытое старое слово, значащее эхо.

Эти стихи описывают следующее событие середины каменного века. Ведомая неясной силой, И покидает родное племя. Напрасны поиски. Жрецы молятся богу реки, и в

их молитве слышится невольное отчаяние. Скорбь увеличивается тем, что следы направлены к соседнему жестокому племени; о нем известно, что оно приносит в жертву всех случайных пришельцев. Горе племени велико. Наступает утро, белохвост проносит рыбу; проходит лесное чудовище.

Но юноша Э пускается в погоню и настигает И; происходит обмен мнениями. И и Э продолжают путь вдвоем и останавливаются в священной роще соседнего племени. Но утром их застают жрецы, уличают в оскорблении святынь и ведут на казнь. Они вдвоем, привязанные к столбу, на костре. Но спускается с небес Дева и освобождает пленных.

Из старого урочища приходит толпа выкупать трупы.

Но она видит их живыми и невредимыми и зовет их княжить.

Таким образом, через подвиг, через огонь лежал их путь к власти над родными.

Валерий Брюсов

ОТДАЛЕННЫЕ ДНИ

Я предвижу, о отдаленнейший
из потомков моих...

А. Добролюбов.

Отдаленные дни. Строения на сваях. И озеро кругом.

Слышен раскатистый смех воинов. Они хвастают черепами врагов. Как могучи их твердые бедра. Как горят их волчьих глаза из-под нависшего лба. Как блестят их остроконечные зубы.

За деревней собрались женщины. Готовят костер. Сегодня поход был удачен, их не будут бить, им весело. Голые, с огромным животом, с отвислыми грудями, с выпуклыми скулами, они будут жарить оленя...

Сходит вечер.

Под дубом лежит раненый воин. У него нет ни жены, ни друга. Им овладевает болезнь-огневица. Он видит женщин родного племени, озаренных огнем, слышит голоса товарищей-мужчин. Он помнит трупы врагов в черно-кровавых лужах. У него возникает мысль, как отвратительны люди.

О, перебегающие существа, жадные, похотливые! Нелепо привешенные к плечам конечности для хватания, с толстыми щупальцами. Посредине лица две отвратительные дыры — ноздри. И широкая пасть с зловонным дыханием. Болезнь-огневица овладевает им.

И вот в бреду он смутно, безвольно познал возможность иного. Он увидел не слабую хижину, а словно грот с необычайным соответствием частей, залитый ясным, но не солнечным светом. Люди ли это те существа, что скользили там в покровах, пленяющих глаз цветами? Речь ли людей эти звуки — многообразные, тонкие, быстрые, быстрые и пленительные?

И все померкло. И было только сознание каких-то иных чувств, иных отношений и иного сознания. Было великое предчувствие полноты жизни, трепетание каждого нерва. И в этом великом предчувствии было понятно, что его жизнь и жизнь та, это — жизнь одна, что и он причастен ей, и что

лишь через него она возможна. И было сознание, зачем жить, чем прекрасно существование.

Его разбудили голоса мужчин и визгливый смех женщин. Люди толпились у костра, мужчины заигрывали с подругами. Женщины готовили пищу для своих господ, тянулись к огню с надвигающимися над костром грудями и запикивали глубже под угли куски какого-то мяса.

28 сент. 1898 г.

Андрей Белый

ССОРА

Узловатые корни надводных деревьев сплетались, убегая в воду. В воде отражалась лапчатая зелень вершин, и ослепительно-желтое пламя закатов, и караван бледно-голубых птиц, бивших крыльями в палевом сиянии, и волосатые, длиннорукие существа, раскачивающиеся на ветвях. Одни существа смиренно сидели и глухо рокотали, раскрывая рты: это они говорили о погоде. Другие неуклюже ступали когтистыми, волосатыми ногами и размахивали руками, сохраняя равновесие. Один взобрался на самую вершину дерева и пожелал ругаться среди лапчатых листьев. Он оглашал ревом окрестность, созерцая море колыхающихся вершин, разверзая пасть и блистая клыками. А внизу плескалась вода... Узловатые корни сплетались между собой, убегая в воду; отражалась лапчатая зелень, сквозящая палевым блеском, и караван бледно-голубых, тонконогих птиц, с багряными клювами, разрезавший небеса.

Закат погасал, а красноволосый ругатель не переставал браниться, вызывая врага и озираясь по сторонам.

Таков уж он был по природе. Лапчатые листья то прижимались друг к другу в немой покорности, то снова начинали кивать кому-то невидимому, зовущему. Вдруг листья раздвинулись недалеко от ревучего молодчика и оттуда блеснуло два чернопламенных глаза; загорелая, бронзовая рука, покрытая волосами, пригрозила ругателю, и гортанный голос закричал: «Вот я тебе поругаюсь, дурак, волосатик, орангутанг!» Скоро неизвестный по пояс выставился из-за лапчатых листьев, показывая язык обезьяне. Он был в звериной шкуре и с голыми руками. Его бронзовое лицо поросло черной, жесткой и спутанной бородой. За поясом торчали стрелы, а в руке он держал лук. Еще немного поглумились они друг над другом, поругались, покричали, позлились, и неизвестный, упершись ногою в лук, согнул его. Упрутая стрела свистнула и воткнулась в грудь ругателя-оранга, который, замотав руками, утонул в зеленом море колыхающихся вершин. Его друзья, сидевшие внизу на толстых суках, увидели падающее тело и летящее к нему навстречу отражение в воде, пока оба не слились, плеснувши водою... Колыхнулись розовые цветы на поверхности... Сбежались все к од-

ному месту — волосатые и обозленные, размахивали руками, скалили зубы, подняли такой рев, что бледно-голубые птицы с багряными клювами испуганно сорвались с вершин и понеслись над вечерним миром.

Встав над лапчатым морем вершин, там, где блистало озеро, можно было заметить, что воздвигнута черная раскачивающаяся громада, стоящая над водой. Прежде ее не было. Она появилась внезапно. Это был косматый мамонт, пришедший на водопой. Его белые клыки чуть блестели вдали. Он протягивал хобот, издавая трубные гласы.

Андрей Белый

ЭТЮД

Успокоенная тень наплывала безгрозной печалью. Благословенный, багряный диск утопал над болотными лугами. В глубоком безмолвии расплывалась двуглавая туча, будто совершая вечернее богослужение. Где-то там, среди лугов, затерялся шалаш. Старуха жилистой рукой ломала коряги и, встряхивая белыми, как смерть, космами, бросала, ворча, их в огонь. Рубинношелковая ткань лапчатого тепла рвалась, и раскаленные лоскутки ее, как большие красные бабочки, улетали в нахмуренную синеву степных сумерек. Из шалаша выглядывали, точно волчата, присмирившие детеныши.

Еще раз обветренное лицо старухи показалось из шалаша. Она бросила охапку сухой травы. Дымный столб, пронизанный золотом, поднялся к небесам, а на травах заметалась сумеречная тень исполинской старухи, когда угловатый силуэт с седыми космами и серебряной, как водопад, бородой неожиданно встал у горизонта. И они перекликнулись гортанными возгласами. Это согбенный, препоясанный шкурой Адам с добычей на спине шагал в болотных лугах, спешил отогреться у очага. Закричали детеныши.

Полнеба было охвачено спокойною грустью. Благословляющий круг, багряный, сел в тучу. Над влажным простором всколыхнулись, встали в горьком порыве огромные злаки. Изогнулись и опять опрокинулись в печали. Двуглавая размазанная туча излучала зарницу за зарницей.

Ушли в шалаш. Занавесились шкурой. Земля была утоптана в шалаше. Старик, прижавший лик к иссушенным коленям, проливал серебро седины на заскорузлые, озаренные углями ноги. Тени металась на детенышах, на старухе, прикорнувшей в уголке.

А между тем маленький месяц, одиноко затерянный в небе, обращался в кусок горького льда. Кто-то, приползший, вздохнул из травы. Нет: это только детеныш забредил во сне.

Мигнула зарница. Колыхнулась звериная шкура. Патриарх, голубой от луны, выставил голову, и ночной ветерок задышал на него. Тронулись на север космы, гонимые ветром. И шептал в тихую ночь, прижимая чело к костлявым

пальцам: «Каин, мой сын, о мой сын первородный!»

Слишком близко колыхнулась трава, и над влажными стеблями встал нестерпимый лик ужаса: толстые губы одичалого братоубийцы расплывались в жалкую улыбку, волчьи зубы блеснули жемчугом на луне. Тихо стал красться к отцу, чтобы спрятать озверевший лик на косматой отчей груди. Перед ним колыхались злаки. И за ним смыкались.

И слова благословения слетали с уст старика, и разрозненное ожерелье жемчугов пролилось в траву, и возложил руку на сына.

Но рука старика упала на шерсть. Можно было ощупать два рога: и спугнутая козуля испуганно ринулась в сторону, волнуя болотные травы. Скоро перестала шелестеть трава. Все затихло. И обманутый отец с опущенной головой пошел в свой шалаш...

Утром еще залегала двуглавая туча на далеком западе. Перламутрово-дымный великан вздулся на востоке. Красный караван фламинго утонул в безмятежной лазури. Вдали блеснули воды, когда еще не было зари, но бледнела ночь.

Откинув звериную шкуру, вышел строгий Адам, препоясанный и с палицей в сухих руках. Он шел за пропитанием.

Вот одинокий силуэт его затерялся среди влажных лугов. Припав к земле, можно было слышать гул. Где-то мчалось стадо антилоп.

Д. Соколов

**ОХОТНИКИ КАМЕННОГО
ВЕКА**

(Очерки первобытной охоты)

*Где теперь охотник трубит в свой рог,
И заяц в страхе прячется в кустах,
Где пастух пасет свои стада, где зреет хлеб*

.....

*Там бродили дикие олени, кони и слоны,
Там топтали они дно прежнего моря.*

Горас Смитт.

I

Под старым каштановым деревом расположился стан первобытных охотников.

Соседние пещеры и нависшие скалы служат им пристанищем во время бурь и непогоды.

Старая, вся сморщенная старуха, похожая на обезьяну, с непомерно длинными изможденными грудями, которые она когда-то перекидывала через плечи, кормя детенышей, с перепутанными космами седых жестких волос, с щетиной на подбородке, сидит на корточках перед костром и подбрасывает все новую и новую пищу огню...

Это ее забота.

Давно, давно глава соседнего племени, когда ей было всего четырнадцать лет и глаза ее блестели, словно у волчонка, подстерег ее в лесу, стукнул по затылку дубиной и за волосы утащил в себе в клан.

Несколько охотников ее родного племени пытались отнять ее обратно.

Но один еле уполз с переломленной ногой...

Другой остался лежать среди поля с разможенным черепом...

Каркающий ворон после выклевал ему глаза...

Так и осталась она в чужом клане женой его главы.

Шло время.

Состарилась, сморщилась она. Ее пора было убить, так как она дожила до возраста, дозволенного для женщин...

Но глава племени пожалел ее.

Ей было милостиво позволено жить дальше.

Она больше не разделяла ложа своего владыки, не участвовала в охотах, но зато ей было поручено:

Хранить огонь.

Когда все взрослые племени, и мужчины и женщины, отправлялись на охоту — за оленями, дикими лошадьми или мамонтом, старуха сидела у костра и поддерживала огонь.

На высоких деревьях из ветвей сплетены большие гнезда, где во время своего отсутствия прячут беспомощных детей люди каменного века.

Там они в безопасности...

Трусливая гиена или волк не подкрадется и не утащит в лесную трещину детенышей, спрятанных высоко на деревьях.

А старуха сидит внизу перед костром, скалит пожелтевшие от старости, но все целые зубы, кроме одного, который выжили ей в далеком детстве товарищи игр, и злобно ворчит.

Ее испугается сам владыка лесов:

Великан медведь-гризли. Или даже носорог...

Но гиены и лисицы рыскают вокруг человеческих логовищ.

Старуха слышит, как скулят гиены, как лают лисицы.

Вокруг так аппетитно пахнет:

Остатки былых пиршеств после счастливых охот валяются тут же около жилищ людей... Кости, обрывки мяса и кожи гниют на солнце, далеко распространяя сильное зловоние.

Это и привлекает хищников, раздражая их чуткое обоняние.

Поэтому-то старуха и кидает в костер побольше сухого валежника и можжевельника.

Огненные языки, потрескивая, растут все выше и выше.

Вот пронесся ветерок. Закивали головами деревья. И едкий дым стелется по земле, отгоняя гиен на почтительное

расстояние.

Старуха знает, как справляться с зверьми, этими нерошенными гостями.

И днем, и ночью пылает на становище костер, отгоняя их.

Старуха сидит, и в ее мозгу, не привыкшем думать, ворочаются неуклюжие мысли:

— Скоро сделается темно... Вон уже грачи летят по небу большой стаей... Должен вернуться с охоты господин и другие охотники... Принесут ли они что с собой?..

Тогда и ей перепадет кое-что... и она будет кусать и разрывать на части зубами кровавое мясо...

Ползут по земле загадочные тени...

С тоскливым писком пронеслась летучая мышь.

В лесу закричал страшно филин.

Старуха, похожая на обезьяну, торопливо подбрасывает в костер новых ветвей...

II

Охотники ушли далеко от своих логовищ...

Уже давно были выслежены те пути, по которым ходили страшно трубящие мамонты на водопой...

На этих тропинках находили не раз остатки громадных ветвей, которые мамонты перетирали своими зубами, превосходившими по величине кулак взрослого мужчины.

По дороге находили объединенными целые молодые елки и сосны.

Желудок мамонтов прекрасно переваривал и хвою, и даже шишки.

Хитрый охотник Ио, вечно что-нибудь выдумывавший: то ожерелье из раковин, то изображение мамонта на стене пещеры, выдумал на этот раз:

— Выкопать на тропинке, по которой ходят мамонты на водопой, глубокую яму.

Долго копали ее первобытные охотники.

Луна всходила на небо и вновь пряталась.

А они все рыли яму и хихикали при этом, мечтая, как в нее попадет страшный, косматый зверь с злыми маленькими глазами, и как для него будут бесполезны в глубокой яме его длинные и кривые клыки.

Ио перестал вырезать острой раковиной на мягких камнях вычурные рисунки.

Все забросил.

Его малоподвижный язык старался оживленнее, чем всегда, ворочаться и рассказывать:

— Как вкусно будет закусить мясом этого большого зверя...

Наконец, яма была готова; ее прикрыли сломанными дёрвьями и сломанными ветками.

И каждое утро ходили смотреть:

— Не провалился в яму мамонт?

И длинный ряд дней приносил им одно лишь разочарование.

Лес дрожал от их влюбленных серенад.

Их трубные призывы звучали далеко и заставляли охотников, гревшихся около костров, вздрагивать.

Дети просыпались и плакали от страха.

В одно утро, когда владыка племени расколол камнем последнюю кость, уцелевшую от старого пиршества, и высосал из нее полуразложившийся мозг, когда кончился потасовкой между двумя сильнейшими охотниками дележ пойманной водяной крысы, прибежал хромоногий каменотес, запыхавшись:

— В яму попался глупый зверь...

Завизжали дети.

Завыли от радости женщины.

Охотники, перекидываясь между собой гортанными словами, стали готовиться к бою не на живот, а на смерть с сильнейшим зверем, попавшим в ловушку, перехитренным человеком.

Собрали тяжелые камни, заостренные колья.

Наиболее искусные охотники вооружились метательными орудиями — развесистыми и тяжелыми рогами, сня-

тыми с убитых раньше лосей и оленей.

Через некоторое время ватага первобытных охотников уже выступала в поход...

На становище остались лишь малые дети да бородатая старуха для поддержания огня...

Слишком тяжело и трудно было бы вновь добывать огонь при помощи трения друг об друга двух сухих кусков дерева.

III

Зеленые буки столпились над ямой, в которую попал по неосторожности мамонт.

Охотники подкрались к ней и расположились вокруг, сжимая в своих длинных волосатых руках метательные орудия.

Ио первый храбро приблизился к яме и бросил туда большой камень...

Из ямы раздался рев зверя.

За первым камнем посыпались следующие. Град камней.

Хромоногий По изловчился и олений рог со свистом рассек воздух...

Рог, пущенный меткой рукой со страшной силой, попал прямо в правый глаз мамонта. Красное пятно заменило глаз.

Бешено завертелся длинный хобот. Посыпалась земля в яму. Росший по соседству с ямой большой куст орешника, вырванный с корнями, исчез в яме.

Охотники подняли дикий крик. Завыли женщины.

Новые громадные обломки скал полетели вниз. Охотники озверели...

Из-под нависших густых бровей сверкали злобой маленькие глаза.

Выдающиеся челюсти щелкали зубами от злости.

Из ямы неслись страшные звуки.

Мамонт, попавший в ловушку, бессильно бился в ней и не мог применить своей стихийной силы.

Будь он наверху, он расшвырял бы, словно ветер комаров, всех этих кривляющихся двуногих с длинными всклокоченными бородами и черными гривами на головах.

Но мамонт бессильно метался в тесной яме, осыпаемый градом тяжелых камней и каменных глыб.

Силы стали уже покидать громадного зверя. Горячая кровь давно залила глаза. Он, слепой и жалкий, несмотря на свои могучие клыки и ноги, наконец, ухитрился подняться на задние ноги, упершись о земляной обрыв ямы передними ногами.

Из ямы показалась голова со страшной гривой, залитой ярко-пурпурной кровью...

Стая разгоряченных охотой людей шарахнулась в сторону.

Но с быстротой молнии взметнулся хобот мамонта..

Каменотес Ио, выдумавший вырыть предательскую яму, не успел отскочить.

Хобот обвил его тело, словно чудовищная змея. В воздухе мелькнуло извивающееся от боли тело каменотеса. Раздался вой ужаса.

И каменотес, раздавленный ужасным объятием, был высоко подброшен к небу и упал далеко от ямы.

Это была последняя вспышка сил мамонта.

Обессиленный, он рухнул на дно ямы.

Новые увесистые камни замолотили его тело.

Мамонт уже не ревел.

Он лежал на дне тесной ямы и его бока, покрытые темно-бурой щетиной и пропитанные смолой, с шумом подымались от частого дыхания.

Несколько судорог.

И мамонт окошел.

Его победили бородатые двуногие, похожие на обезьян.

Победили, вооруженные камнями, дрекольями и лосиными рогами.

Победный крик испустили эти двуногие, когда убедились, что мамонт, их враг, больше не дышит.

Сначала никто не решался даже близко подойти к яме убитого мамонта.

Затем нашлось несколько смельчаков, которые даже соскочили в яму и стали плясать на шкуре мамонта.

Во все века были нахалы!..

Один из соскочивших в яму стал дергать мамонта за его голый хвост с пучком густых волос на конце.

Другой теребил большие уши.

Через несколько минут охотники каменного века уже пожирали убитое животное.

Жрали сырьем, отрубая куски хобота острыми кремневыми ножами и раковинами.

Измазанные теплой кровью двуногие предались отвратительному пиршеству.

А над их головами уже кружились вороны.

Они знали, эти птицы, что теперь кое-что достанется и им.

IV

Об Ио, отброшенном хоботом умиравшего мамонта, конечно, забыли.

Он лежал в высокой траве. Зеленые папоротники шептались над ним.

Веселая ящерица скользнула по его голове.

Убежала...

По носу ползала какая-то красная букашка.

Ио открыл глаза... Слабо застонал... Заметался... вытянулся, несколько раз вздрогнул и затих.

Ио не стало.

Его тело стало холодеть...

Под молчаливыми буками полетел черный большой вампир...

Это — душа Ио...

Нажравшись, его родичи, наконец, вспомнили и о нем.

Сначала прибежала собака, лизнула ему лицо и жалобно завывла. Затем прибежала женщина с болтающимися изможденными грудями.

Увидела его, присела на корточки и тоже завывала.
Тогда собрались вокруг охотники и стали говорить что-то друг другу.
Отправились к своему становищу.
Труп Ио волокли за ноги за собой по земле.
В длинных перепутанных волосах Ио запутались репы, сухая хвоя и былинки...
Носились в воздухе майские жуки...

V

Всю ночь выла вдова Ио и рвала на себе волосы.
Это мешало спать соседям и вдову жестоко побили дубинкой.
Вдова после этого не унялась...
Вблизи бродили гиены.
Они чуяли мертвечину, лакомую для них.
Настало утро.
Появились стаи комаров.
Выползли из своих логовищ охотники.
Глава племени, зевая, подошел к трупу Ио и толкнул его мертвую голову ногой.
Вдова завывала еще громче.
Мертвеца стали безжалостно сгибать так, чтобы его голова пришлась между ногами.
В таком положении его связали гибкими прутьями ивы, росшей по берегам речки.
Затем мужчины потащили тело на самый высокий холм, который возвышался недалеко.
Посадили скрученного мертвеца на землю.
С хохотом и насмешками стали закидывать труп камнями.
Предварительно кто-то плюнул в лицо мертвецу.
Груда камней закрыла труп.
Сверху воткнули козий рог. И мертвеца Ио, еще вчера обтесывавшего ножи и молотки из кремня, без жалости и

сострадания бросили одного на холме.

И ушли... опять жрать убитого вчера мамонта.

Вдова Ио во время погребения смотрела издали на все то, что свершали над ее мертвым повелителем.

Подойти близко она не смела.

Когда охотники удалились, она приползла на могилу и завывла вновь, распростершись на ней ничком.

Через некоторое время к ней подкрался один из охотников, стукнул по затылку кулаком и сделал ее своей женой...

Вдова перестала быть вдовой и больше уже не плакала.

VI

Между ракиновыми кустами журчала по камышам холодная, как лед, речка.

Целыми часами стоят в воде по колено первобытные рыболовы, опустив в воду и руки с растопыренными пальцами.

Стоят неподвижно, не шелохнувшись.

И руками хватают мимо плывущую рыбу.

Пятнистые форели трепещут, выкинутые на берег рукой терпеливых рыбаков.

Вблизи слышится лай лисиц... Один из рыбаков крикнул и лисицы замолкли.

Опять тихо.

Лишь журчит вода между камнями, поросшими зеленым речным шелком, да нет-нет всплеснется шальная рыба.

Чмокнет около берега в зеленой мокрой осоке лягушка...

Водяные пауки бегают по поверхности воды, оставляя тающие круги...

VII

Звонко лают гончие собаки, гоня спугнувшего круторо-

гого оленя...

Мчится он, словно стрела, ломая по дороге рогами толстые сучья в чаще.

Но голодные собаки не отстают от оленя.

Желтокожие люди, запыхавшись, бегут по следу.

Они не хуже собак могут искать следы.

Не спастись оленю от злых гончих псов.

Двуногие охотники подбадривают их дикими криками...

После охоты люди будут сидеть вокруг дымного костра.

Начальник племени съест печенку затравленного оленя, съест его мозг, разбив череп камнем...

Напитавшиеся до отвала и усталые охотники будут себе дремать, уткнув головы в колени.

Лишь один По, самый отчаянный лгун, будет пытаться рассказать:

Охотничий рассказ каменного века.

Как он однажды без собак догнал оленя...

Его послушают, послушают лениво. Затем дадут здоровенную оплеуху, чтобы он не мешал спать.

И любитель охотничьих рассказов, По, у которого язык ворочается как-то легче, чем у его родичей, поворчит, поворчит недовольно, словно побитая собака, а затем сам начнет клевать носом в сладкой истоме...

Что снится охотникам каменного века во сне после обеда?

Не снится ли тот грядущий век, когда их потомки сделаются слабосильнее, но хитроумнее, когда изобретут удивительные палки, из которых вылетает дым и огонь со страшным грохотом, напоминающим гром...

Нет, едва ли охотникам, охотившимся на мамонтов и гишпопотамов, даже во сне грезились эти чудесные палки...

Как поздно человек изобрел смертоносные ружья и порох.

Когда вымерли все страшные косматые мамонты.

Когда кости мамонтов находят лишь в промерзлой почве северных сибирских тундр и вытаскивают из них запонки и табакерки.

И когда много первоклассных ружей, но очень мало дичи...

Когда каждого жалкого рябчика или косоного зайчонка стерегут несколько охотников, вооруженных чуть ли не пушками-скорострелками.

Николай Плавильщиков

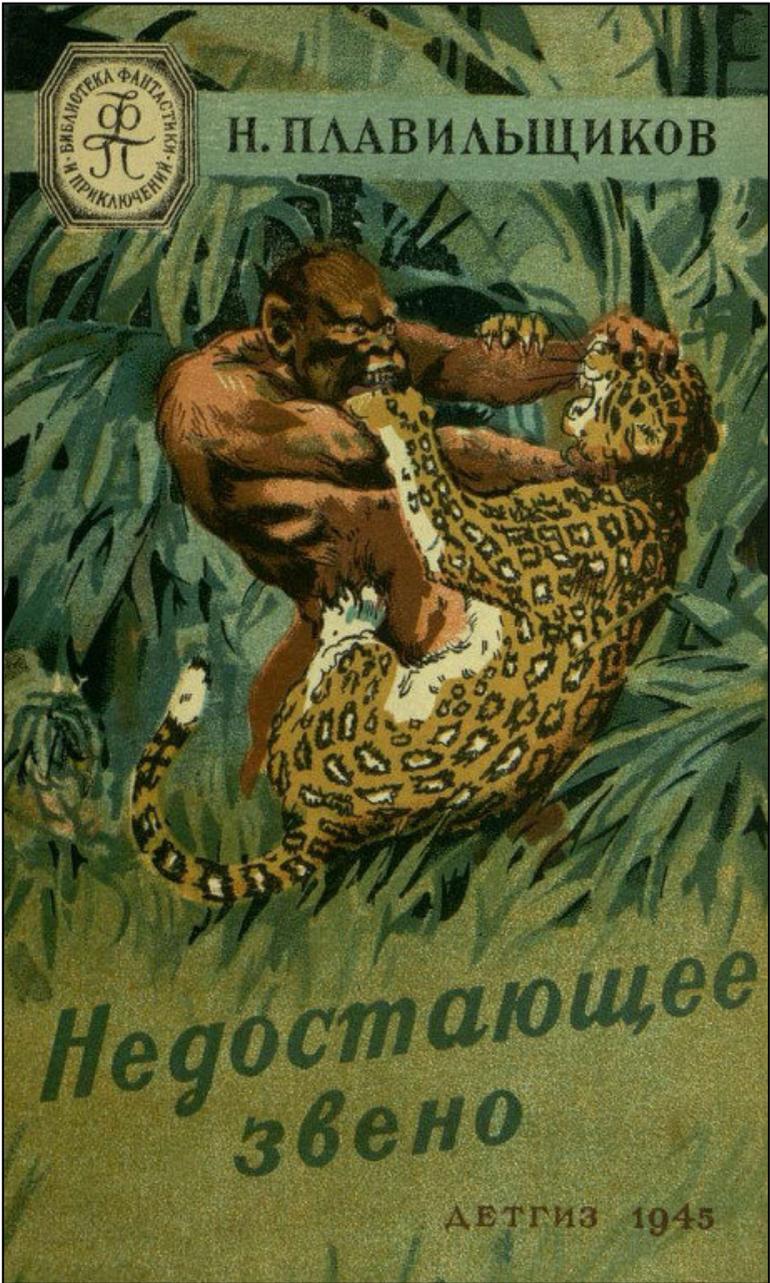
НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Илл. Г. Никольского

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

Недостающее
звено

ДЕТГИЗ 1945

Горшок гвоздики стоял на окне пятого этажа. На перилах балкона третьего этажа дремала голубая персидская кошка.

Тинг, выглядывая в окно, столкнул горшок. Падая, горшок задел кошку, а та спросонок прыгнула и упала на мостовую.

Кошка к вечеру умерла. Хозяйка кошки, жена домовладельца, плакала. Домовладелец сказал Тингу всего одно слово:

— Выезжайте!

Пришлось искать новую квартиру. Тинг нашел ее на соседней улице.

На окна кабинета Тинг расставил гвоздики — любимые цветы. В шкафах разместил свои коллекции. Он коллекционировал бабочек, раковины и марки.

Бабочки у него были: гигантские орнитоптеры, летающие в лесах Индонезии и Австралии, и крохотные моли. Орнитоптеры привлекали его величиной и благородной окраской, в которой черный бархат смешивался с золотом и изумрудами. Моли ему нравились по другой причине: расправить тончайшие крылья этих крошек было очень трудно. Впрочем, многие моли, если их увеличить в сто раз, ока-

жуются красивее самой красивой из орнитоптер.

Марки Тинг собирал только с изображениями животных, а раковины — лишь из рода ужовок. У него лежали в коробках тысячи пятнистых раковинок ужовки тигровой, и ни одна из них не была вполне схожа с другими.

Вечерами он смотрел на орнитоптер, перебирал гладкие раковины, листал атласы с рисунками улиток и разыскивал в толстых трудах энтомологических обществ новые разновидности молей.

Слово «питекантропус», мелькнув курсивом среди пети-та, привлекло его своей торжественной звучностью.

— Питекантропус... Питекантропус... — задекламировал он, ходя по кабинету. — Прелестное название!

В зоологическом журнале был напечатан подробнейший отчет о заседании ученого общества, где знаменитые профессора и молодые доценты спорили о загадочном существе с громким именем. Тинг узнал, что некий врач Дюбуа нашел какую-то «кальву», несколько зубов и бедро. Бедро — вроде человеческого, кальву — вроде обезьянней. Назвал все это «питекантропусом» и заявил, что им открыта переходная форма — «обезьяночеловек». Находка была сделана на острове Ява.

Торжественное «питекантропус» оказалось неуклюжим «обезьяночеловеком». Тинг разочаровался, но Ява... На Яве есть орнитоптеры, и на некоторых яванских марках изображены животные. Поэтому Тинг прочитал весь отчет, а прочитав, вспомнил: этажом ниже на двери есть карточка: «Доктор Эжен Дюбуа». Уж не он ли?

— Профессор Дюбуа прожил несколько лет на Яве, — обрадовал портье Тинга.

Соседи познакомились.

У Дюбуа оказалась только одна затрепанная яванская марка, и он не мог ничего рассказать об орнитоптерах.

Он говорил лишь о питекаптропусе. Все его время, все его мысли были заняты обезьяночеловеком. День за днем, месяц за месяцем, год за годом он возился с крышкой черепа — загадочная «кальва» оказалась именно ею, — выскабливая из нее окаменелую массу. Острым и тонким свер-

лом бормашины он осторожно водил по этой массе, заполнявшей крышку, словно чудовищная пломба, и отделял от нее мельчайшие крупинки. Дюбуа никому не доверял своей драгоценности и хранил ее у себя в несгораемом шкафу.

Тинга не удивило увлечение Дюбуа: он хорошо знал, что такое любовь и азарт коллекционера. Затаив дыхание, с глазами, налившимися от напряжения кровью и слезами, Дюбуа прикасался сверлом к окаменелой массе, отделяя от нее крохотные частицы. Затаив дыхание, с остановившимся взором Тинг судорожно сжатыми пальцами вонзал иглу в крохотное крылышко моли, отводя его от туловища. Разве это не одно и то же?

Поразило Тинга другое: находка Дюбуа была предсказана. Предсказание сбылось!

Название «питекантропус» придумал не Дюбуа, его дал Геккель. Еще Дарвин указал, что человек произошел от обезьяноподобных предков. Геккель хотел нарисовать родословное древо человека, но у этого древа оказалось лишь основание — обезьяна и вершина — человек. Середина пустовала, и заполнить эту пустоту было нечем: наука еще не знала тогда животного, промежуточного между обезьяной и человеком. Но ведь обезьяна не могла сразу превратиться в человека, когда-то на земле жили переходные формы. Геккель был убежден в этом и дал название животному, промежуточному между человеком и похожей на гиббона обезьяной. Он никогда не видел этого животного и назвал его заранее обезьяночеловеком, «питекантропусом». Он был уверен: «Его найдут. Нужно лишь время».

Дюбуа был увлечен этим предсказанием. Он поверил Геккелю: питекантропус жил на земле, жил!

— Я решил искать предсказанное недостающее звено родословной человека. Родина современных гиббонов — Зондские острова. Я добился назначения на Суматру и в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году уехал туда. Искал, но ничего не нашел: там не удалось обнаружить древние геологические слои. В тысяча восемьсот девяностом году я переехал на Яву. Прошел всего один год, и я нашел. Он словно дожидался меня там, этот обезьяночеловек! По

реке Бенгавану, в Триниле... Стоило лишь поднять верхние слои почвы...

Строение бедра показывает, что он ходил на двух ногах, поэтому я назвал его «эректус» — прямостоящий. Конечно, он ходил хуже, гораздо хуже нас, но все же ходил.

Вот только... — вздыхал Дюбуа, — я нашел слишком мало остатков! Крышка черепа, бедро и два зуба... Далеко в стороне от места моих раскопок годом раньше я нашел обломок нижней челюсти. Другие после меня нашли всего один зуб. И это всё! Если бы найти побольше, хотя бы половину черепа.

Около сорока лет прошло с тех пор. Я был моложе вас, Тинг, и вот — я старик. А новых костей пет и нет...

Дюбуа мог говорить часами. Тинг, пораженный сбывшимся предсказанием, уже не думал о бабочках и марках, слушая его.

— Питекантроп, которого я нашел, — продолжал Дюбуа, — погиб при извержении вулкана. Потоки ила и пепла покрыли поверхность и похоронили животных и растения. Так случается на Яве и в наши дни. В слоях — пепел разных цветов, туф, пемза. Они перемешаны с прослойками глины. Позже вода размывала эти слои и унесла часть костей. Поэтому я и нашел не весь скелет, а только части его — питекантроп погиб где-то в другом месте. К Тринилию его принесло водой. Где-то в земле лежат остальные кости этого скелета, лежат и другие скелеты. Они есть! Ведь нашел же я...

Тинг наслушался о питекантропе столько, что загадочное существо стало для него чем-то вроде старого приятеля. Нередко случалось, что он думал об обезьяночеловеке, перебирая раковины у себя в кабинете. Он даже называл его теперь просто «питеком».

— Не играйте на руку врагам обезьяночеловека, — упрекал его Дюбуа; — «питек» означает всего лишь «обезьяна».

— Ничего! — отвечал Тинг. — «Питекаптропус» звучно, но очень тяжело и длинно для каждого дня. «Питек» — короче и ласковее.

Теперь Тинг огорчился не меньше Дюбуа тем, что в шкафу лежит всего несколько костей питека. Ему хотелось видеть полный скелет питека!

Это очень соблазняло Тиига. На Яве есть орнитоптеры — соблазн удваивался. Моли живут везде, а яванские изучены очень плохо. Конечно, он найдет новые разновидности!

«Поеду на Яву?» спросил себя Тинг, глядя на яванскую орнитоптеру «Помпея» и представляя ее себе в воздухе, там, на Яве.

— Черный бархат с желтым атласом!

Это оказалось не так просто.

Малайский кампонг* зеленел бананами и курчавыми мангустанами, хлебными деревьями и пальмами. Солнце быстро выскакивало на небо утром и еще быстрее ныряло за горизонт вечером. Ливень вставал водяной стеной среди дня. Летучие собаки — калонги — кружились возле деревьев в ночной темноте.

Все было, как и полагается, в яванской глуши, куда забрался Тинг.

Мутная вода сонной реки текла среди отмелей и наносов. На отмелях чутко дремали огромные крокодилы. В наносах рыли ямы малайцы, терпеливо поднимая пласт за пластом. За землекопами присматривал Яа, рекомендованный Тингу как опытный человек.

Было все, кроме одного: костей питека.

Дюбуа сделал Тингу множество указаний и наставлений, где и как искать.

— Ищите тринильские слои! Это слои, образовавшиеся в то же время, что и в Триниле, слои определенного возраста. Они отложились как раз в те времена, когда на Яве жили питеки. В таких слоях и нужно искать.

* Кампонг — малайская деревня (Здесь и далее прим. авт.).

Слушая Дюбуа, Тинг как будто все понимал. Здесь же, на яванской реке, он почувствовал себя школьником, не выучившим урока.

Как узнать эти тринильские слои? Глина сменялась песком, а песок — снова глиной, но уже другого оттенка. Появлялись прослойки какого-то затвердевшего ила. Был тоненький слой рыхлого туфового песчаника. Но не было синесерой глины, а именно на ней лежал тот тринильский слой, в котором Дюбуа нашел кости питека.

Тинг особенно рассчитывал на этот синесерый слой: его легко узнать по окраске.

— Ищи синеватую глину! Над ней и будет то, что мне нужно, — твердил он Яа.

Ему не приходило в голову, что синесерой глины может и не оказаться, что совсем не в ней скрыта удача.

Землекопы рыли в разных местах. Наносы покрывались глубокими пробными ямами, ямы превращались в прудики, кишевшие комариными личинками. Вечерами, стуча зубами от лихорадки, Тинг слушал, как в этих прудиках голоса лягушки.

«Питек... питек...» — чудилось ему в их крике.

Дни шли. Тинг не находил тех слоев, где могли лежать остатки питекантропа.

Питекантропы жили в конце третичного и в самом начале четвертичного периода. Узнать слои отложений тех времен можно по остаткам животных и растений. Дюбуа показывал Тингу множество разнообразных костей и черепов: слонов, носорогов, бегемотов, дикобразов, оленей. Тинг разглядывал их, стараясь запомнить. Рисунки и описания этих костей он привез с собой.

За два месяца Тинг добыл всего два каких-то обломка. Сам Дюбуа не сказал бы, что это такое.

Кости питека прятались от Тинга. Прятались от него и орнитоптеры: он поймал лишь пяток, да и то не первого сорта. Одни моли не подвели: Тинг наловил их уже несколько тысяч.

Сидя на складном стуле и глядя на потные спины землекопов, Тинг вспомнил разговор с Дюбуа. Экспедиция Зе-

ленки также искала остатки питекантропа. Было вынута десять тысяч кубических метров земли, а нашли всего один зуб. Правда, экспедиция добыла множество костей животных — современников питека.

— Десять тысяч кубических метров! — Тинг только теперь понял значение этой цифры и похолодел на солнечном припеке. — Что мои ямы? Я еще и не начинал!

— Им просто не повезло, — успокоился он через минуту.

Неудачи и лихорадка сказывались: настроение Тинга менялось по многу раз в день.

— Синяя глина! — На ладони Яа лежал сине-серый комок. — Синяя глина!

Тинг спустился на дно карьера. Расплывчатые желто-бурые, буро-желтые и белесые слои заканчивались внизу синеватой полоской.

— Она! — Сердце стукнуло. Тингу показалось, что он уже держит в руках череп питека. — Наконец-то!

Землекопы снимали пласт за пластом, подбираясь к узкой синеватой полоске. В этой работе прошло несколько дней. Тинг не отходил от карьера.

Слой синей глины был обнажен. Он оказался тончайшей прослойкой.

— Здесь нет и десяти сантиметров! — Тинг растерянно глядел на глину.

Он забыл, что ему нужен слой, лежащий на синей глине. Ему казалось теперь, что все дело в толщине сине-серого слоя: от тонкого слоя ждать нечего.

— Синяя глина! — твердил Яа. — Вот она! Ты велел искать, и я нашел.

Тинг плюнул и ушел домой.

— Синяя глина! — услышал он в кампонге. — Синяя глина!

Все знали о синей глине, которую искал и не находил Тинг. Кампонг услышал о находке и радовался удаче Яа.

— Синяя глина! — слышал Тинг сквозь стены своего жилья.

— Питек! Питек! — пицал комар, забившийся под полог кровати.

Насмешливо шурился череп носорога со страницы развернутой книги. «На черепе носорога никогда не бывает рога», — вспомнилась Тингу школьная шутка. Он захлопнул книгу и, запив глотком хинной настойки облатку хинина, выглянул наружу.

Китаец-лавочник в синей кофте улыбнулся ему, сверкнув синими очками.

— Проклятье! — Тинг схватил сачок для бабочек и выбежал на улицу.

В лесу он раздавил несколько молей и отшиб сачком хвостик красно-черному махаону. Руки дрожали, в глазах мелькала синяя полоска: она расширялась и сужалась, словно мигая. Рот был полон горечью хинина и неудачи, в ушах звенело от хинина и возгласов: «Синяя глина!», сердце противно ныло.

Бродя по лесу, Тинг искал орнитоптеру. Красавицы-бабочки не было, и еще горче становилось во рту, сильнее звенело в ушах.

Очень хотелось пить. Бледно-желтая ягода лопнула на пересохших губах, и сладковато-кислый сок чуть связал язык. Забыв о бабочке, Тинг принялся шарить в кустах.

Сидя на поваленном стволе, он брал из горсти ягоду за ягодой. Давил их языком, выплевывая кожицу и семечки.

— Пиииить! — пискнула какая-то птица вблизи него.

— Дразнишь? — усмехнулся Тинг. — Дразни... Я еще найду его, питека.

Вдруг он вспомнил:

«Синяя глина... Да ведь она должна быть внизу, не в ней кости, а над ней».

Тинг вскочил. Сердце билось быстро и радостно, в ушах весело шумела кровь.

Он зашагал меж деревьев, отшвыривая гнилушки и отталкивая цепкие стебли лиан. Размахивал сачком и напевал: «На черепе носорога никогда не бывает рога».

Заметив просвет, Тинг заспешил к нему. Издали увидел желто-черные крылья орнитоптеры и побежал.

Спугнутая бабочка полетела вдоль края поляны, высоко взлетая над кустами, спускаясь над луговинками. Тинг бежал за ней, прыгая через поваленные стволы и громко хохоча.

— Догоню! — закричал он ей. Споткнулся о пень и упал, хлопнув сачком по земле.

Тинг чихнул и открыл глаза. Огромная бабочка порхала у его лица.

— Орнитоптера! Золотисто-зеленые крылья с ярко-красными хвостиками, на голове словно золотая шапочка... Я не знаю такой, значит, это новый вид.

Тинг не удивился и не почувствовал желания поймать бабочку. Она только забавляла его.

Орнитоптера опустилаcь, и Тинг снова чихнул.

— Вот щекотунья!

Вытянув нижнюю губу, Тинг дунул на бабочку, которой так хотелось усесться на его носу.

Бабочка, чуть взмахивая крыльями, поднялась, но не улетела; она поднималась и опускалась: человек и бабочка словно играли.

Тинг дунул изо всех сил. Струя воздуха отшвырнула бабочку в сторону, и лежащий на спине Тинг потерял ее из виду. Тогда он повернулся на бок и увидел слоненка.

Совсем молоденький слон стоял возле раскидистой пальмы, жевал траву и размахивал коротким хвостом. И снова Тинг не удивился. Он взглянул на слоненка так же спокойно, как минуту назад глядел на орнитоптеру.

Тинг лежал на опушке, под деревом. Манго и мангустаны, баобабы и фиговые деревья протянули ветви к солнцу и, как навесом, прикрыли ближние кусты опушки и траву. Толстые стволы расамал башнями поднимались ввысь, чтобы там, над деревьями, одеться маленькой кроной из редких ветвей.

Яркие кружочки пестрели в траве и на листьях пальм: солнечные лучи пробивались сквозь вырезные листья фиговых деревьев. Кусты были покрыты желтыми цветами, и Тинг не сразу понял, где цветы, а где солнечные кружочки: так ярки были и те и другие. Дул ветерок, шевелились листья, и золотые кружки прыгали по траве, а желтые цветы качались. Тинг уже забыл о бабочке и не видел слоненка: его заняли прыгающие желтые кружки.

Слоненок потоптался возле пальмы и пошел вдоль опушки. Поглядывая по сторонам и хлопая ушами, он подходил все ближе и ближе к Тингу. Прошел так близко, что Тинг поджал ноги к животу: слоненок чуть не наступил на них.

И все же он не заметил Тинга: прошел мимо него, словно это был пень. Остановился в двух шагах и уставился на куст: над желтыми цветами кружились пчелы. Тинг перевернулся на другой бок и, поглядывая на слоненка, пополз. Он спрятался за толстым стволом дерева, возле которого лежал, и принялся считать желтые кружки, прыгавшие по слоненку.

Желтый кружок мелькнул в воздухе у самой головы слоненка. Еще раз, еще... Кружок упал на голову и разлетелся брызгами.

Тинг принял это как нечто вполне законное. Что ж, если кружки могут быть цветами, то почему им и не быть чем-то еще, плодами манго, например?

Спелый плод манго растекся по лбу слоненка. Он вздрогнул, оттопырил уши, взмахнул хоботом. Новый плод залепил ему глаз. Слоненок подскочил, замотал головой, повернулся... Сверху сыпались желтые манго, в воздухе мелькали желтые кружки, и все они падали возле слоненка.

Манго не просто падали, их кто-то бросал. Тинг видел дерево, но не видел на нем ни зверя, ни человека. Не видел его и слоненок, да он и не смотрел на дерево. Помотав головой, он поднял вверх хобот, изогнул его и принялся водить им по голове.

Тинг едва удержался от хохота — так забавно водил слоненок хоботом по лбу и щекам. Он словно работал пылесосом, вытягивая пыль из ковра. Собрав хоботом мякоть

манго со лба, слоненок сунул ее в рот, пошевелил губами и подхватил хоботом манго с земли. Положил его в рот и потянулся за вторым.

Ударяясь о толстую кожу слоненка, плоды лопались, и переспевшая мякоть растекалась грязной пеной. При каждом ударе слоненок взмахивал хвостом, хлопал ушами, но быстро успокаивался и принимался жевать.

Тинг выполз из-за дерева. Теплый мягкий комок растекался по его лицу.

Слоненок, смешно топоча, побежал по опушке. Тинг вытер лицо.

На дереве кто-то не то хрипло залаял, не то засмеялся. Меж листьев неясно мелькнула темная фигура, волосатая рука охватила толстую ветвь.

Рука взмахнула, возле головы Тинга брызгами разлетелся манго.

— Ху-ху-ху! — захрипело среди ветвей.

Тинг спрятался за стволом.

— Ху-ху-ху! — раздавалось всякий раз, как брошенный манго растекался по коре.

Тингу было все равно, злится или играет с ним эта скрывающаяся среди листьев обезьяна. Он встал и прижался к толстому стволу рядом с большой орхидеей. Грозди белых цветов качались у его глаз, мошки щекотали нос, а пчелы жужжали у самого уха. Сквозь сетку цветов он смотрел на дерево. Там среди ветвей что-то темнело.

Манго попал в орхидею. Грозди цветов хлестнули Тинга по щеке, пчела запуталась в волосах.

— Молодец! — не удержался Тинг.

— Ху-ху-ху! — отозвались ветви.

Тинг перебежал к соседнему дереву, ближе к обезьяне. Манго перестали падать, а ветви дерева сильно затряслись: обезьяна переменила место. Тинг сделал еще несколько шагов, и новое дерево ответило дрожанием ветвей: обезьяна уходила.

Теперь Тингу очень захотелось увидеть ее. Он спрятался за деревом и замер. Прошло несколько минут, и среди ветвей показалось волосатое лицо. Оно только выглянуло

меж вырезных листьев, и Тинг не успел разглядеть его.

Кусочек коры у самого лица Тинга вдруг зашевелился. Показалась серая ящерка с пятнистым мраморным рисунком на спине, по окраске похожая на кору больше, чем сама кора. Тонкие пальцы с присосками на конце цепко держались за трещинки коры, а большие прозрачные глаза блестели, словно стеклянные.

— Не гиббон. Не мартышка... Молодой оранг? Нет, не его лицо. Да и откуда здесь взяться орангу?.. Геккончик... Нет, не оранг. Подожду еще...

Ящерка исчезла: она перестала ползти и сразу сделалась невидимой. Зато появилась гусеница — сухой сучок вдруг изогнулся горбом, потом распластался, потом снова согнулся дугой.

— Гусеница пяденицы, — определил Тинг и отошел от дерева.

Лиана закачалась. Тинг взглянул и увидел толстый стебель, исчезающий в кроне дерева. Стебель раскачивался, словно канат, по которому только что кто-то спустился.

Стебель лианы качнулся сильнее, и сейчас же раздался жалобный крик.

— Уй-уй-уй! — хныкал кто-то на земле подле лианы, среди густых зарослей папоротников.

Согнувшись, почти на четвереньках, Тинг подкрался к папоротникам. Встал на колени и пополз, осторожно раздвигая узорчатые листья вайи.

Он боялся опоздать и боялся спугнуть. Сердце стучало, в ушах шумело. Тинг задыхался: от влажной земли поднимался пар, гниющие листья и папоротники удушливо пахли.

— Уй-уй-уй! — звучало совсем близко, но зеленая стена была плотна. Тинг ничего не видел впереди, кроме этой зелени, светлой и темной, смешанной с ржавым и бурым и пестревшей красными пятнами верхушек еще неразвернувшихся вайи.

— Еще... еще... — подгонял себя Тинг, раздвигая вайи и подминая коленями гибкие молодые побеги.

Подняв голову, Тинг увидел почти над собой стебель лианы. Вперемежку с хныканьем слышалось сопенье и чавка-

ные. Он слышал, но по-прежнему ничего не видел.

Ползти на четвереньках дальше было страшно: хныкающее существо совсем рядом. Тинг вытянулся на влажной земле и пополз под вайями. Хватаясь вытянутыми руками за корневища папоротников, он потихоньку подтягивался к ним и медленно продвигался вперед.

— Уууууй, уууй! — раздалось сбоку.

Тинг скрипнул зубами: он ошибся, взял в сторону и пополз мимо.

Повернуться было трудно. Тинг отполз назад, подобрал под себя правую руку, уложил вдоль бока левую. Подпираясь правой рукой, повернул немного туловище в поджал ноги.

Он провозился минут пять, то съезживаясь в комок, то вытягиваясь, и наконец повернулся.

Тинг задыхался. Ему хотелось открыть рот и дышать часто и глубоко, но громко вздохнуть нельзя: спугнешь. Сжавшись в комок, уткнувшись лицом в колени, он старался отдышаться.

Отдохнув, Тинг вытянул руки, ухватился за толстое корневище и сразу продвинулся вперед. В сети узорчатых листьев и гибких стеблей появилось темное пятно. Оно было так близко, что Тинг боялся протянуть руку, чтобы не дотронуться до него. Все же он прополз еще немножко: слишком густа была зеленая сеть.

Тинг раздвинул вайи.

Перед ним виднелась темная волосатая спина. Кто-то сидел на земле спиной к Тингу и жалобно скулил. По положению рук было видно, что они поднесены ко рту.

«Сосет палец. Сосет, чавкает и скулит».

— Уууууй! — жаловалось животное, чуть раскачиваясь.

Волосатый затылок был совсем обезьяний. Почти голые раковины ушей Тинг принял бы за человечьи, но спина была покрыта волосами, плечи волосатые, верхние части рук — в волосах.

«Обезьяна! Свалилась, ушибла палец и сосет его».

Цель была достигнута, и Тинг успокоился. Он отдышался, вытянул ноги, подпер руками голову.

Обезьяна продолжала скулить. Концы листьев папоротника щекотали ей бока, и она нетерпеливо ерзала, громко чмокая.

Только теперь Тинг заметил, что обезьяна велика для макаки или мартышки. На гиббона она была совсем не похожа: коренастая, плотная, с короткой крепкой шеей. Тинг видел разных обезьян в зоопарках и на рисунках и мог отличить гиббона от макака или шимпанзе.

«Новая порода... А ведь новую орнитоптеру я упустил! — вдруг вспомнил он. — Красные хвостики... Удивительно! Или ее и не было, а я просто ошибся спросонок?»

Но обезьяна была здесь. Стоило протянуть руку, чтобы дотронуться до ее спины.

Сломанным стеблем Тинг пощекотал волосатую спину. Обезьяна заерзала, передернула плечами. Пощекотал еще. Локтем согнутой руки обезьяна почесала бок, выгнула руку, чтобы почесать спину. Кончик стебля задел ухо, и тотчас же коричневая рука хлопнула по уху. Тинг едва успел отдернуть прутик.

Теперь обезьяна уже не скулила и не чмокала. Она чесала бока, пробовала чесать спину, хлопала ладонью по затылку, по шее.

Тинг так увлекся, что не заметил перемены: движения обезьяны становились все резче. Она злилась, а кончик прутика бегал и бегал по ее спине и затылку.

Внезапно обезьяна вскочила и повернулась...

Тинг окаменел с протянутой вперед рукой.

С громким криком обезьяна метнулась в сторону. Задела стебель ротанга*, укололась о шип и с визгом исчезла в зарослях.

Издали донесся громкий рев.

Вскочив, Тинг побежал за обезьяной. Он прыгал через кусты папоротников, ломал какие-то стебли, спотыкался о корневища.

— Скорей! Скорей! — задыхался он.

* Ротанг — ползучее тропическое растение из семейства пальм.

Впереди трещали кусты, вверху кричали перепуганные шумом синие птицы с длинными хвостами. Стебли лиан хватали Тинга за ноги и не пускали. Заросль папоротников была бесконечной.

Папоротники исчезли, словно их и не было. Исчезли деревья и лианы. После полумрака леса Тинга ослепил яркий, режущий глаза свет.

Тинг остановился.

Меж кустов и красно-синих шапок цветов мелькала обезьяна. Она бежала не на четвереньках, а на двух ногах. Переваливалась, размахивала руками, словно опираясь ими о воздух, но бежала на двух ногах.

Увиденное не успело войти в сознание Тинга. Из-за куста вышла вторая фигура, вдвое больше первой. Она грузно переступала двумя ногами. Темное тело было покрыто темными же волосами.

Маленькая фигурка подбежала к большой.

— Ууууй, уууй! — раздались знакомые Тингу звуки.

Эти звуки словно разбудили Тинга. Он увидел, понял и... нисколько не удивился.

— Это питеки! Бедняга Дюбуа! Кусок черепа или живой питек...

Спрятавшись в кустах, Тинг поднес к глазам бинокль. Он достал его из чехла, висевшего через плечо на ремешке. До этой минуты Тинг почему-то ни разу не вспомнил о бинокле.

Питеки не видели человека, скорчившегося в кустах. А Тинг очень боялся, что его увидят.

— Убегут! — шептал он, стуча зубами. — Убегут...

Он был почему-то уверен, что убеги питеки — и больше их не встретишь. Была и исчезла новая орнитоопера, был и исчез яванский слон. Почему же не исчезнуть и питекам? Он съежился, прижимая к глазам прыгающий в руках бинокль.

Радужные круги — вот все, что видел Тинг. Он вертел кремальеру*, щурил глаза, и все же — ничего, кроме радуги.

Похолодев от страха, он опустил бинокль.

«Вдруг успели убежать?»

Питеки были здесь.

Тогда новый страх охватил Тинга:

«А если это не они, если мне показалось?..»

Темные фигуры, ходившие на двух ногах, не были людьми. Они не были и обезьянами. И все же Тинг боялся, что ошибается, что перед ним мираж.

Он снова приставил к глазам бинокль.

Радужное кольцо исчезло. В светлом круге Тинг вдруг увидел лицо взрослого питека. Он невольно отшатнулся — таким близким оно ему показалось.

Черные глаза сверкают, словно из глубоких ямок: над глазами навесом выдаются огромные надбровные дуги. Покатый лоб так низок и так косо убегает назад, к темени, что его почти нет. Подбородок сильно скошен назад — его, в сущности, нет, как и лба. Почти плоская переносица, большие ноздри...

Это было страшное лицо: низкий покатый череп, нависший над глазами; убегающий к шее подбородок. Негустые темные волосы покрывали лицо и голову. И потому, что волосы лица и головы были одинаково коротки, голова выглядела голой.

Странная голова получеловека-полуобезьяны. Эта смесь раздражала: было неприятно смотреть и хотелось смотреть, не отрываясь.

Брови питека то поднимались, то опускались, и над ними набегали складки морщинок. Морщинки были и на темени, и это особенно поразило Тинга. Он даже попробовал так же сморщиться, но сколько ни шевелил бровями, морщинки собирались лишь на лбу.

* К р е м а л ь е р а — винт бинокля для наводки на фокус.

— Э, да кто его разберет, где у него лоб, где темя! — рассердился Тинг на себя самого. — Лба, правда, не видно. Но не от бровей же у него темя начинается! Лобная кость все равно есть, хоть и косая.

Питек взглянул в сторону Тинга, глаза их встретились в бинокле. Тинг задрожал, хоть и чувствовал, что питек его не видит. Угрюмый взгляд был чутко настрожен. Он говорил: «Вокруг меня всегда враги».

Тинг опустил бинокль и протер чистые стекла, словно хотел стереть с них угрюмый взгляд питека.

Детеныш стоял возле матери и сосал палец, сторбившись и подпирая рукой руку. Короткие ноги его были тонки, но крепки. И весь он, худощавый, выглядел крепким и сильным.

«Сколько ему лет? Пять? Десять?» спрашивал себя Тинг.

Мать шагнула, пошла. Детеныш продолжал стоять. Тинг поймал в бинокль его лицо. Навес над глазами был меньше, подбородок не казался таким скошенным. В лице было больше обезьяньего, оно, пожалуй, походило на лицо гориллы. И все же оно не было обезьяньим.

«Где здесь человеческое? Не в руках. Не в туловище. Не в ногах... — думал Тинг. — В голове? Да. Но что?»

Он искал и не находил. Человеческое было именно в голове, хотя лицо и выглядело обезьяньим.

Ворчанье напомнило Тингу о матери. Она ворчала. Остановившись и повернув голову к детенышу.

— Ууууй! — ответил детеныш, не двигаясь с места. Он сосал палец, пристально глядя на шапку красно-синих цветов, по которой ползали большие желтые мухи. Вынув палец изо рта, ударил по цветочной шапке, сбивая мух.

— Ху-ху-ху! — захрипел он, размахивая руками и ударяя по повисшим на сломанном стебле цветкам.

Мать заворчала громче. Ее верхняя губа приподнялась, показались зубы. Рука сжалась в кулак.

Сбив цветки, детеныш ударил по жесткому стеблю. Схватил его и стал дергать.

Казалось, он сражался с каким-то врагом. Сражался с ожесточением, как мальчишки сражаются с крапивой или

лопухами.

Стебель сломался. Детеныш не удержался и упал, но не выпустил из рук обломка. Стоя на коленях, он ухватился за остаток стебля.

Тинг видел то, чего не видел детеныш, завлекшийся сражением с цветочными шапками и стеблями: мать вернулась. Она схватила детеныша за плечо и рванула кверху.

Заскулив, детеныш подогнул ноги. Он не вырывался — так цепко ухватили волосатые пальцы матери его волосатое плечо. Детеныш повис в воздухе, поджимая ноги и закрывая руками голову.

— Йииии! — завизжал он.

Мать повернулась и пошла, волоча за собой детеныша.

У Тинга заныло плечо: он представил себе, как пальцы питека впиваются в кожу.

Питек пошел в сторону рощи, видневшейся влево от Тинга. Тинг, не поворачивая головы, следил за ним, кося глазами. Он повернулся лишь тогда, когда увидел затылок питека.

Теперь детеныш шел чуть позади матери, уже выпустившей его плечо.

Их походка не была звериной, но в ней не было и красивого автоматизма походки человека.

Ноги заметно подгибались в коленях, а спина сутулилась, широкий торс словно оседал на узкие бедра. Стоя, питек выглядел слегка присевшим. На ходу ноги, подогнутые в коленях, передвигались как-то неуверенно. Руки двигались не в такт ногам.

Сильный и коренастый, подвижный и по-своему ловкий, питек выглядел неуклюжим и даже слабоватым. И все из-за походки.

Приподнявшись, Тинг глядел на питеков. Он не боялся, что его увидят: питеки шли, не оглядываясь. Они отошли уже далеко, но бинокль держал их у самых глаз Тинга.

«Она взрослая, а походка у нее ребенка, недавно научившегося ходить. Она сильная, и ноги у нее крепкие, но они еще плохо ее слушаются».

Тинг понял секрет странной походки питека. Про второй секрет — секрет головы — он уже позабыл.

Опустив руку с биноклем, Тинг встал во весь рост. Куст едва закрывал его до колен, но Тинг забыл о страхе. Положив бинокль в чехол, он пошел за питеками так спокойно, словно вышел прогуляться вечером по берегу канала, там, дома.

Питеки шли к роще. В сотне шагов за ними шагал Тинг, задевая синие цветы и сгоняя с них желтых мух.

Похожая на фазана птица вылетела из куста, задетого матерью. Она пролетела возле питеков, и мать схватила птицу за хвост. Взмахнула второй рукой, но опоздала: птица вырвалась, оставив в кулаке питека несколько перьев из длинного хвоста.

— Ху-ху-ху! — завопил детеныш вдогонку птице. — Ху-ху-ху!

Он поднял брошенные матерью перья. Терял и ломал их. Хукал и бил перьями по синим цветам.

Мать наклонилась над кустом, из которого вылетела птица. Присела на корточки, стала перебирать траву и стебли под кустом.

ТИНГ протянул руку за биноклем и вытащил из чехла синий цветок. Швырнул его и вытащил второй... третий... четвертый... Он следил за питеками, вытаскивая и бросая цветок за цветком.

Взглянул на руки. В правой был синий цветок. В левой — бинокль. Отшвырнув цветок, он приставил бинокль к глазам.

В руке матери появилось коричнево-рябое яйцо.

Детеныш схватил яйцо и раздавил его.

Желток растекся по пальцам.

Пока мать доставала второе яйцо, лицо детеныша пожелтело. Он лизал ладонь, сосал пальцы, водил ими по лицу и снова совал их в рот. Прodelывая это, он лез через руку матери в куст.

Второе яйцо он не раздавил, а засунул в рот целиком.

Тинг увидел вымазанное желтком лицо и раздутые ще-

ки. Задыхаясь, детеныш таращил глаза и шевелил губами. Он совал пальцы в рот, но места для них там не было.

Руки с растопыренными пальцами беспомощно повисли. Из глаза выкатилась слезинка.

Рот раскрылся, между зубами показалось яйцо. Зубы сжались, щеки опали, а на зачмокавших губах повисла струйка белка. Через минуту детеныш выплевывал скорлупки, раздувая щеки и сильно оттопыривая губы. Скорлупки не летели далеко: они падали с губ и прилипали к груди и животу детеныша.

Мать успела съесть остальные яйца сама. Она скусывала их верхушки, вытягивала трубочкой губы и, охватив ими яйцо, втягивала в рот белок и желток. Ни одной капли не повисло на ее губах.

Детеныш подобрал скорлупки, брошенные матерью. Лизал их, пустые и почти сухие. Бросал облизанные, хватал другие, давил их; к его губам прилипали кусочки скорлупы. Коричневые, они были едва заметны на темных губах.

Облизав все скорлупки, детеныш стал снимать налипшие у него на груди и животе. Глядел на каждую и бросал ее, резко взмахивая рукой. И пока скорлупка не исчезала в траве, он не снимал новой.

— Проклятые удочки!

Проклиная толстые стволы бамбуков, Тинг протиснулся на узкую прогалину. Два темных пятна едва виднелись впереди среди пестрой сумятицы теней и солнечных пятен. Ноги ступали по плотному ковру полусгнивших длинных и узких листьев. Треск сломанной ветки заглушался жестяным звоном верхушек. Дул ветерок, и темные полосы теней, качаясь, сходились и расходились с изжелта-белыми полосами стволов.

Тинг взглянул вниз: в глазах зарябило. Золотые кружки солнечных лучей пестрили землю и гнилые листья.

Питеки терялись в движении полос и золотой ряби.

Заросль казалась мертвой. Гладкие и блестящие, словно неживые, уходили ввысь голые стволы. Шелест крон походил на шорох металлической стружки. В частоколе бамбуков не кричала ни одна птица, не мелькала ни одна бабочка.

По прикрытой нависшими кронами прогалине питеки шли, как по высокому коридору. Прогалина была так узка, что детеныш не всегда мог идти рядом с матерью. Он отставал, пытался идти сзади. И всякий раз волосатая рука хватала его за плечо и проталкивала вперед. Мать не позволяла детенышу идти сзади.

Каких-нибудь тридцать шагов отделяли теперь Тинга от питеков. Игра теней метала ему следить за ними, но она же скрывала его от них. Мать несколько раз оглядывалась, и всякий раз сердце Тинга стучало, а виски холодели. И всякий раз мать не замечала Тинга.

Нога чуть уходила во влажную землю. Стало сырее, впереди показался просвет.

Мать нагнулась и почесала ногу, потом бок. Детеныш присел и стал чесать обе ноги сразу.

Через минуту мать уже раздирала ногтями грудь и ноги, терла локтями бока. Детеныш катался по земле, громко скуля.

Тинг остановился.

Одной рукой мать чесала живот, другой — бок. Подняв левую ногу, скребла ею по правой. Не удержалась, упала в заерзала спиной по земле. Вскочила и принялась скрести голову и плечи. Задев, сшибла детеныша и снова упала сама. Они катались по земле, по ним прыгали солнечные пятна, вокруг раскачивались темные и светлые полосы.

Спотыкаясь, размахивая руками и все же пытаясь чесаться на ходу, мать побежала. Делая неуклюжие прыжки, она обогнала детеныша, словно позабыв о нем.

Детеныш, визжа, бежал за ней, падая, вскакивая и снова падая.

Ударившись боком о стволы бамбука, мать отскакивала и ударялась о стволы с другой стороны прогалины.казалось, огромный мяч мечется от стены к стене в узком ко-

ридоре.

— Гхааа!.. Гхаааа!.. — хрипло редела мать.

— Уйиии!.. Уйиииии!.. — визжал детеныш.

Ногу Тинга кольнуло. Зачесалось. Еще... Еще...

Он нагнулся. По штанине быстро ползли бледные ниточки. Они то стягивались, высоко горбятся, в комок, то растягивались. Ноги начинали зудеть.

Тинг резко ударил по ногам, словно сбивая с них пыль. Подпрыгнул и побежал за питеками.

— Только этого не хватало! — хохотал он, прыгая и хлопая себя по ногам.

Ему было, как это ни странно, смешно. Забавное приключение: нападение земляных пиявок!

Питеки выбежали на поляну. Среди яркой осоки сверкала вода. Шумно взлетели утки, лениво поднялась цапля. Просвистели кулики.

Ноги матери по колени уходили в топкую грязь болота. Детеныш упал на четвереньки.

Утопая в грязи, он хрипел, задирая кверху вымазанную голову.

Схватив детеныша за плечо, мать вытащила его из грязи. Расплескивая ил, вошла с ним в воду.

Тинг остановился у края бамбуковой заросли. Он ожесточенно тер ладонями ноги, плотно прижимая штанины к телу.

На покрытом зеленью и грязью полотне проступили пятна и красные полоски. Тоненькие ниточки превратились в пузырьки, наполненные кровью: Тинг давил насосавшихся пиявок-крошек.

Питек плескался в неглубокой воде, рыча от удовольствия. Приседал, скрываясь в воде почти по плечи, тер себя руками. Детеныш стоял возле, уцепившись за бок матери. Жмурился и вертел головой.

Большая зеленая лягушка вынырнула и распласталась на воде. Детеныш увидел ее и насторожился. Перестал держаться за мать, зашевелил пальцами. Неуверенно передвигая ноги, шагнул к лягушке. Протянул руку, взмахнул ею и упал.

Мать оглянулась на всплеск воды. Схватила барахтавшегося детеныша за ногу. Подняла его над водой, перехватила другой рукой. Поставила рядом с собой и провела рукой по его лицу, смахивая воду.

Детеныш чихал и плевался водой. Из сжатого кулачка торчал зеленый стебель, из глаз катились слезы.

Не успел Тинг передавить всех напавших на него пиявок, как детеныш развеселился.

— Ху-ху-ху!— захрипел он, ударив стеблем по воде. — Ху-ху-ху!

Уронив стебелек, он бил по воде ладонями, жмурясь от сверкавших брызг.

Мать пошла через болото, таща за собой детеныша. Болото было неширокое, и они быстро выбрались на другой берег. Прошли по осоке, добрались до пригорка и сели.

Мать принялась водить пальцами по груди и бокам, по голове. Счищала грязь, выбирала из мокрых волос набившийся в них мусор. Детеныш лежал на спине. Задрал ногу, ухватил ее одной рукой, а другой сколупывал с коленки быстро сохнувший на солнце ил.

Узкое болотце далеко протянулось в стороны. Тинг огляделся и присел на корточки: спрятаться среди осоки было трудно. Поглаживая еще зудевшие ноги, он глядел на большую стрекозу с бирюзовым брюшком, летавшую кругами возле него. Стрекоза хватала на лету комаров. Иногда оборванное крылышко комара падало, кружась, у самого лица Тинга. Тогда он видел, как оно переливалось перламутром в солнечном луче.

Развалившись на пригорке, мать грелась на солнце. Переворачивалась с боку на бок, сушила спину и живот, а руками шарилась в траве. Выдергивала какие-то травинки, что-то совала в рот.

Детеныш выпустил из рук ногу и встал на четвереньки. Пополз вперед. Хлопнул по траве и пригнул голову, заглядывая под прижатую к земле ладонь. Пополз опять, снова хлопнул.

Он ползал и хлопал, каждый раз заглядывая под руку.

«Кузнечика ловит. А может, и лягушонка».

Тинг засмеялся, вспомнив, как детеныш ловил лягушку на болоте.

— Ху-ху-ху! — крикнул опять детеныш. — Ху-ху-ху!.. Уйиинни! — завизжал он тотчас же.

Мать резко повернулась. Детеныш не удержался на четвереньках, упал на бок и визжал, тряся поднятой рукой.

В ладонь детеныша впился большой кузнечик.

Не вставая, мать схватила детеныша за руку, сжала в пальцах кузнечика. Оторвала ему голову и сунула кузнечика детенышу.

Держа кузнечика в руке, детеныш лизал укушенную ладонь. Длинные ноги кузнечика торчали во все стороны, детеныш возил ими по лицу, задевал глаза. Морщился, но продолжал лизать руку, в пальцах которой держал добычу.

Нога кузнечика попала в ноздрю. Детеныш чихнул так сильно, что повалился на бок и уронил кузнечика.

— Ху-ху-ху!

Держа раздавленного кузнечика, он оборвал ему — по одной — ноги и крылья. Рвал изо всех сил и бросал обрывки далеко в стороны. Съел остатки кузнечика, полизал пальцы и потянулся к матери за корешком. Сидел на корточках и жевал, глядя в траву.

— Ху-ху-ху! — снова завопил он, ударяя по земле. — Ху-ху-ху! Ху-ху-ху!

Возле пней возился детеныш.. Один! Как и куда исчезла мать, Тинг не заметил.

Детеныш присел возле пня и похлопал по нему рукой. Ухватился за торчащий выступ коры и дернул. Кусок коры отвалился так легко, что детеныш не удержался и упал на спину.

Снова присев у пня, он запустил пальцы в гнилую древесину и вытащил большую белую личинку. Жирная личинка упруго ворочалась в пальцах, скользила и вырывалась. Детеныш поднес ее ко рту головой вперед и быстро отдер-

нул руку. Поглядел на личинку, снова поднес ко рту и снова отдернул руку. Зашевелил губами, облизал их, почесал свободной рукой.

Бросил личинку на землю и ударил по ней ладонью. Сжал в пальцах влажный белый комоч, облепленный мусором и землей. Сунул в рот и личинку и пальцы.

Он не спешил: пока жевал личинку, не искал другой.

Переходя от пня к пню, детеныш добрался до толстого ствола. Огромное дерево косо поднималось от земли в высоту: падая, оно запуталось ветвями в кронах соседей. Присев на корточки, детеныш обшарил ствол вниз. Нашел и съел несколько личинок. Сунул в рот большого муравья и потом долго плевался. Даже высунул язык и тер его рукой.

Ствол отлого поднимался над землей. Детеныш шел вдоль него и шарил по коре на уровне глаз. Он попробовал отдирать кору над головой, поднимая руки и задирая голову. Засыпал мусором глаза.

Тинг стоял за деревом совсем близко. Он хорошо видел каждое движение детеныша, каждую морщинку на его лице.

Детеныш сморщился, оттопырил губы и принялся тереть глаза. Не удержался на ногах, сел. Приоткрыл было один глаз, но снова зажмурился и быстро заелозил ладонями по лицу. Тер как придется, и вдоль и поперек лица, наконец открыл глаза, вытаращил их и заморгал. Очевидно, больше ничто не мешало ему смотреть. Он влез на ствол и пополз. Лежа на животе, пробовал отдирать кору.

Оторвал большой кусок и вытащил огромную личинку. Она завертелась у него в пальцах, упала, скользнула по коре и свалилась со ствола.

Выпятив нижнюю губу, детеныш посмотрел на пустую руку. Посмотрел на кору. Подполз к краю.

Личинка упала на куст и корчилась на большом листе. Лист дрожал, а детеныш свесил со ствола голову и глядел на личинку, шевеля пальцами опущенных рук, словно что-то хватая.

Черешок согнулся, лист наклонился, и личинка упала на землю. Детеныш потянулся за ней и свалился со ствола.

Он перекувырнулся в воздухе и упал в середину большого густого куста. Запутался в нем и заворочался, ломая ветви и сбивая листья.

— Ууууу!.. Уууууу!.. — закричал он, выбившись из сил.

В вершинах деревьев зашумело. Ветви закачались, упало несколько сучков.

Тинг взглянул вверх: с вершины дерева спускалась стайка макак.

Обезьяны расселись на нижних ветвях и смотрели на куст. Они, лопоча, толкали и щипали друг друга, бросали вниз листья и обломки веток.

Макак слез с дерева и подбежал к кусту. Заглянул в него, отскочил, снова заглянул. Прыгнул назад на дерево, закачался, повиснув на лиане.

Стая с визгом спустилась на землю. Макаки полезли в куст, начали дергать детеныша за руки и за ноги, потащили его из куста.

Детеныш кричал и вырывался, хватаясь за ветви. Вырвался, побежал, крича и спотыкаясь. Макаки прыгали вокруг него, ловили за руки, толкали.

Он упал. Обезьяны, визжа, бросились к нему. Они щипали друг друга и детеныша, вскакивали, отбегали и снова бросались в эту живую кучу. Детеныш ворочался среди рук и хвостов и орал изо всех сил.

Вдруг макаки бросились к деревьям. Тинг не видел, что случилось, кто испугал макака. Может быть, им просто надоела возня с детенышем?

Внизу остался лишь один макак. Детеныш, лежа на животе, крепко держал в руке его длинный хвост. Обезьяна рвалась, визжала, но рука не разжималась.

Стая уселась на нижних ветвях. Макаки вскакивали, перебегали с ветки на ветку, глядели вниз, подталкивая друг друга. Казалось, они смеялись над рвавшимся из рук детеныша макаком.

Макак оскалил зубы и обернулся. Тинг ждал, что он укусит детеныша, и ошибся. От звонкой оплеухи обезьяны подпрыгнули на ветвях, а детеныш выпустил хвост.

— Ху-ху-ху! — прохрипел он вдогонку убежавшему макаку.

Несколько мгновений — и стая шумела высоко в ветвях.

Детеныш остался один. Он лежал на животе, вытянув вперед руку, из которой вырвался макак. Придвинул руку к себе, посмотрел на ладонь, на траву, взглянул на дерево. Он словно хотел понять, куда девалось то, что было зажато в его руке.

Сел, поднял с земли сучок и начал вертеть его между пальцами. Подбросил его вверх, поднял, опять подбросил. Он не ловил сучок на лету, и Тинг был очень огорчен этим: занятно было бы видеть питека играющим в мяч.

На одной из веток, у самой головы Тинга, лежал и грелся на солнце летающий дракон: ящерица в двадцать сантиметров длиной. Бурая окраска его, пятнистая и металлически блестящая, хорошо сливалась с цветом коры сука. Тинг не видел дракона, хотя тот лежал в каком-нибудь метре от его глаз. Но он не мог не увидеть небольшую бабочку-пяденицу, чуть не задевшую крыльями его ухо. А увидев бабочку, увидел и дракона: тот прыгнул.

Распустив кожистые складки-перепонки между передними и задними ногами, дракон пролетел, планируя, несколько метров. Схватил на лету бабочку и, как на парашюте, спустился на куст.

Летевшего дракона заметил и детеныш. Он поднял голову, выронил сучок и повел глазами за драконом. Хотел было вскочить, но дракон, опустившись на вершину куста, снова стал невидим. Детеныш растерянно глядел на куст, приподнимался, снова садился.

С куста упало, кружась, крыло бабочки. Детеныш вскочил и подбежал к кусту. Ловил крылышко, но оно не давалось: рука хватала лишь воздух, а крыло кружилось рядом.

Детеныш разглядел дракона на ветке: у бабочки еще оставалось одно крыло, и оно было хорошо заметно. Маленький питек приподнялся на цыпочках, шевеля губами, словно шепча, и тянулся кверху. Вертясь под кустом, он толкнул ветку, та задела другую. Дракон распустил перепонки и полетел.

Он мог летать только вниз — кверху он всползал, как обычная ящерица. Ниже куста были лишь трава и земля, и дракон спустился на землю. Пополз к дереву: вниз, на земле, ему было очень не по себе.

Увидеть ползущую ящерицу нетрудно. Детеныш подбежал к дракону, с размаху упал на четвереньки, хлопнул рукой по земле раз, другой.

Сел, держа в руке оглушенного ударом дракона. Разглядывал его, тянул за хвост и вдруг испуганно выронил, вскочил, отбежал: дракон, придя в себя, раздул горловой мешок и громко зашипел.

Детеныш убежал, а дракон все еще шевелил хвостом и шипел, подняв голову, под которой вздувался огромный пестрый пузырь.

Он пугал врага, а врага уже не было.

Тинг видел только одно огромное дерево. Его ствол был так толст, что за ним мог спрятаться слон. Ветви раскинулись широким шатром, и их тени хватало бы укрыть небольшую деревню. Сотни лиан опутывали дерево, лестницами свисали с ветвей.

Большая голова с маленькими ушами и крохотными подслеповатыми глазками просунулась меж листьев. Мелькнула черная грудь с ярко-рыжим ошейником-галстуком. Медведь буруанг* неуклюже пробирался по ветвям.

Хватаясь за лианы, буруанг задом сполз по стволу и вперевалку пошел меж кустами. Он останавливался у каждого пня, у каждого трухлявого, гнившего на черной земле ствола. Отдирал кору, разламывал гнилую древесину. Подхватывал личинок и жуков, слизывал их с лап и громко чавкал.

* Б у р у а н г — небольшой малайский медведь.

Тинг повернулся. Теперь перед ним был отлогий берег реки, поросший редкими кустами. Возле груды камней копошился питек-детеныш.

Буруанг шел к воде, раскачиваясь и суя голову в каждый куст. Он выглядел очень любознательным: ему нужно было все поглядеть, обнюхать, попробовать. На самом деле он просто искал еду. Увидя детеныша, буруанг замедлил шаги, насторожил уши и потянул воздух, забавно шевеля ноздрями. Мотнул головой и свернул к гнилому стволу.

— Уй-уй-уй! — завопил детеныш, заметив буруанга. — Уй-уй-уй! Уй-уй-уй!..

Оглянувшись на крик, буруанг запустил лапу под кору трухлявого ствола. Он не успел содрать кору: из-за камней выбежала питек-мать.

Она метнулась к детенышу и загородила его собой, оскалив зубы, сверкая глазами и злобно хрипя.

Буруанг поглядел на нее, замотал головой и отдернул лапу от коры. Повернулся, поглядел еще и неторопливо пошел к лесу.

Мать заревела, и Тинг задрожал, услыша этот рев. Она побежала за буруангом, ревя и размахивая кулаками. Огрызаясь на ходу, буруанг исчез в лесном сумраке.

— Ху-ху-ху! — закричал ему вдогонку детеныш, сжимая кулаки.

Прогнав буруанга, мать вернулась. Детеныш ползал возле гнилого ствола, пытаясь отодрать кору. Совал в трещины пальцы, ложился на ствол, пыхтел и сопел... Встал, пошел вдоль ствола, пробуя то тут, то там ухватиться за выступ коры. Увидел дыру: ствол был с дуплом.

Детеныш засунул руку в дыру и с жалобным криком потащил ее обратно. Рука застряла, детеныш кричал и дергал руку. В его глазах был ужас, лицо сморщилось от боли.

На крик подошла мать: она была совсем рядом. Поглядела на детеныша; поглядела по сторонам. Ухватила руку, рванула.

Детеныш завопил еще громче.

Вытащив застрявшую руку детеныша, мать засунула в дупло свою и начала шарить в дупле. Потащила руку обратно.

Рука застряла. Тинг видел, как мать дергала руку, вертела ею в дупле, выворачивала в локте и в плече. Ничто не помогало. Она громко сопела от напряжения, скалила зубы, злилась. Детеныш сидел возле и то сосал палец, то лизал оцарапанную кисть.

Возясь у дупла, мать зацепила ногой детеныша. Падая, он прикусил палец и завизжал от боли. Отбежал в сторону и жалобно заскулил, снова засунув палец в рот.

Мать вдруг вытащила руку из дупла. Вытащила так легко, словно и не было всей этой возни.

Тинг увидел вымазанные чем-то желтым пальцы. Мать облизала их и снова просунула руку в дупло. Теперь Тинг понял: в дупле было гнездо, мать схватила яйцо, и сжатая в кулак рука с яйцом застряла. Оставить яйцо в дупле мать не хотела, вытащить руку с яйцом не могла.

Питек возился у дупла: в гнезде было не одно яйцо. Детеныш пососал палец и, успокоившись, встал и побрел к реке.

У самого берега на воде плавали листья кувшинок, а по ним ползали блестящие на солнце бронзово-зеленые жуки. Детеныш увидел жуков и начал красться к воде.

В прибрежных зарослях осоки затаился крокодил. Он неподвижно лежал, едва заметный на фоне ила и тины. Его глаза, плотно затянутые прозрачной пленкой, не мигали и тускло смотрели вдаль, но они-то и выдали его Тингу: блеснули на солнце.

Детеныш не заметил крокодила: все его внимание было направлено на жуков, зелеными огоньками сверкавших на солнце.

Услыша шорох, крокодил чуть двинул хвостом и повернул голову. Увидел детеныша и, едва передвигая ноги, пополз к нему.

Раздвигаемая крокодилом осока чуть вздрагивала. Он полз так медленно, что Тинг не сразу заметил его движение. Казалось, в прибрежной тине и осоке по-прежнему лежит какое-то небольшое грязное бревно.

Мать вытащила из дупла руку с взъерошенным комком перьев. Сидя на корточках, оглянувшись, ища детеныша. Вста-

ла и пошла к нему на берег. Ухватив за ноги, разорвала на ходу задушенную в дупле птицу пополам.

Оба питека стояли на берегу, жевали и выплевывали перья и кости. Детеныш залезал пальцами в рот, вытаскивал налипшие там перья, рвал мясо с ноги птицы, мотая головой.

Хрустнул сломанный сучок. Мать быстро оглянулась и подскочила. У ее ноги щелкнули челюсти промахнувшегося крокодила.

Оттолкнув детеныша, мать бросилась на врага.

Крокодил ударил хвостом, разбрызгивая ил. Защелкал челюстями, показывая страшные зубы.

Питек ревел. Его глаза горели, сверкали оскаленные зубы, волосы на голове стояли дыбом. Тинг дрожал в кустах — так страшен был разъяренный питек.

Нагнувшись, питек схватил крокодила за хвост. Крокодил вырывался, царапая землю лапами. Его зубы щелкали у самой ноги питека.

И вот зубы не щелкнули: челюсти крокодила сомкнулись на мягком.

Питек заревел еще громче. Выпустив хвост крокодила, он ухватил одной рукой нижнюю челюсть врага, другой — верхнюю. Дергал, пытаясь освободить ногу из капкана крокодиловых зубов.

Крокодил бил хвостом, извивался всем туловищем, широко загребая ногами, но не разжимал челюстей.

Детеныш убежал и забился меж камней.

Тинг услышал треск: челюсть крокодила обвисла. Питек высвободил ногу, но не выпускал врага. Он поджал ступню, из которой текла кровь, и, припав на одно колено, рвал и ломал. Упал, сшибленный ударом хвоста, и лежа продолжал рвать.

Два тела переплелись, катаясь по берегу. Хвост крокодила ударял то по воздуху, то по питеку, волосатые пальцы и когтистые лапы царапали землю. Капли крови падали на волосатую спину и покрытый чешуйчатым панцирем хвост. Крокодил хрипел, питек громко сопел.

Оторванная нижняя челюсть отлетела в сторону. Крокодил судорожно бил хвостом и рыл землю концом морды. Питек схватил его за шею, пригнулся к горлу...

Он рвал и мертвого крокодила. Рвал до тех пор, пока враг не превратился в кучу кровавых лохмотьев. Только тогда питек отошел от крокодила, громко ворча и злобно сверкая глазами.

Проковыляв несколько шагов по берегу, питек сел. Из прокушенной ступни текла кровь. Питек задрал раненую ногу, схватил ее руками, притянул к лицу и начал лизать.

Детеныш выбрался из камней и подполз к матери. Он дрожал и тихонько повизгивал. Глядел на капавшую из ноги кровь. Прижимался к матери, пытался спрятаться за ее спиной.

Над остатками крокодила уже плясали мухи. Яркие-зеленые, они были издали заметны на красных лохмотьях.

«Что за странность? — удивлялся Тинг. — Говорят, что крокодилы сильно пахнут мускусом. И вот крокодил разорван в клочья, и никакого мускуса. — Тинг понюхал воздух. — Нет, мускусом совсем не пахнет!»

Тинг бежал через рощу.

Он топтал разноцветные листья бегоний и сбивал их плоские розовые цветы. Царапал руки о колючие кусты. Путался в лианах. Наталкивался на деревья и сшибал со стволов целые корзины орхидей — фиолетово-зеленых, пурпуровых и ярко-белых.

Гомраи* с карканьем погнались за ним. Хлопали огромными клювами с толстыми нащепками, пестрели черно-белыми полосами крыльев.

Какие-то птицы взлетали из-под ног. Похрюкивая, промчалась в кустах дикая свинья.

Обезьяны с визгом карабкались по лианам, а гиббоны раскачивались, уцепившись за ветви длинными руками.

Тинг и видел и не видел все это. Бежал в одну сторону, поворачивал, бежал в другую. Снова поворачивал, снова бежал...

Ни минуты остановки!

Он задыхался. В глазах мелькало все сразу: и цветы орхидей, и коричневые стволы деревьев, и зеленые листья, и черно-белые пятна гомраев.

Питеки исчезли!

Тинг не помнил, как он потерял их.

Была опушка, и была река. Питек дрался с крокодилом. Были камни. Возле них сидели два питека: мать и детеныш. Тинг лишь на миг отвел глаза и когда снова взглянул, питеков не было.

Тогда он побежал.

«Найти!.. Увидеть!..»

Поляна... яркий свет... Кусты и трава, путающаяся в ногах...

Лесная чаща и сеть лиан в воздухе, груды гнилья под ногами...

Опушка. Мелкая поросль кустов... Дикобраз — фыркающий ком длинных пестрых игл. Топот испуганного стада оленей...

* Г о м р а и — птица величиной с ворона, с огромным клювом.

Плоская равнина, поросшая невысокой жесткой травой. Огромные чешуи свернувшегося в клубок панголина...*

Тинг задыхался и бежал.

Горячие волны ухали в его голове, колени мучительно ныли, язык едва поворачивался в пересохшем рту.

«Только не упасть! — твердил он себе. — Упаду — не встану».

Он спотыкался, падал, вскакивал и бежал снова.

Овраг... Пологие склоны, покрытые кустами и густой травой. Мордастая голова с огромным рогом на носу...

Склоны превращаются в обрывы. Трава исчезает, отдельные кусты торчат между глубокими бороздами, прорезанными в глине водой ливней. Ямы и рытвины пестрят дно.

Тинг выбежал из оврага и остановился, едва удержавшись на ногах. Отшатнулся, прислонился к выступу обрыва, вцепился в него обеими руками и замер.

«Они!»

Питеки появились так же внезапно, как исчезли.

Высокий обрыв нависал, словно наклонившаяся стена. Равнина уходила вдаль, перегороженная полоской тростника. Зубцы пальмовых крон резали небо.

Питек с грудным детенышем сидел на бугорке. Детеныш вцепился в темную волосатую кожу и сосал грудь. Мать прижимала его к себе одной рукой, другой перебирала короткие волосы малыша. Два больших детеныша возились в траве. В стороне виднелась спина взрослого питека, присевшего на корточки.

Тинг опустил на землю. Его ноги дрожали, колени ныли, пальцы горели. Он сидел, а ему казалось, что его ноги еще бегут. Тинг даже поглядел на них: ноги лежали, протянутые на красной с синими подтеками глине.

Детеныши ползали в траве, искали какие-то растения. Найдя, присаживались на корточки, обрывали листья и жевали стебельки, поглядывая друг на друга.

* П а н г о л и н — млекопитающее животное.

Питек, сидевший спиной к Тингу, встал, поглядел по сторонам и медленно пошел к деревьям.

Он сильно сутулился, а потому выглядел невысоким. Выпрямившись, он оказался бы выше человека среднего роста. Мышцы резко выступали на сухощавых руках и ногах, казавшихся очень тонкими из-за широкой, крепкой груди. У него почти не было жира: лишь кожа и сильные мышцы под ней. Поэтому он выглядел странно: коренастый торс при впалом животе и на тощих ногах. Маленькая голова на короткой шее словно чужая: туловище было велико для такой головы.

Питек шел, чуть согнув ноги в коленях и свесив руки, едва качавшиеся не в такт походке.

Тинг подставил ладонь к глазам и закрыл ею туловище питека: он увидел лишь шагающие ноги. Закрыв ладонью ноги и увидел передвигающееся туловище. Два разных существа! Смотрел на туловище: кто-то шел грузно и тяжело. Видел лишь ноги: ступал не то очень уставший, не то больной ребенок.

Питек подошел к деревьям и осмотрелся. Нагнулся, поднял обломок сука, повертел его в руках и бросил. Поднял

другой... Перепробовал несколько сучков и вернулся на луговинку, неся короткий обломок. Присел на корточках, ухватил обломок обеими руками и воткнул его в рыхлую влажную землю.

Он тыкал обломком в землю, словно ребенок совком. Подковырнул и вытащил корень: толстый и короткий, похожий на уродливую свеклу, но не красный и не белый, а бурый. Положил обломок и принялся рассматривать корень.

Словно близорукий, он подносил корень к самым глазам. Тинг подумал было, что питек нюхает корень. Нет, он пронес его мимо ноздрей именно к глазам.

Питек потер корень ладонью, счищая землю, снова поднес к глазам и откусил кончик.

Детеныши подошли к питеку, встали перед ним и глядели, как он жует. Питек кусал и жевал, словно не видя их.

Съев корень, он поднял обломок и, не вставая, повел головой: искал другой корень. Нашел, оперся на руку и, не поднимаясь, передвинулся на несколько шагов, ловко переступая раскоряченными ногами.

Стоя сзади питека, детеныши смотрели на его работу. Присели, стали ковырять землю пальцами. Толкали один другого и каждый раз переглядывались, скаля зубы.

Смеялись они или злились? Тинг не мог разобраться в этом, так невыразителен был оскал зубов.

Питек снова добыл корень, уселся и начал есть. Один из детенышей тоже сел и принялся жевать стебелек: корешка у него не было. Другой уставился на обломок сука, лежавший возле питека. Протянул руку к нему — не достал. Лег на живот, вытянулся и осторожно пополз. Схватил обломок, отполз, вскочил и пробежал несколько шагов.

Присев, он принялся тыкать обломком в землю. Он не откапывал корень, а просто ковырял, где придется. Пристально смотрел, как конец обломка вдавливается в землю, нажимал, и влажные комочки земли взлетали вверх. Похоже, ему особенно нравилось именно это — взлетающие комочки. Детеныш с силой подковыривал землю, комочки разлетались во все стороны, и он провожал их глазами, отрывисто хрипя.

Второй детеныш бросил недоеденный стебелек и подбежал к первому. Стал вырывать у него обломок.

Они не успели подраться: питек заметил пропажу. За шарил рукой в траве, оглянулся, пошарил еще. Перевернулся и, стоя на четвереньках, пригнулся к земле. Глядел, искал и не находил. Тогда он встал и увидел детенышей. Подошел к ним.

Взмах руки — мимо детенышей промелькнул сучок. Еще взмах — и детеныш ткнулся носом в землю: его сшиб удар по затылку. Второй детеныш скорчился и уткнулся лицом в траву. Питек ударил его ногой и отошел, медлительный и равнодушный.

Он так спокойно проделал все это, что Тинг удивился: не было шума и криков, питек не ворчал и не злился. Он действовал, словно автомат.

Лежа рядом, детеныши скулили. Поскулив, замолчали, приподнялись, огляделись вокруг и снова уткнулись носами в землю: спина питека торчала из травы совсем близко от них.

Они переглянулись и отползли от питека подальше. Снова переглянулись и принялись толкать друг друга локтями в бока. Один повернулся, и локоть другого ударил его в лицо.

Детеныш вскочил, бросился на обидчика и вцепился в него.

— Ху-ху-ху! — кричали они, катаясь в траве, брыкаясь и размахивая кулаками. — Ху-ху-ху!

Они скалили зубы, пытаясь укусить. Рвали друг другу уши, царапались. У одного из носа потекла кровь, и он, подхватывая ее языком, тянулся к противнику.

Визжа, хрипя и хукукая на все лады, драчуны возились в траве. Питек откапывал корни и жевал их, не обращая внимания на эту возню. Мать дремала с грудным на руках, приоткрывая глаза, когда визг раздавался особенно громко, и снова закрывая их.

— Всякому свое! — сказал Тинг, поглаживая ноги. — Кому что, а мне хоть полчаса посидеть.

Кто-то тронул плечо Тинга.

Тинг не обернулся, а только скосил глаз: ему было лень шевелиться.

Сзади него стоял детеныш питека.

— Ху-ху-ху! — прохрипел он, тыча пальцем в плечо Тинга, на котором блестела на солнце пряжка от ремешка бинокля.

Глаза детеныша поблескивали из-под нависшего лба с едва заметными бровями. Он оттопырил нижнюю губу, сморщил нос и пристально глядел на пряжку.

Тинг замер, чуть повернув голову и кося глазом через плечо.

«Говорят, что пока взгляд зверя не встретится с твоим взглядом, он тебя почти не замечает», — подумал Тинг. Он спрятал от детеныша свой взгляд: закрыл один глаз и так прищурил другой, что едва видел маленького питека.

Детеныш тыкал пальцем в пряжку и хукукал. Хлопнул ладонью Тинга по плечу. Тинг слышал, как он сопел.

Чуть шевеля рукой, Тинг дотянулся пальцами до ремешка, потянул его, и пряжка переползла с плеча на спину. Детеныш ударил Тинга по спине.

Пряжка ползала с плеча на спину и со спины на плечо. Детеныш хлопал Тинга по спине, по плечу, лоя пряжку. Удары становились все чаще и резче, сопенье — громче.

Тинг потянул за другой конец ремешка, и пряжка переползла на грудь.

Не удержавшись, детеныш хлопнул по пустому месту и перестал сопеть. Он глядел на плечо Тинга, на свою ладонь и искал исчезнувшую пряжку.

Пряжка выползла на плечо. Удар — и она исчезла на груди.

Вдруг рука вцепилась в плечо Тинга. Пальцы сжали плотно куртки и не выпускали его. Вместе с курткой они захватили и ремешок.

Дергая ремешок, Тинг пытался вытащить его из пальцев детеныша. Но пальцы сжались еще сильнее.

Тинг почувствовал дыхание на своем затылке: детеныш пригнулся к нему вплотную. Чуть разжав горсть, он разгля-

дывал ремешок и куртку: искал блестящую пряжку.

Рука разжалась, ремешок освободился, и пряжка выползла на плечо. Тотчас же рука сжала ремешок, и Тинг едва успел спасти пряжку, продернув ее между пальцами детеныша.

— Ху-ху-ху! — завопил детеныш, дергая куртку на плече Тинга. — Ху-ху-ху!

Пряжка снова выползла на плечо. Удара не было. Пряжка сползла на грудь, опять появилась на плече...

Толчок был так силен, что Тинг чуть не стукнулся подбородком о колени. Детеныш с размаху бросился на Тинга и вцепился в его плечо обеими руками.

Тинг не выпрямился: он остался сидеть, пригнувшись к коленям. Теперь он едва видел детеныша, хоть и косил взглядом изо всех сил.

Детеныш дергал полотно куртки. Тинг натянул ремешок, и пальцы детеныша скользили по нему, но не могли схватить: туго натянутый ремешок врезался в плечо Тинга.

Когда детеныш выпустил из пальцев куртку, Тинг не успел потянуть ремешок, чтобы заставить пряжку ползать. Новый толчок — теперь сбоку — был резок и неожиданен. Тинг не удержался: покачнулся и свалился с бугорка, на котором сидел.

Детеныш упал на него, не выпуская куртки.

Не шевелясь, Тинг лежал на животе, чуть повернув голову и пытаясь смотреть вверх. На нем возился и сопел детеныш, дергая куртку.

Правая рука Тинга была свободна, но схватить ремешок он уже не мог: нужно было просунуть руку под себя. Тинг боялся сделать это: вдруг придется отбиваться от детеныша. Кто его знает? Левая рука оказалась под Тингом: он прижал ее, падая.

«Не заметит», — решил Тинг, чуть приподнимаясь и освобождая руку.

Тинг почувствовал, как детеныш сполз с его спины и выпустил куртку. Кося глазом, увидел, что питек присел возле него на корточках. Сопел и пристально глядел не на плечо, а на затылок Тинга.

Лицо детеныша было теперь совсем близко. Темные губы шевелились, словно шептали. Лоб сморщился, глаза перебежали с плеча на затылок.

Дотронувшись до волос на затылке Тинга, детеныш отдернул руку. Тронул еще. Ухватил несколько волосков и потянул.

— Ху-ху-ху! — завопил он, вцепившись в волосы и держа их изо всех сил.

Не успел Тинг опомниться, как почувствовал горячее дыхание на шее.

«Укусит!»

Тинг резко мотнул головой.

Детеныш не удержался и упал на Тинга, но пальцы не выпустили волос.

Соблазн был велик, и Тинг вытянул руку. Почувствовал горячую волосатую кожу и погладил ногу детеныша.

Шум вблизи мурашками пробежал по спине. Тинг повернулся.

В нескольких шагах от него стоял взрослый питек.

Оттолкнув детеныша, Тинг вскочил. Детеныш громко завопил. Питек шагнул, оскалившись и сжав кулаки. Тинг побежал со всех ног.

Пересохшая горячая глина приятно грела живот, но коленкам было неудобно: сухие комья больно давили кожу. Ветер чуть шумел в ушах, и травинки, торчавшие из растрескавшейся глины, щекотали щеки. Солнце жгло затылок.

Тинг лежал на краю обрыва. Сбоку жестяными веерами распластались широкие листья пальм. Редкие с края, они сливались во взъерошенную зубчатую стену там, где деревья образовали непролазную чащу. Над растрепанной щеткой крон раскачивали султанами цветов гибкие стволы гебангов*. Темные шары кокосов выглядели так, словно каж-дый миг могли оторваться и упасть.

* Гебанги — пальмы.

Сбегая каскадом с обрыва, кроны чащи уступами спускались в равнину и растекались по ней. Стая попугаев пестрила опушку. Прищурившись, Тинг видел вдали яркие точки: словно бабочки порхали над кустами.

Влево тянулся обрыв, голый и горячий. Колючие стебли с остро вырезанными шиповатыми листьями и шариками жестких соцветий торчали между кустиками травинки и трещинами, бороздившими побледневшую от сухости глину.

Далеко впереди высокие лесистые холмы громоздились друг на друга, постепенно вырастая в горную цепь, темневшую горизонт. Лысая вершина вулкана поднималась, словно большой камень среди мшистых кочек.

Изрезанный глубокими промоинами обрыв то нависал выступами, то спускался осыпями, голыми или в редкой поросли колючек.

Тинг видел сверху часть кустистой и неровной площадки, над которой повис обрыв.

Под обрывом, на солнечном припеке, среди кустов, глинистых бугров и песчаных откосов темнели фигуры питеков.

Свесив голову, Тинг глядел на них. Он не боялся, что его увидят, и глядел вниз так, словно рассматривал мостовую, лежа на подоконнике третьего этажа на амстердамской улице.

Из пальмовых зарослей доносились крики попугаев. На обрыве уныло свистела какая-то серая птица, шнырявшая среди глины и колючек. Шуршали ящерицы, выползавшие из-за кустиков сухой травы. Они то медленно взбирались на нагретые солнцем камни, то исчезали в трещинах почвы. Иногда, грозно гудя, пролетали огромные оранжевые осы с фиолетовыми крыльями.

Взрослый питек вышел из леса, волоча за собой несколько больших ветвей. Они цеплялись за кусты, за камни, и тогда питек дергал изо всех сил, не останавливаясь и не оглядываясь.

Он крепко держал концы ветвей, но управлять движением вороха не умел. Ухватив ветви, он просто тащил их за

собой, не выровняв, не уложив поудобнее. Ветви громоздились одна на другую, торчали во все стороны и цеплялись за камни. Ворох не столько полз, сколько прыгал по земле, и наконец зацепился за куст. Питек рванул, но ворох не сдвинулся с места. Питек рванул еще сильнее и, переступив, запутался ногами в ветвях. Выпустив их, он взмахнул руками, пытаясь удержаться на ногах, и упал. Заворочался, встал на четвереньки и, выбравшись из вороха, выпрямился, ухватил концы ветвей и снова дернул, но они зацепились крепко. Тогда питек выпустил ветви из рук и пошел к кусту. Подергал ветку и, приподняв, высвободил ее.

Ворох снова запрыгал между кустами и камнями, бороздя землю и пыля мелким сухим песком. Он ударил детеныша по ногам и сбил его. Детеныш упал. Питек продолжал тянуть, и ворох полз за ним, шурша и везя на себе детеныша.

Детеныш приподнялся, вертя головой, над листьями. Упал, соскользнув с ветвей, завизжал и снова поднялся. Второй детеныш сам прыгнул на ворох и сшиб первого. Оба завилились, приподнимаясь и снова падая, взбираясь на ветви и проваливаясь между ними.

Питек, очевидно, почувствовал, что ворох стал тяжелее, но не оглянулся. Для него это был все тот же привычный случай: ворох зацепился. Он рванул, ворох подпрыгнул, и детеныши скатились с него.

Падая, они ухватились за концы веток, и ворох поволок их за собой. Они визжали и цеплялись за ветки, вырывавшиеся у них из рук, бившие по головам. Не удержались, растянулись на земле и, жалобно крича, принялись тереть глаза, засыпанные пылью.

Визг детенышей не привлек внимания питека: ворох по-прежнему полз и прыгал по площадке.

Детеныши скоро успокоились. Поднялись и принялись шарить в траве, ползая между кустами.

Тинг не разглядел толком, что они хватали и совали в рот. Это были какие-то мелкие насекомые, которых детеныши ловили в траве. Они приподнимали и каждый встретившийся им камешек, но здесь добычи не находили.

На площадке были еще питеки — и взрослые и детеныши. Тинг даже не сосчитал их: он глядел лишь на питека. Все остальное не улавливалось его сознанием.

Питек подтащил ветви к самому обрыву, скрывшись под навесом выступа.

Свесившись, Тинг пытался заглянуть вниз, под обрыв. Он увидел часть вороха, лежавшего неподвижно. Но выступ обрыва был широк и мешал смотреть.

Вытягиваясь все дальше и дальше, Тинг свесился с выступа. Упираясь одной рукой в землю, он засунул другую в глубокую трещину и тянулся вперед, плотно прижимаясь к сухой глине и стараясь заглянуть под навес, скрывший от него питека.

Он увидел, как дрогнул ворох, и услышал треск сломанной ветки... Увидел руку, ухватившую ветку... Увидел, как ветка изогнулась. Она оторвалась от сука и потащила за собой ленточку коры, а на суке сверкнула ярко-белая влажная полоска.

Тинг вытянулся еще, упираясь ногами и подтягиваясь вперед.

Он качнулся... Наклонился... Все исчезло в пыли, и... Тинг почувствовал, что куда-то проваливается.

Он открыл глаза: перед ним стеной стояла пыль. Пощупал вокруг: земля, глина. Тинг лежал, скорчившись, не то в щели, не то в яме, полузасыпанный землей.

Он провел рукой по стенкам ямы, ища края. Привстал, уселся, пригнулся лицом к коленям и, поплювив пальцы, принялся прочищать глаза от пыли.

Першило в горле, щекотало в носу. Он пробовал откашляться и не мог. Закрыв лицо руками и дышал, уткнувшись в ладони.

Пыль осела. Тинг увидел полуосыпавшиеся стенки какой-то ямы. Ноги тонули в сыпучей земле и комьях глины. Вверху — яркое пятно неба.

Тинг понял: навес обвалился, и он вместе с ним упал вниз.

Увязнув по колени в осыпавшейся земле, Тинг встал. Края ямы были высоко над головой, и рука до них не до-

ставала. Он вытащил из осыпи ногу и поставил ее на ком глины, торчавший сбоку. Опираясь на ком, потащил другую ногу, но ком обвалился, и обе ноги снова ушли по колению в осыпь.

Тинг оглядел стенки: кое-где торчали плотные комья ссохшейся глины. Он выворотил ком и опустил его к ногам: у ног появился мостик, а в стенке ямы — ступенька. Встав на ком, Тинг вдвинул носок в углубление.

Яма была узкая, и Тинг, раздвинув ноги, упирался ими в стенки. Он попробовал лезть кверху, но оборвался в свалился на дно.

Снова запершило в горле и зачекотало в носу. Снова ноги увязли в осыпи.

Тинг упрямо карабкался вверх, обрывался, падал и карабкался снова. Стенки ямы обваливались, от них отлетали большие комья. Яма становилась шире, а дно ее поднималось: осыпь на нем росла.

Тинг дотянулся до края ямы. Переставил ногу повыше, вытянул руку, вцепился пальцами в землю, приподнялся и выглянул из ямы.

Он увидел много неба и немножко глины, земли и камней. Яма оказалась лишь ямкой на дне глубокой расщелины.

Обвалив края, Тинг вылез из ямы. Пошел по дну расщелины туда, где виднелся просвет. Щель к концу стала совсем узкой, и он задевал ее стенки плечами. Боком протиснулся к выходу и выглянул: в двух шагах от него торчали ветки.

Он оказался у самого подножья обрыва, на краю обвала. Навеса больше не было, его заменили огромная рывтина наверху и осыпь внизу. Рядом — стена из глины, изрезанная бороздами, неровная, в углублениях и дырах, словно губка. Внизу темнели глубокие впадины: ручьи, спускавшиеся сверху по бороздам, разливались здесь озерами. Вода ливней уносила песок, размывала внизу обрыв. Трещины и борозды превращались в глубокие расщелины и впадины.

Ворох лежал перед одной из впадин.

Тинг не успел осмотреться, как появились питеки. Один вылез из соседней впадины, из-за вороха ветвей вдруг выглянул другой. Несколько детенышей закопошилось вдали.

Оглядываясь и прислушиваясь, питеки подошли друг к другу. Они глядели вверх, на обвал, глядели на груду земли и комьев внизу. Они переглядывались, и гримасы на их лицах сменялись резко и внезапно. Один протянул руку, словно указывая на обвал, другой шевелил пальцами, хватая воздух.

Питеки насторожились. Тинг услышал стон: кто-то стонал совсем близко, у вороха.

Один из питеков подошел к вороху и нагнулся над ветками. Отошел, и оба замерли, прислушиваясь. Они вытянули шеи, наклонили головы и слегка пригнулись. Их опущенные руки были согнуты в локтях. Прислушиваясь, они выглядели готовыми к прыжку.

Питеки уловили, откуда шел звук, и двинулись к краю осыпи.

Ворох мешал Тингу, но в просветы между ветками он увидел, как питеки нагнулись над большой земляной глыбой, лежащей близ вороха. Они потрогали глыбу, попробовали столкнуть ее. Стон раздавался все чаще и громче; теперь он звучал уже, как призыв.

Ощупав глыбу, питеки уперлись в нее руками. Тинг видел их согнутые спины и напряженные мышцы рук, видел, как передвинулись лопатки на спине, как выгнулся, выступая, позвоночник. Глыба шевельнулась...

Стонущий не мог сам вылезть из-под глыбы, а питеки не могли своротить глыбу: их сил хватало лишь на то, чтобы, наклоняя, приподнять ее сбоку.

Спины выпрямились, мышцы ослабли, и глыба качнулась, опускаясь. Лежащий под глыбой захрипел.

Один из питеков присел, а другой уперся в глыбу руками, стоя. Они снова напряглись, и глыба наклонилась. По движениям спины стоявшего на коленях питека Тинг понял, что он, упираясь одной рукой, опустил другую.

Раздался хриплый крик. Оба питека присели над кем-то, лежавшим на земле.

«Конечно, это придавленный питек!»

Тинг приподнялся на цыпочки, чтобы глянуть поверх вороха.

На земле лежал почти взрослый питек. Его глаза были закрыты, из оскаленного рта вытекала струйка слюны, смешанной с кровью. На бедре краснела огромная ссадина. Питек хрипло стонал, а пальцы его руки словно бежали — так быстро он перебирал ими, царапая землю.

Один из питеков отошел, другой присел возле раненого и глядел на него, шевеля вытянутыми губами и потирая ладонями свои колени. Потрогал голову, дотронулся до ссадины на бедре раненого. Тот дернул ногой, оскалился и приоткрыл глаза.

Прибежали детеныши и уселись, переглядываясь и подталкивая друг друга локтями. Над ссадиной зажужжали зеленые мухи, и нога дергалась всякий раз, как на красном появлялась зеленая искорка.

Детеныш хлопнул по мухе. Раненый взвизгнул от боли, и эхом отозвался визг детеныша: питек отшвырнул его.

...Треск был резок и неожидан. Тинг вздрогнул.

Возле вороха стоял питек и ломал ветки. Всего несколько шагов отделяло его от щели, и Тинг слышал, как он отрывисто дышал, перегибая толстую ветку.

Он дергал ее, ухватив обеими руками. Весь ворох шевелился, ветки били питека по рукам, царапали грудь и лицо. Питек жмурился, морщился и, бросив оторванную ветку, хватал новую и снова дергал.

Подобрав ветки, он прижал их к груди. Ветки торчали во все стороны и ползли, как живые, из-под рук, лезли в глаза. Шагнув, питек уронил одну ветку, споткнулся о нее и уронил вторую. Бросил весь ворох, нагнулся, сгреб свою ношу и снова прижал к груди.

Питек бросил ворох у входа в пещерку и скрылся в ней, но сейчас же высунулся и утащил ветки к себе.

Тинг не мог разглядеть, что там делает питек.

«Ветви грубы для подстилки, — решил Тинг. — Может быть, он делает из них потолок?»

В пещере был пол и были стены, но вместо потолка зияла щель: пещерка вытягивалась вверх трубой.

Тинг пополз вокруг вороха, к обрыву сбоку пещеры и заглянул в нее.

Он успел разглядеть травяную подстилку и свисавшие сверху ветви. Между травой и ветвями ворочался питек.

— Гхааааа...

Рев оглушил Тинга. Он прыгнул к вороху и заметался, ища щель.

Щель исчезла...

Тинг не помнил, как снова очутился в чаще.

Плоские корни отходили от фикусов, как широкие доски. Прислонившись к такому корню, Тинг чувствовал себя спрятавшимся за ширмой. Пробегая мимо раскидистого куста лапортеи*, увешанного гирляндами бледно-лиловых ягод, он задел рукой лист, и теперь мизинец мучительно жгло. Тинг прикладывал к нему землю, но боль не проходила.

— Проклятая яванская крапива, — бормотал Тинг, дую на палец и притопывая ногой: ему не стоялось от боли. Она была так сильна, что хотелось кричать, и он кричал бы, если бы не питеки.

В тесной путанице ветвей, среди листьев, виднелись огромные плоды дуриана**. Питек, сидя на толстом суку, держал плод на коленях. Он сдирал с него кожу, усеянную шипами, подковыривая ее пальцем. Два детеныша ерзали на соседней ветви, хватаясь за сучки.

Содрав с дуриана кусок кожи, питек запустил руку в плод, словно в горшок с густой сметаной. Выгреб из него белоснежную мякоть и широко раскрыл рот.

* Лапортея — тропический кустарник со жгучими листьями.

** Дуриан — дерево, приносящее большие съедобные плоды.

Он громко зачавкал и облизал ладонь. Съел всю мякоть и, выплевывая семечки, раздвинул колени: пустая кожура запрыгала по ветвям.

Фруктов было много, и некоторые висели возле питека. Поглядев на них, он приподнялся и перелез выше. Осмотрел плоды и осторожно охватил ладонями один из них, кем-то слегка объеденный.

Тинг на миг забыл о мизинце, так поразил его выбор питека: конечно, объеденный плод был спелее других.

«Самые спелые груши — объеденные осами, — вспомнилось Тингу. — Но какая оса объела эту громадину?»

Детеныши перебрались на тот же сук и чмокали губами. Один тронул дуриан пальцем, укололся и сморщился. Дотронулся до плода снова. Он протягивал и отдергивал руку, как встретившая ежа кошка трогает его лапкой

Питек протянул детенышам на ладони белую мякоть плода. Две руки малышом столкнулись над комом и вцепились одна в другую. Ком свалился. Детеныши подобрали остатки, толкая друг друга лбами: лизали сук, испачканный белой мякотью.

Они ели так, словно хотели съесть все плоды на этом дереве. Питек срывал дуриан за дурианом, и всякий раз к нему тянулись руки, а губы вытягивались и чмокали. Едва запустив руку в плод, он уже следил за детенышами, и только сердитое ворчание позволяло ему донести белый ком до своего рта. Он отгалкивал детенышей, но те не унимались. Казалось, они совсем не боялись ворчания питека и, еще не успев проглотить, снова тянулись к нему.

Слюна наполнила рот Тинга. Он как будто ощущал вкус дуриана и его запах: смесь чеснока с тухлым яйцом. Запах, к которому он привык сразу, навсегда покоренный неповторимым вкусом этого плода.

Сорвав дуриан величиной с голову, питек не удержал его. Плод скользнул по суку и, сбивая листья, упал на землю. Держась рукой за сук, питек перегнулся, глядя вниз. Белая мякоть выползла из лопнувшей кожуры, и сейчас же около нее замелькали рыжие бабочки.

Питек полез вниз. Он спускался, цепко хватаясь за суки оттопыренным большим пальцем ноги. На последнем суку присел, озираясь и чего-то ища. Прилег, вытянулся вдоль сука и дотянулся до толстого стебля лианы, висевшего близ ствола. Подергал лиану и спустил ноги. Полез со ствола, держа одной рукой за лиану, другой обнимая ствол, а ногами цепляясь за кору.

Подойдя к лопнувшему дуриану, он сел, широко раздвинув вытянутые ноги и прислонившись к толстому стволу.

Детеныши быстро сползли с дерева по лиане, как по канату. Они опоздали: питек успел съесть дуриан. Поглядев на пустую кожуру и на питека, они сели рядом с ним, чмокая губами и облизываясь.

Едва сев, один из них поднялся: совсем близко пестрели ярко-оранжевые звездочки. Этими звездочками был утыкан ствол дерева. Они торчали на коре, словно приклеенные.

Тинг узнал полиалтею — дерево, цветы которого растут прямо из коры. Рыжие, черные и желтые бабочки стайкой кружились возле цветов, садились на них, взлетали, спугнутые осой, и снова садились.

Детеныш подкрался к дереву.

— Ху-ху-ху! — и ладонь хлопнула по цветку.

Спугнутые бабочки закружились у самой головы детеныша. но он не посмотрел на них. Пригнувшись к коре, он заглядывал под ладонь. Отнял руку от коры — и на землю упал потускневший желтый комок.

Новый удар ладонью — и опять оранжевая звездочка превратилась в бледный комочек.

Добыча не исчезала, она оставалась в руке, но так изменялась, что детеныш не узнавал ее.

Тинг ясно видел что-то вроде недоумения на лице детеныша, когда тот разжал ладонь. Поднятые брови и обиженно вытянутые губы, казалось, говорили: «Ничего не понимаю. Было одно, стало другое».

Детеныш сунул в рот раздавленный цветок и тотчас же выплюнул его. Повернулся и взмахнул рукой, ловя бабочку.

Пестро-зеленый комок упал с дерева, развернулся, и длинная древесная змея скользнула по земле. Детеныши замерли. Они глядели на пеструю зеленую полоску, не отводя от нее глаз, не двигаясь, даже не дыша. Рыжая бабочка, покружившись, села на голову детенышу — он не шевельнулся.

Змея уползла, а детеныши все еще смотрели на кустик, в котором исчезла зеленая полоска.

Тинг взглянул на питека. Тот стоял, прижавшись к стволу, и не сводил глаз с куста.

— Уйииии! Уйииии! Уйииии!..

Питек вздрогнул и обернулся на крик. Детеныши подбежали к нему — и снова все трое замерли. Они были неподвижны неподвижностью скрученной пружины, всегда готовой развернуться. Как и они, Тинг замер, как и они, был готов к прыжку. Сам не зная почему, он подражал их движениям.

— Уйииии! Уйииии!..

Между деревьями мелькала фигура. Молодой питек метался от дерева к дереву. Он визжал и ревел, но его рев приходил на вытье. В смертельном испуге он хватался за лианы и не мог взобраться вверх по качающимся стеблям. Хватался за стволы, но руки его срывались с коры, а до первых ветвей было далеко.

Было очевидно, что опасность близка: об этом говорил его испуг.

Тинг не заметил, как это случилось: на луговине вдруг оказалось много питеков. Они ревели, размахивали кулаками, били себя в грудь, были, визжали.

— Гхаааа!.. — вдруг заревел один, взмахнув руками. — Гхаааа!..

Тинг чуть не упал от этого рева, раздавшего в нескольких шагах от него. Он машинально открыл рот, чтобы заорать диким голосом, но опомнился и прижал ладонь к губам.

Питек толкнул детенышей к лианам. Те уцепились за них — жалкие и дрожащие — и, обрываясь, полезли по ним вверх. Сжав кулаки и оскалив зубы, питек неуклюжими скач-

ками побежал по луговине, и Тинг кинулся за ним, больно ударившись о корни фикуса, похожие на доски.

Пятнистой тенью выпрыгнула из-за дерева пантера. Метнулась в новом прыжке.

Молодой питек круто повернул, не удержался на ногах и упал. Пантера перелетела через него. Питек на четвереньках уполз за куст.

Пантеру не испугали вой и крики. Готовая к новому прыжку, она прижалась к земле и била хвостом по траве. Она осматривалась, слегка поворачивая голову, и скалила зубы, прижав короткие уши к круглой голове.

Прыжок, второй... и взрослый питек отшатнулся: лапы пантеры царапнули землю в двух шагах от него.

Рев пантеры и рев питека слились, пятнистое тело поднялось, закрыв темное, и оба упали в траву.

Все смешалось. Метались питеки, катались по земле два тела — темное и пятнистое.

Питек схватил пантеру за горло и душил ее. Пантера царапала плечи и грудь питека передними лапами. Рвала ему живот резкими ударами задних лап.

...Тинг с револьвером в руке бегал вокруг. Остальные питеки куда-то исчезли.

Ему никак не удавалось подойти вплотную к пантере, а он хотел стрелять в упор: боялся ранить питека.

«Наконец!»

Тинг нажал спуск. Выстрела не было.

«Осечка?»

Он дергал спуск, но револьвер не стрелял.

Вскрикнув от злости, Тинг ударил пантеру рукояткой револьвера по голове...

Пантера чуть скребла лапами, питек лежал неподвижно. Его живот был изодран, и обрывки кишок смешивались с клочьями кожи. Лохмотья кожи висели на груди и плечах, кусок ребра белел на дне глубокой раны. Поперек шеи зияла рана, обнажившая гортань.

«Умер!»

Тинг выпрямился и оглянулся. Луговина была пуста.

И вдруг он вспомнил:

«Река... Раскопки... Дюбуа...»

Он здесь — полный череп питека! Больше — вся голова. Весь питек!

Тинг присел возле питека и погладил его по голове. Он не думал о том, как унесет питека, что будет с ним делать. Сидел возле пего, гладил его по голове и радовался: «У меня есть питек». Радовался трупу того, кого минуту назад бросился спасать.

Сердце остановилось: над головой раздался рев. Тинг поднял голову и увидел оскаленные зубы питеков.

— Это мое! — закричал он, падая на питека и прижимая его голову к своей груди.

Запах падали душил его, но он не выпускал из рук головы.

— Мое!

Яа и землекопы нашли Тинга в лесу.

Он лежал, уткнувшись лицом в землю, возле растоптанного цветка раффлезии*, крепко прижимая к груди бутон величиной с капустный кочан. По нему ползали мухи, привлеченные запахом цветка — запахом падали. Левая рука Тинга была обожжена и покрыта волдырями. Куртка и брюки висели клочьями, и сквозь дыры сквозила исцарапанная кожа. Левого рукава совсем не было.

Сжимая бутон раффлезии, Тинг как будто очень крепко спал: его слабое дыхание было ровным и спокойным.

— Он жив! — весело закричал Яа землекопам, боявшимся подойти к лежавшему на земле Тингу.

Тинга перевернули на спину. Яа хотел взять у него из рук бутон. Ему пришлось вытаскивать его кусками: нельзя было разжать судорожно сжатых пальцев, отвести прижатых к груди рук.

— Я знаю, — сказал Яа. — Теперь я знаю. Он ел желтые ягоды! От них человек становится безумным и бегаёт, бегаёт... Упадёт, полежит и опять бегаёт... Я поел однажды таких ягод. И я бегал по кампону туда и назад, туда и назад. Меня привязали к дереву, и я топотал ногами: они сами бежали... Я видел странные вещи тогда... Я летал на луну на большой птице...

— И ты прилетел па луну? — спросил один из землекопов.

— Да. Она была гладкая и блестящая, как начищенный таз. Там я тоже бегал... После я долго спал. И он теперь будет долго спать.

Землекопы срубили ветки и сделали носилки. Положили на них Тинга.

— Несите! — скомандовал Яа. — Несите! Я буду идти рядом и рассказывать, как я летал на луну и бегал по ней...

Тинг проспал двое суток.

* Р а ф ф л е з и я — паразитическое растение, живущее на корнях дикого винограда. На поверхности земли виден лишь цветок.

— Наверное, он бегал больше меня, — сказал Яа. — Я спал только до второго заката.

Тинг так и не нашел питекантропа. Несколько обломков костей какого-то крупного ископаемого, не то носорога, не то бегемота, было все, что он добыл при своих раскопках. Он не наловил и орнитоптер. Зато молей он взял много: десятки коробок были набиты ровными слоями ваты с разложенными на ней молями. Десять тысяч молей!

«Эх, что я скажу Дюбуа? — в сотый раз подумал Тинг, когда берега Явы утонули в море. — Ничего, кроме сна и бреда. Скелет питекантропа... Я помирился бы теперь и на одном позвонке!»

Среди пассажиров оказался собиратель насекомых. Он возвращался в Европу после четырех лет скитаний по Новой Гвинее и той сотне островков, что пестрит карту к востоку от нее. У него было больше тысячи орнитоптер: от малайских зеленых «викторий» до новогвинейского красавца, сверкающего золотом хвостатого самца «шенберггии райской» и синих «урвилий» с Бисмаркова архипелага. Собиратель торговал насекомыми, и Тинг купил у него полсотни орнитоптер.

«Восемь новых форм для моей коллекции! — радовался Тинг, запершись в каюте и разглядывая огромных бабочек, упакованных в бумажные конверты. — Он продал мне две разновидности, еще никем не названные. Он и не знает, что они новые. — Тинг подмигнул самому себе и оглянулся на дверь. — Что ж! Экспедиция Зеленки привезла всего один зуб, а земли они перекопали горы. Мне и ползуба не полагается, — утешился он, пряча коробку с драгоценными орнитоптерами в чемодан. — А все-таки жаль, что нигде не купишь даже зуба питекантропа!» — и он щелкнул замком.

— Конечно, вы ничего не нашли, — встретил его Дюбуа. — Я вижу это по вашему лицу. Да я и не ожидал другого:

ведь это далеко не так просто, как вы думали. Поехал и нашел... Ха-ха-ха...

«Как, — подумал Тинг, — заранее знал, что я не найду питекантропа, и все же говорил: “ищите”, учил, где и как искать. А теперь хохочет?»

Тинг скрыл обиду и начал было рассказывать о своих раскопках.

— Вы не нашли, — перебил его Дюбуа, — а я нашел. Здесь, у себя, в ящиках с костями яванских ископаемых. Я разбираю их и вдруг нашел пять обломков бедренных костей питекантропа. Правда, забавно? Они пролежали у меня около сорока лет, и я не знал об этом.

Тинг обиделся во второй раз. Еще бы! Он ничего у себя не нашел на Яве, а тут находка у себя же дома.

— Зато я, — не утерпел он, — видел живых питекантропов. Живых! — И Тинг рассказал о своем бреде.

— Такой бред стоит бедренной кости питекантропа, — услышал он, когда кончил свой рассказ. — Для вас, конечно. Я предпочел бы ему самый плохой зуб.

Тинг обиделся в третий раз и ушел. Дома обида сразу прошла: стоило лишь взглянуть на конверты с орнитооперами и на приготовленные расправилки.

Прошел год, другой. Тинг успел расправить всех купленных на пароходе орнитооптер. Коробочки, в которых на ровных слоях ваты лежали тысячи молей, пустели одна за другой: наколотые на тончайшие булавки моли занимали свои места в полированных ящиках. Каждая моль, нежно зажата узкими кончиками пинцета, напоминала Тингу о Яве. И с каждой новой молью эти воспоминания тускнели: Тингу казалось, что между ним и Явой все густеет и густеет туман, понемножку затягивающий лесные чащи, реку, песок отмелей, потные спины малайцев, ямы в ссохшемся иле наносов.

Дни шли. В ящике с особо ценными молями появилась

крохотная золотистая бабочка с длинными усиками. Под бабочкой была подколота этикетка с латинским названием «Ауротинеа Дюбуази», что означало: «Златомоль Дюбуа». В честь Дюбуа Тингом был назван новый род и вид молей. Описание его уже лежало в редакции научного журнала.

— Вот ваша моль, — сказал Тинг, входя в кабинет Дюбуа. — Моль Дюбуа! Посмотрите, как изящен рисунок на ее крыльях. Я сам поймал ее на Яве, и она самая красивая из привезенных мною молей.

— Моль? Да, очень миленькая, — взглянул на коробку Дюбуа. — А знаете, Тинг, что случилось на Яве за последние годы, после вашей поездки?

Обидеться Тинг не успел: ведь Дюбуа совсем не заинтересовался молью, носящей его имя, и даже не посмотрел на нее толком.

— Кенигсвальд!

Тинг впервые услышал это имя. Через минуту оно звенело в ушах, мелькало на стене. Тинг вспомнил день, когда он брел по лесу на Яве, проклиная обманувшую его синюю глнну.

— В последние годы Кенигсвальд раскапывал наносы на Яве. Он рыл тут и там, и ему удалось добыть остатки нескольких питекантропов... Остатки черепа ребенка... Еще крышку черепа... Половину нижней челюсти...

Дюбуа рассказывал, Тинг слушал. Названия рек и селений сменяли названия слоев и громоздкие латинские имена ископаемых животных, найденных в этих слоях. Сколько всего добыл этот Кенигсвальд!

Еще одна находка: в руки землекопов попал хорошо сохранившийся череп. Они разбили его на куски, чтобы продать коллекционерам по частям.

— Вы слышите, Тинг? Они разбили его на куски! Думали, что, продавая куски, получают больше денег, чем за целый череп. Кенигсвальду удалось скупить почти все обломки. Ему на редкость повезло.

— Где это было? — спросил Тинг, вынимая трубку изо рта.

— В районе Сангирена, в километре от Бапанга.

— Бапанг! Я был в четырех километрах от него. Всего три километра разницы!

— Дело не в километрах, — засмеялся Дюбуа.

— Почему же не я?.. — Тинг не заметил, что перевернул трубку и пепел сыплется ему на ботинок.

— Вы? Так ведь Кенигсвальд работал там несколько лет, а не три месяца. И он... он не бегал по лесу за молями.

Тинг молча смотрел на кучку пепла на своем ботинке.

«Откуда она взялась? Кенигсвальд добыл остатки питеков. Пусть я не сумел откопать их. Но купить... купить сумел бы и я... хотя бы один кусочек...»

Взглянув на трубку, смахнул платком пепел с ботинка и встал. Он был полон обидой. Его обидели все: Дюбуа, Кенигсвальд, землекопы, Бапанг, обманщики-питеки.

Держа перевернутую трубку в руке, Тинг вышел из кабинета Дюбуа. Синие полоски ковра напомнили ему синюю глину Явы.

Придя домой, Тинг вспомнил: коробка с молями осталась у Дюбуа.

— Пусть...

Понюхал розовокаемчатую гвоздику — редкостной окраски цветок. Гвоздика пара нагретым сухим илом.

Полузабытая Ява вернулась. Вот они, лесные чащи, грозди орхидей, прыгающие солнечные пятна на траве и стволах... Знойные отмели реки... Ямы, наполненные дождевой водой и комариными личинками... Голая верхушка вулкана... Лесистые холмы... Синие очки китайца...

Один за другим вспоминались обрывки бреда. Слононок на опушке... Шорох ящериц и гудение ос на обрыве... Питеки среди бамбуков и веселой игры теней и солнца... Поляна... Детеныш, играющий с пряжкой ремня...

— Дюбуа говорил, что мой бред не стоит плохого зуба. Может быть! Но каждый день такого бреда не бывает. Я видел живого питека. И я рад, что мне пришлось пережить все это.

ОТ АВТОРА

ПИТЕКАНТРОПУС

«Много света будет пролито на происхождение человека и на его историю» — так написал Дарвин в самом конце своей книги «Происхождение видов» (1859).

Человек — не исключение: как и все другие животные, он произошел от более низко организованных предков. Из животных к человеку наиболее близки обезьяны, а из них — человекообразные обезьяны (гиббон, горилла, шимпанзе, оранг). Однако различия между обезьянами и человеком очень велики. Обезьяноподобный предок не мог сразу, одним «прыжком» сделаться человеком — был длинный ряд переходных форм. Эти переходные формы не живут теперь, они давно вымерли. Из таких переходов особенно интересна промежуточная форма: животное, совмещающее признаки и человека и обезьяны, «средняя форма» между человеком и обезьяной. Остатки этого промежуточного звена, то есть его кости, не только интересны для ученых, но и очень важны. Нужно доказать справедливость теории происхождения человека от обезьяноподобных предков, и наилучшее, бесспорное доказательство — остатки, скелет именно промежуточной формы.

Знаменитый ученый Геккель нарисовал в свое время родословное древо животного мира; в основании этого древа были помещены простейшие одноклеточные животные, вершина древа — человек. В родословной человека, конечно, оказался перерыв: перехода от обезьяноподобного предка к человеку наука того времени (последняя четверть XIX века) не знала. И вот Геккель поместил в родословной человека эту переходную форму, которой никто никогда не видел. Он назвал ее обезьяночеловеком, или питекантропусом. Это название произошло от слов «питекус» — обезьяна и «антропос» — человек.

Обезьяночеловек Геккеля был только предположением, а науке нужны факты. Надо было найти недостающее зве-

но родословной человека. Эта задача увлекла молодого голландца Эжена Дюбуа; еще студентом он мечтал о таком открытии. Став доцентом анатомии при Амстердамском университете, доктор Дюбуа не изменил мечтам своей юности. Он долго хлопотал и, наконец, добился своего: получил место военного врача в голландских колониях на Зондских островах. Дюбуа интересовали именно Зондские острова: Геккель предполагал, что обезьяночеловек был особенно близок к гиббонам, родина же современных гиббонов — Зондские острова.

В 1887 году Дюбуа приехал на Суматру и стал искать здесь остатки питекантропа. Его поиски были неудачны: на Суматре не удалось обнаружить древние геологические слои! Тогда Дюбуа перебрался на Яву и в 1890 году начал производить здесь раскопки. Прошло не больше года, и он нашел то, что искал, — нашел остатки обезьяночеловека.

Местечко Триниль, близ которого производил раскопки Дюбуа, находится неподалеку от вулкана Лаву-Кукузан. Здесь протекает река Бенгаван, или Соло, и здесь на глубине 15 метров Дюбуа обнаружил слой рыхлого туфового песчаника в 1 метр толщиной. Над ним лежали туфы и другие породы, под ним — сине-серая глина. Туфовый песчаник и был тем слоем, в котором сохранились остатки обезьяночеловека, жившего полмиллиона лет назад.

Дюбуа сделал несколько находок: он нашел два зуба — верхний правый зуб мудрости и второй левый верхний коренной зуб, левую бедренную кость и черепную крышку — «кальву». Годом раньше в 40 километрах от Триниля он нашел обломок нижней челюсти. Все это Дюбуа счел за остатки обезьяночеловека и описал под названием «питекантропус эректус» — обезьяночеловек прямостоящий. Название «прямостоящий» отмечало главнейшую особенность этого существа: оно ходило на двух ногах.

Производя свои раскопки, Дюбуа собрал множество костей животных — современников обезьяночеловека: у него оказалось около трехсот ящичков костей ископаемых. В 1895 году Дюбуа отправил свои коллекции в Европу, а вслед за ними уехал туда и сам. Много лет он занимался изучением

черепной крышки питекантропа, и большую часть этого времени он потратил на очистку крышки. Крышка была заполнена плотной окаменелой массой, и эту массу нужно было удалить, но так осторожно, чтобы не попортить крышки. Постепенно обрабатывая свои коллекции, Дюбуа нашел в ящиках с яванскими костями пять новых обломков бедренных костей питекантропа.

После отъезда Дюбуа поиски остатков обезьяночеловека на Яве продолжались: вначале раскопки производили помощники Дюбуа, а в 1906 году — экспедиция вдовы профессора Зеленки. Эта экспедиция работала почти два года; было вынуто около десяти тысяч кубических метров земли. Увы! Нового все эти поиски дали очень мало. Лишь один Дюбуа оказался счастливым: приехал и нашел. За следующие десять лет нашли всего один зуб.

Находки Дюбуа вызвали большие споры. Одни ученые соглашались с Дюбуа; другие уверяли, что найденные кости — остатки крупной ископаемой обезьяны; третьи доказывали, что череп обезьяний, а зубы и бедро — человечески. Остатков обезьяночеловека было найдено очень мало, а потому и спорить было нетрудно.

Прошло еще двадцать лет, и вдруг добыли остатки нескольких питекантропов. Эти находки сделал голландский геолог Кенигсвальд, производивший раскопки на Яве в ряде местностей. В феврале 1936 года он нашел черепную крышку ребенка, а в конце того же года — почти полную правую половину нижней челюсти с четырьмя зубами.

В августе 1937 года Кенигсвальд добыл еще один череп. Этот череп попал в руки землекопов, и они разбили его на куски, чтобы продать коллекционерам по частям: землекопы думали, что так они выручат больше денег. Кенигсвальду удалось собрать почти все эти обломки и восстановить череп. У этого черепа, как и у всех других, не было ни основания, ни лицевой части. У него не было также правой половины затылочной кости, имелась лишь часть лобной кости, но зато хорошо сохранились височные кости; этих костей нет у черепа Дюбуа. Находка черепа с височной костью очень важна: в строении височной кости обезьян и челове-

ка есть резкие различия. Особенности строения височной кости черепа, добытого Кенигсвальдом, показали, что череп — человеческого типа. Защитники человеческой природы обезьяночеловека получили прекрасное доказательство своей правоты: нельзя называть питекантропа большой обезьяной, его височная кость — кость человеческая, а не обезьянья.

Кенигсвальд нашел остатки еще одного черепа в 1938 году: части теменных и затылочных костей.

Исследуя остатки ископаемых животных, найденных им при раскопках, Кенигсвальд смог выяснить прошлую историю животного мира Явы. Здесь последовательно сменялись три фауны, и третья из них — тринильская. Тринильская фауна — это фауна времен, когда в Триниле отложились те слои, в которых Дюбуа нашел остатки питекантропа. Ископаемые животные этих слоев — современные обезьяночеловека. Тринильские слои встречаются, понятно, не только около Триниля, они есть и в других местностях Явы, но все такие слои называются «тринильскими» по названию местности, в которой они были впервые обнаружены. Почти все свои находки Кенигсвальд сделал именно в тринильских слоях, но череп ребенка он нашел в отложениях, предшествовавших тринильским.

Животные тринильских слоев — животные первой четверти так называемого плейстоцена. В те времена по южной Европе бродили носороги и гигантские южные слоны, в реках плескались бегемоты, а свирепый хищник — саблезубый тигр махайрод — прыгал из-за кустов на первобытного зубра. Плейстоцен длился около миллиона лет. Питекантропы жили в его первой половине, то есть пятьсот тысяч — миллион лет назад. Следующей эпохой является современная, послеледниковая эпоха — голоцен, эпоха человека, длящаяся всего около двадцати пяти тысяч лет. Плейстоцен и голоцен вместе образуют четвертичный период. Начало этого периода — время питекантропа, конец его — время современного человека.

Строение бедренной кости показывает, что питекантроп ходил на двух ногах. Его руки были свободны, и он, не-

сомненно, применял в качестве орудий палки, обломки суков, камни. Результаты изучения черепной крышки обезьяночеловека позволяют судить о его головном мозге: он был примерно в полтора раза больше мозга гориллы и в полтора раза меньше мозга современного человека.

Питекантроп ходил на двух ногах, а его мозг был средним по степени развития между мозгом гориллы и современного человека. Уже одного этого достаточно, чтобы считать его обезьяночеловеком, переходной формой, «недостающим звеном». Конечно, он не знал огня и, конечно, не говорил: говорящий, пусть и очень плохо, питекантроп не был бы обезьяночеловеком, он оказался бы — человеком.

Дмитрий Коропчевский

ДЕТИ КАМЕННОГО ВЕКА

Рассказ из давнего прошлого

Илл. Б. Зворькина

Д.А. Корончевскій

ДѢТИ
КАМЕННАГО
ВѢКА

рисунки Б.Зворыкина

КН - ВО

К.И. Тихомирова
МОСКВА

Глава I

В ЛЕСУ

Это было давно, очень давно, в стране, которую мы теперь называем Англией. Тогда еще никто ее так не называл, и она со всем не была похожа на нынешнюю. Она даже не была островом: она прилегала к землям, называющимся ныне Францией и Бельгией, и река Темза, на которой стоит теперь Лондон, тогда впадала в Рейн.

Темза текла тогда среди лесов, лугов и болот, и в ее водах не отражалось не только ни одного города, но даже ни одной деревенской хижины. И течение реки было извилистее, чем теперь: на ней видно было много островков, заливов и водоворотов; и в одном месте она расширялась в большое озеро, а за ним опять продолжалось ее течение. Берега ее в одних местах поднимались высоко, в других понижались и сливались с широкой равниной. Местами по одну сторону шел крутой, а по другую — отлогий берег. Берега, в особенности пологие, покрыты были и крупным и мелким лесом.

Деревья, которые росли на самом берегу или уходили вдаль от реки, были не такие, какие мы теперь там видим. Там было много громадных сосен, какие растут только в Америке, в той части ее, которая называется Калифорнией. Там росли в виде деревьев и папоротники, которые в наших лесах похожи на высокую траву или на низкий кустарник. Но там было много древесных пород, которые мы видим и теперь. Там поднимали свои раскидистые вершины дуб, бук и орешник, усеивая почву желудями и орехами. Между ними были ясень и тис, гибкие ветви которых, в особенности тиса, оказались потом очень полезными для человека, давая ему дерево для луков. Там можно было встретить и клен с его нежными, лапчатыми листьями, а также красивый и неприхотливый вяз. Среди этих деревьев попадались и сосны, и тополи, и ивы; и промежутки между древесными стволами глушили кустарники вроде бузины и

крушины. Были там и плодовые деревья, — дикие вишни и дикие яблони. Как мы уже сказали, лес этот во многом походил на нынешние леса, но кое-что напоминало в нем еще леса дальнего юга: в нем оставались деревья, которые росли в Европе, когда там было теплее, чем теперь.

И звери, которые жили в этом лесу, были не такие, как в наше время: они были гораздо крупнее и страшнее нынешних. Там доживали свой век мамонт, громадный слон с загнутыми вверх клыками, давно уж вымерший; носорог, живущий теперь только в жарких странах; тур, крупный, крупнорогий бык, который давно уже перевелся у нас; похожий на него зубр с густой гривой, уцелевший только в России в заповедном Беловежском лесу; олень, бывший больше нынешнего, с широко раскинутыми, ветвистыми рогами, и дикая лошадь. Все это были крупные животные, но они мирно паслись бы на тогдашних лугах, если бы их не подстерегали беспрерывно страшные хищники. Самым страшным из них был пещерный тигр, — животное, походившее в одно и то же время на льва и на тигра, с длинными и острыми клыками, похожими на турецкую саблю. Этими клыками оно наносило страшные раны, прорезывало толстую кожу мамонтов и носорогов, и ни одному животному не было от него спасения, если тигру удавалось вскочить ему на спину. Немногим уступал ему и пещерный медведь: у него не было такого страшного оружия, но он был необычайно свиреп и силен. В сравнении с ними даже лев, который также водился там, казался не столь опасным, каким он кажется теперь. Там водилась и пещерная гиена, крупнее и смелее нынешней, живущей в Африке.

И среди этих громадных и страшных животных жил человек, без крепких домов, без оружия, бьющего издали, без одежды, защищающей его в непогоду... Если сильному мужчине трудно было одолевать крупных травоядных, служивших ему пищей, бороться с хищниками, постоянно угрожавшими его жизни, то легко представить себе, каково это было женщинам и детям.

Мы хотим рассказать, как проходило детство этих людей, что они видели тогда, чему они учились и что им надо

было знать, чтобы их считали дельными людьми. Мы расскажем историю мальчика того времени, начиная с самого раннего его возраста.

Если нас спросят, — правда ли то, что мы рассказываем, или это — простой вымысел? — мы скажем, что это во многом похоже на правду. От людей того времени до нас дошли орудия или инструменты, с которыми они охотились или управлялись в домашнем быту: мы знаем, что они жили в пещерах, одевались в звериные шкуры, и, по сохранившимся остаткам их кушаньев, видим, что они ели. По уцелевшим костям тех людей мы можем видеть, какого они были телосложения. Кроме того, и в наше время еще живут люди, которые пользуются таким же оружием и обитают в таких же пещерах, как эти древние люди. Мы называем теперь таких людей дикарями и еще находим их в разных частях света. Зная их жизнь, можно довольно верно представить себе, как жили наши дальние предки. Постараемся показать это в рассказе о мальчике того времени и его семье.

Мальчика этого родители звали Эдом. Это не было собственным именем, как наши имена, которых тогда еще не было, а прозвищем; это было первым звуком, какой мальчик выучился издавать, и оно послужило для его названия в семье. Когда начинается наш рассказ, маленькому Эду был всего один год. Он был очень крепко сложен, очень смуглого, почти коричневого цвета, и местами тело его было покрыто тонким, заметным на глаз пушком. Мы застаем его одного спящим в лесу в маленькой впадине, на мягкой, сухой подстилке из буковых листьев. Ему мягко лежать там и не холодно; он спит неодетый и ничем не покрытый. Но ведь ему могут угрожать дикие звери, которые бродят в лесу? Если он слишком мал, чтобы понимать опасности, то как могли оставить его родители одного, без всякой помощи? Мы увидим сейчас, что они и не оставляли его.

Когда мальчик проснулся и заплакал, вероятно, проголодавшись или испугавшись чего-нибудь спросонок, перед ним тотчас же появилась его мать. Это была молодая женщина, высокая и сильная, с кожей того же светло-корич-

невого, орехового цвета, как и ее сын, покрытой таким же легким пушком. Лицо ее, по нашим понятиям, нельзя было бы назвать красивым: маленькие глаза ее сидели глубоко, нос был короток и приплюснут, верхняя губа очень длинна, а нижняя заметно выступала вперед. Рот ее показался бы нам очень велик, но мы полюбовались бы ее зубами, крепкими и белыми, как слоновая кость. Руки ее, хотя и покрытые короткими, черными волосами, которые шли полосой от плеча до локтя и от локтя до кисти, мы нашли бы сильными и красивыми. Мышцы передней части ее руки даже поразили бы нас: так они были мощны. Ее ноги казались еще более сильными и были еще гуще покрыты волосами. Кисти рук и ступни ее были довольно красивы, но большой палец на руке и все пальцы на ногах были длиннее, чем у нас. Это было потому, что женщина должна была лазить по деревьям и держаться за их ветки не только руками, но и ногами. Мы увидим сейчас, какую пользу приносили ей сильные члены и гибкие пальцы. Прибавим, что она была покрыта только мехом из шкур россомахи, который доходил до колен и оставлял руки свободными. Длинные, черные волосы ее рассыпались по плечам, но они были так связаны, что не падали ей на глаза.

Она быстро, в несколько прыжков, красивых и ловких, очутилась вблизи своего маленького сына и в то же мгновение схватила его на руки. В эту минуту до ее слуха долетело какое-то подозрительное хрустение сухих сучьев. Она обернулась и на минуту застыла от ужаса: в нескольких шагах от нее виднелась тихо подкрадывавшаяся гиена. Она была грязно-серого цвета, с темными полосами, с тупым, черным носом и длинными клыками, и походила на огромного волка. Она была трусливее тигра и медведя того времени, но не менее их опасна для человека, потому что умела еще более незаметно подкрадываться к нему. Очевидно, она приближалась к спящему мальчику и готовилась схватить его. Но испуг матери при виде страшного животного был только мгновенным.

Гиена не успела еще сделать прыжка, как женщина, схватив ребенка, была уже на дереве. Помогая себе свободной

рукой и ногами, она быстро взобралась так высоко по веткам, что находилась в полной безопасности от страшного врага. Однако, гиена, привлекаемая добычей, не отходила от дерева, прыгая около него и страшно оскаливая зубы. Тогда с дерева послышался громкий, призывный крик: мать Эда звала своего мужа, который находился неподалеку оттуда. Этот крик извещал его об опасности, о близости врага. Мужской голос тотчас же откликнулся, но он также исходил сверху, с высокого дерева. Прыгая с дерева на дерево, мужчина очутился около своей жены и ребенка. Он был сложен еще крепче, был еще выше ростом, чем его жена. С одного из его могучих плеч спускался мех из таких же шкур росوماхи, но эта одежда была опоясана бечевкой и за поясом торчал огромный каменный топор с длинной рукояткой, больше аршина длиной. Этим оружием мог владеть только мощный человек того времени. Такой человек без страха встречался с гиеной с глазу на глаз, и разъяренный зверь, прыгавший под деревом, был ему не страшен. Но и мужчина, и женщина были голодны, и им хотелось домой, в пещеру, которая была видна неподалеку оттуда. Поэтому ему надо было поскорее покончить с гиеной. Он отыскал толстый, сухой сук около сажени длиной, обломил его и быстро спустился на землю. Одним взмахом руки он положил гиену на месте; не дав ей опомниться, он разможил ей голову своим тяжелым каменным топором. Мать с ребенком тотчас же спрыгнула на землю; она несколько не была встревожена пережитой опасностью: это было слишком привычным делом для нее.

Этот крепкий, волосатый человек и мускулистая, хотя и худощавая женщина, с ребенком, прижавшимся к ее плечу, быстро направились по берегу реки. Они избавились уже от страшного врага, и жилище их было у них на виду, но они шли беспокойно, беспрестанно оглядываясь и прислушиваясь: их подвижные уши ловили каждый звук, ноздри различали каждый доносившийся до них запах, и глаза отчетливо видели на далекое расстояние. Они никогда не ходили иначе, как с величайшей осторожностью; с одной стороны, они приглядывались, — нет ли какой-нибудь пригод-

ной для них добычи, с другой — следили, не угрожает ли им какой-либо враг. Ничего полезного и ничего опасного не встретилось им на пути, и они благополучно достигли до своей пещеры.

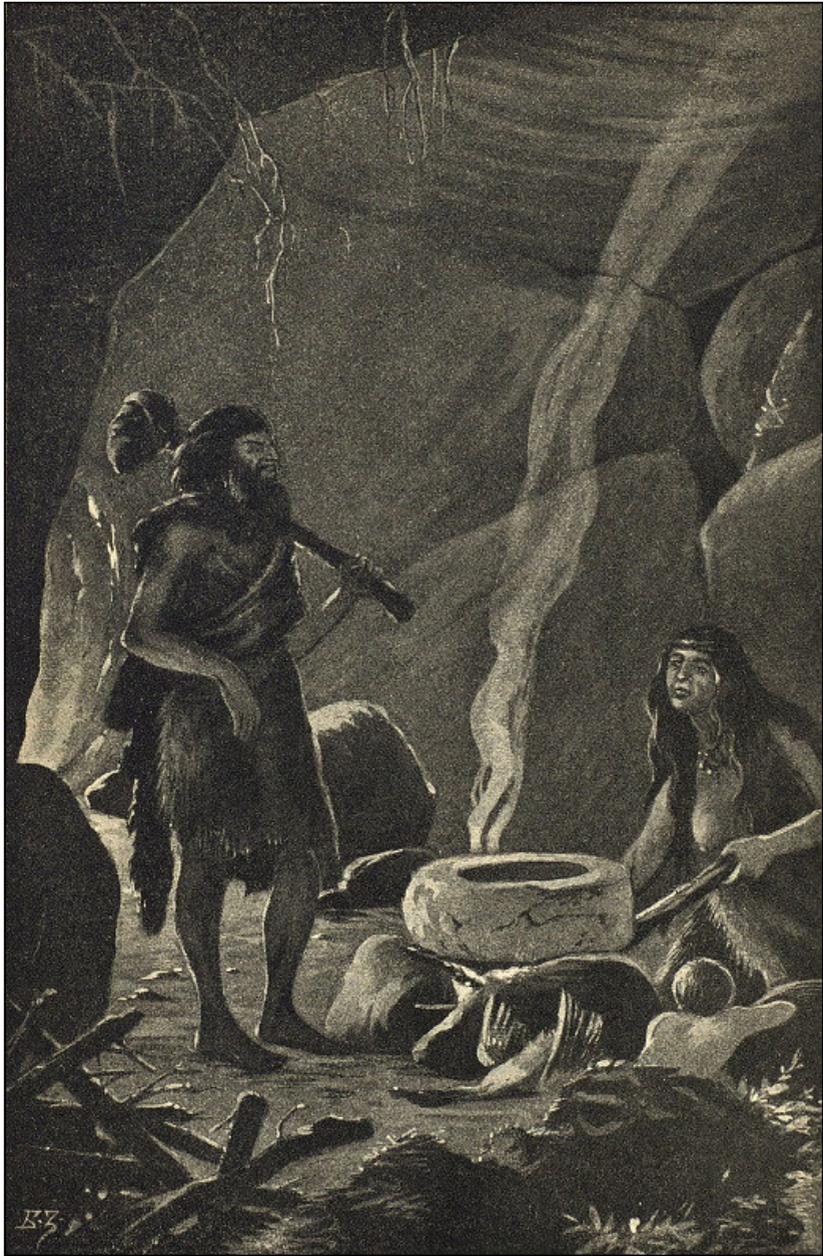
Глава II

В ПЕЩЕРЕ

Они прошли ползком в узкое отверстие и затем встали на ноги. В пещере со скалистыми стенами было около трех квадратных сажен ширины и около двух сажен вышины. Оглядевшись в потемках, можно было заметить луч света, пробивавшийся сверху; он проходил через отверстие, сделанное в потолке пещеры, служившее вместе с тем и для выхода дыма. Под ним находился очаг, на котором тлели большие поленья твердого дерева, долго сохранявшего жар. Пещерные люди знали употребление огня и знали, как дольше сохранять его, потому что добывать его было им трудно.

Отец и мать Эда нашли огонь еще на очаге, и достаточно было подбросить несколько сухих сучьев, чтобы пламя ярко вспыхнуло. Когда оно осветило пещеру, хозяин с гордостью указал на припасенную им добычу этого дня. Это была целая четверть дикой лошади, считавшейся самой вкусной пищей в те времена. И у женщины был запас орехов и ягод, которые она собирала в то время, когда маленький Эд спал под деревом.

Страх, пережитый матерью, был забыт. Они были в безопасности, в тепле, и у них было много пищи; поэтому они чувствовали себя счастливыми. Женщина отгребла горячую золу и положила в нее орехи, чтобы они поджарились и их легче было раскалывать. Мужчина тем временем переворачивал длинной, заостренной палкой куски мяса, жарившиеся на огне, и с наслаждением вдыхал в себя вкусный запах, распространявшийся от орехов и мяса. Эти люди только недавно были женаты, и Эд был их первым ребенком. Они привыкли жить изо дня в день, питаясь тем, что женщина соберет в лесу, а мужчина добудет на охоте. Теперь у них было много еды, вход в пещеру был загорожен, и они могли спокойно есть и спать. Они скоро съели своими крепкими зубами приготовленную пищу и затем легли на кучу

листьев, заменявшую им постель, положив между собой ребенка.

Наступила ночь. Снаружи пещеры было беспокойно; во мраке глухо раздавались разные голоса и шум. Это было время, когда двуногий враг, т. е. человек, уходил в свои пещеры и животные, боявшиеся его, могли выходить на пастбища или на добычу. Травоядные жадно щипали свежую, сочную траву, а хищники подстерегали животных, отбившихся от стада, чтобы завладеть ими. Слышно было фыркание зубров или лосей, и от времени до времени раздавались крики испуганных или застигнутых врасплох животных. Но хищники, нападавшие на них, ничем не угрожали людям, спавшим в пещере. Вход в пещеру был слишком узок, завален камнем и огражден страшным для дикого зверя огнем. Костер из крепких сучьев и корней горел в течение всей ночи, пылая и дымясь, и служил лучшей охраной пещерного человека от его свирепых врагов.

Глава III

НА ОХОТЕ

Эд подрастал, как растут все дети; но он был крепче и сильнее нынешних детей. С ранних лет он привыкал помогать отцу и матери. Только что первые утренние лучи проникали в пещеру, он уже был на ногах. Он вставал с своей теплой лиственной постели, прикрывался одеждой из шкур и разводил огонь, чуть-чуть тлевший под утро, раздувая его и подбрасывая в него сухие сучья. В теплой золе оставались еще куски мяса, которые были мягки и сочны. Их съедали, и отец и мать уходили за поисками пищи. Пока Эд был очень мал, его оставляли одного в пещере, завалив ее вход камнями так, чтобы никакое опасное животное не могло попасть туда; да и днем эти животные держались в глухом лесу, выходя на добычу ночью.

Когда Эд настолько подрос, что мог бегать, не уставая, и его не надо было носить на руках, он уходил вместе с матерью и помогал ей собирать ягоды, лесные плоды и орехи. Рассматривая все, что у него под ногами, оглядывая каждый куст, Эд в тоже время чутко прислушивался, — не раздается ли какой-нибудь подозрительный шорох, означающий приближение зверя, угрожающего человеку. Когда слышалось что-нибудь подобное, для мальчика было достаточно одной минуты, чтобы взобраться на дерево и очутиться на высокой ветке, где он был в безопасности, и оттуда ему все далеко было видно. Как только он вполне окреп, он лазил по деревьям и перепрыгивал с ветки на ветку так же свободно, как ходил по земле. Он был легче матери, и иногда она посылала его на дерево, чтобы срывать там плоды или орехи и сбрасывать их вниз. Все, что они собирали, они уносили домой в корзинке из прутьев, которые мать искусно умела плести. Но орехи не всегда бывают в лесу: когда их не было, мать искала съедобных кореньев, служивших запасом на черный день. Чтобы их находить, надо было знать растения, у которых они бывают, и для этого внимательно

присматриваться ко всему, что растет в лесу и на лугах. Иногда мать и сын ловили рыбу в сети, также сплетенные из прутьев. Эду часто приходилось влезать в воду, чтобы ставить эти сети, похожие на наши бродники, и он выучился плавать и нырять. Мать ласково обращалась с ним, но, случалось, сламывала прут и больно стегала его, если он пропустит что-нибудь дельное и, в особенности, если он бывал недостаточно осторожен в случае угрожающей опасности.

У Эда потом находилось дело и дома, когда у него родились сперва брат, а потом сестра. Мать оставляла их на его попечении, когда уходила в лес. Эду не очень это нравилось, но он привык к послушанию и старательно исполнял свои обязанности, присматривая за детьми и за огнем.

Помогая матери, Эд жил надеждой, что отец заметит, — какой он стал сильный и ловкий, и возьмет его с собой на охоту. Эд любил мать, но к отцу чувствовал какое-то возмущенное уважение. Он видел, что семью кормил отец, уходя для этого далеко от дома и легко принося огромные куски мяса на своих могучих плечах. Эд с любопытством рассматривал убитую дичь, пробовал поднимать тяжелую палицу или каменный топор и потихоньку упражнялся в метании копий с каменными наконечниками. Он был необыкновенно горд, когда отец ему сказал, что на следующий день возьмет его с собой на охоту. Эд не радовался, не прыгал, но был серьезен: ему не надо было объяснять, что отец берет его не для того, чтобы его позабавить, а чтобы учить настоящему, самому важному делу — умению кормить себя и свою семью, когда она у него будет. Не умея добыть себе пищи охотой, человек того времени вынужден был голодать, потому что у него не было домашних животных, которые давали бы ему мясо и молоко, и он не умел сеять полезных растений.

Отец все показал Эду, — как надо выслеживать дичь, замечая по разным приметам, где и куда она прошла, как подкрадываться к ней, как метить в нее копьем, как пускать копье, как снимать шкуру с убитого животного, как разрубать его на части. Все это было тогда очень трудно. Человек сам должен был отыскивать дичь, потому что у него еще не бы-

ло собаки, которая помогала бы ему в этом. По протоптанной траве, по обломанным и обрызганным веткам, по клочкам шерсти на кустах, он узнавал, — какие животные побывали в таком-то месте. Он знал их нравы, — какую траву они любят, где чаще всего пасутся, куда ходят на водопой, и подстерегал их на пути. Дичи, даже крупной, тогда водилось много, но за ней охотилось немало сильных врагов, кроме человека, и она была осторожна. Быки, зубры, лошади и олени паслись большими стадами, и самые смелые самцы следили, — не подкрадывается ли к ним двуногий или четвероногий враг. Они подавали голос, предупреждая об опасности, и стадо тотчас же сбиралось в кучу. Если враг был страшен, вроде тигра или пещерного медведя, оно мгновенно убегало, а если борьба с ним была возможна, все готовились к отпору. Тогдашний охотник, завидя животных, должен был ползком пробираться к ним, и притом против ветра, чтобы животные не почували его приближения по запаху. Подкравшись к ним, он намечал животное, которое было ближе к нему, и пускал в него палицей или копьём с наконечником из обтесанного кремня. Нужно было иметь большую меткость и силу руки, чтобы таким неуклюжим оружием свалить животное. Сколько раз копьё падало, не долетев, и только заставляло животных вздрагивать, сбиваться в кучу и убегать со всех ног. Поэтому даже смелый и ловкий охотник не мог рассчитывать на успех. Ему нельзя было надеяться на меткость и силу своего удара, и он, нападая на животных прямо, старался в то же время завладеть ими хитростью: он ставил им разные западни и силки. Эд все перенимал в ожидании того времени, когда будет охотиться сам.

Глава IV

ТОВАРИЩИ

Эду было уже девять лет. У него были ясные глаза со смелым взором, широкий нос и большой рот; но в этом некрасивом лице было выражение настоящей мужественности. Он охотно работал вместе с отцом и матерью, но иногда в свободное время скучал: ему недоставало друга, с которым бы он мог делиться мыслями и совершать разные подвиги, которые совершают мальчики его лет.

Однажды, когда ему нечего было делать, он взобрался на дерево, стоявшее недалеко от пещеры, и, поднявшись высоко и найдя на нем крепкую ветку, сидел на ней и покачивался. Вдруг что-то, находившееся на соседнем дереве, привлекло к себе его внимание. Это была какая-то темноватая масса, но странно было, что и она покачивалась так же, как Эд. Эд долго, с любопытством, глядел на этот предмет и, наконец, решил, что это должен быть другой мальчик или, может быть, девочка, сидевшая на далеком дереве. Тогда ему захотелось познакомиться ближе с этим существом. Эд видал детей и раньше: знакомые его отцу и матери обитатели других пещер иногда приходили к ним вместе со своими детьми, и Эд знакомился, но не сближался с ними. На этот раз ему захотелось узнать, что это был за мальчик, который качался там на дереве.

Он соскочил на землю и пошел по направлению к замеченному им мальчику. Его отделял от Эда небольшой лужок, и Эд побежал по нему, не думая об опасности, которая могла таиться в каждом кусте. Подходя ближе, он пристально смотрел на мальчика и видел, что и тот так же пытливо смотрит на него, хотя и не трогается с места. Эд взобрался на соседнее дерево, уселся на ветке, на одной высоте с другим мальчиком, и оба стали своими блестящими глазами с любопытством и недоверием вглядываться друг в друга.

Эд заговорил первым.

— Кто ты? — спросил он.

— Я — Дубок, — ответил другой мальчик, — а ты кто?

— Я? Я — Эд.

— Откуда ты?

— Из пещеры около буков, а ты откуда?

— Я из пещеры на завороте реки и нисколько тебя не боюсь.

— И я тебя не боюсь, — ответил Эд.

— Тогда слезем и пойдем на тот утес бросать камни в воду, — сказал Дубок.

Оба, один за другим, соскользнули с деревьев и быстро побежали к подножию огромного утеса, наклонившегося над рекой, с отвесными почти стенами; но на этих стенах было достаточно выступов и впадин, чтобы мальчики могли взобраться по ним. На вершине была небольшая площадка в несколько аршин, и мальчики на ней были в полной безопасности.

Так произошла первая встреча двух будущих друзей.

Мальчики скоро подружились, болтая на площадке утеса. Каждый из них считал себя очень важным лицом, готовым в непродолжительном времени стать настоящим мужчиной, и товарища своего ставил немного ниже себя, но охотно признавал в нем большие достоинства. Они так сблизились, что Эд стал звать Дубка к себе в гости. Это было не легким делом, потому что детям тогда не позволялось далеко отлучаться от родной пещеры. Но мальчики, в жару дружеской беседы, не думали об опасности, и оба пустились бежать по лесным тропинкам к пещере Эда.

Отец и мать Эда одобрили его выбор. Отец знал очень хорошо отца Дубка, называвшегося Полосатым Лицом, потому что в юности пещерный медведь поцарапал ему щеку. Сам Дубок носил свое имя не потому, что был особенно крепок и похож на дуб, но просто потому, что молодой дуб рос около пещеры, где он родился. Одноухий (так звали отца Эда, потому что в детстве одно ухо его было откушено дикой кошкой) охотился вместе с Полосатым Лицом, и поэтому было вполне естественно, чтобы Эд и Дубок сдела-

лись близкими друзьями. На другой день Эд вместе с отцом посетили Дубка в его пещере, и отцы с удовольствием смотрели, как сыновья их бегали, лазили по деревьям и прыгали с ветки на ветку. Но они не только играли: у них в голове зарождалась смелая мысль. Они чувствовали себя настоящими охотниками и решили убить дикую лошадь.

Глава V

ОПАСНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Диких лошадей в то время водилось много; большие стада их в целые сотни голов паслись на лугах большой долины Темзы, и ими охотно питались и люди, и хищные звери, если только могли добыть их. Кожа их считалась не очень ценной, потому что была жестка и мало давала тепла. Из нее, по большей части, выделывали ремни; но лошадиное мясо, хотя и менее вкусное, чем мясо зубра и дикого быка, часто спасало от голода пещерного охотника.

Эд и Дубок хотели добыть дикую лошадь одни, без помощи старших, даже не говоря им о том, и в этом заключался главный интерес их предприятия. Они долго обдумывали его, понимая, что удача достанется им нелегко. Дикие лошади знали, что человек — опасный враг для них, и боялись его; они чуяли его приближение, быстро убегали, завидев его, и даже не возвращались в те места, где незадолго перед тем встретили его. Приятели наши знали все привычки этих животных и готовились к своему предприятию, как опытные охотники. Чтобы понять их план, мы должны описать местность, выбранную ими для охоты.

Пещера Эда находилась с северной стороны потока, где скалистые берега шли плотной стеной по обеим сторонам, а пещера Дубка находилась оттуда верстах в трех к западу на той же стороне реки, с такими же скалистыми берегами. На южной стороне реки, напротив высоких утесов, тянувшихся от одной пещеры до другой, местность расстилалась в виде обширного луга. На северном берегу, кроме того, шла небольшая долина, окруженная лесистыми холмами. Дубы и буки, росшие плотно друг к другу, представляли в своих ветвях прекрасное убежище для мальчиков. На дереве они были в полной безопасности, потому что из тогдашних животных, лазающих по деревьям, им причинить вред могла бы только дикая кошка, похожая на нашу рысь. Почти в середине маленькой долины росла группа дере-

вьев, и именно ею маленькие охотники собирались воспользоваться для выполнения своего замысла. Дикае лошади паслись в большой и в малой долине, по обеим сторонам реки; но там же бродили и крупные хищники, а пещерные люди не любили находиться вдалеке от деревьев, где всегда могли укрыться от них. Расстояние между опушкой леса и группой деревьев мальчики легко могли пробежать минуты в две, и поэтому они решились привести здесь свой план в исполнение.

Но что же могли сделать эти дети? Не было ли безумием предполагать, что они могут убить или поймать сильное животное, привыкшее к свободе и превосходившее других быстротой бега? Они не в состоянии были владеть тяжелым оружием своих отцов и не умели сделать западни для таких крупных животных. Между тем, им хотелось, во что бы то ни стало, оказать помощь родителям в прокормлении семьи и кстати заслужить славу настоящих охотников. Они долго думали и, наконец, придумали следующее: они выкопают глубокую яму в том месте, где пасутся лошади и, когда яма будет готова, прикроют ее хворостом, а сверху— травой, так, чтобы ничего не было заметно и чтобы животное могло без опасения вступить на хрупкую крышечку, которая должна была обрушиться под тяжестью его. Но чем они могли выкопать такую яму, когда не было в то время не только железных заступов, но и деревянных лопат? Быть может, нам не найти бы ничего пригодного для такой работы, но дикие мальчики знали, что в этом случае их может выручить большая раковина. Такими орудиями могли служить раковины больших устриц, которыми питались пещерные люди и которые они бросали потом поблизости от пещеры. Эти раковины были крепки, с острыми краями, и ими отлично можно было резать дерн и копать землю.

Наши охотники выбрали место на опушке леса, около рожицы, росшей в долине. На деревьях этой рожицы они всегда могли найти убежище и наблюдать оттуда, — не угрожает ли им какая-нибудь опасность. Когда никакой опасности не замечалось, один должен был копать, а другой — сте-

речь на дереве. В тот день, когда они решились начать работу, они влезли на дерево и долго присматривались, — не шевелится ли где-нибудь трава. Все было спокойно.

— Ты не боишься? — спросил Эд.

— Вместе с тобой — нет, — ответил Дубок.

— Тогда побежим скорее, — проговорил Эд, и они соскользнули с дерева.

Прежде всего, они отыскивали большое хвойное дерево с широкими ветвями, которые можно было сплести между собой так, чтобы образовалось нечто вроде гнезда, где они были в полной безопасности даже от прыжка тигра. Все это они делали очень скоро, потому что пещерные люди не привыкли медлить: промедление могло всегда стоить им жизни. Устроив свое убежище, мальчики решились приступить к работе. Они заметили место на лугу, слегка притоптанное дикими лошадьми, которые легко могли вернуться на него. Они решились копать именно на этом месте, потому что трава здесь была не так высока, и за высокой травой кругом они сами были менее заметны. Место это было на некотором расстоянии от деревьев, но, ради его удобства, мальчики не боялись опасности, какая могла угрожать тому, кто будет рыть яму, от внезапного нападения хищного зверя. Но эти смелые охотники чуть было не поссорились из-за того, кому начинать рыть первому. Каждый хотел начать работу сам, и Дубок долго не уступал Эду. Наконец они согласились, что Эд будет копать, а Дубок — стеречь на дереве. Эд тотчас же очутился на земле с раковиной в руке, и усердно принялся за работу. Она была не трудна для сильного мальчика, и он быстро перерезал корни травы своей острой раковиной. Дубок внимательно смотрел на землю вблизи и вдали от работающего товарища, понимая, что жизнь последнего отчасти находится в его руках: при малейшей оплошности сторожа, Эд легко мог бы сделаться добычей свирепого хищника.

Затруднение состояло в том, что землю нельзя было оставлять на краю ямы, так как осторожные животные сразу заметили бы, что это — дело человеческих рук. Приходилось уносить ее в сырую низину на краю болота, спускав-

шогося к реке. Эд перетаскивал в раковине выкопанную землю и бросал ее в болото. Но это очень трудно и долго. Тогда Дубок придумал таскать землю в волчьей шкуре, которая у него была с собой для защиты от холода и сырости. Разостлав шкуру на траве, Эд насыпал на нее выкопанную землю и, подняв шкуру за углы, понес все это к тому месту, где ссыпал землю. Он еще долго работал, пока совсем не выбился из сил. Тогда наступила очередь Дубка. Мальчики сменялись таким образом до самого солнечного заката. Работники разошлись по домам, чтобы сойтись опять самым ранним утром.

На второй день было выкопано и перенесено к болоту еще больше земли. Только однажды сторожу пришлось предостеречь товарища и посоветовать ему влезть на дерево. Но это был ложный страх: какое-то животное, действительно, двигалось в траве, но оно прошло в стороне от наших землекопов, и они могли опять тотчас же взяться за работу. Они легко справлялись с мягкой землей и радовались, что работа идет у них так споро. Но эта радость перешла в огорчение, когда они наткнулись на слой твердого, слежавшегося песка. Раковинами его копать было нельзя: для этого надо было придумать какое-нибудь другое орудие.

Впрочем, орудие для вскапывания твердой почвы было давно уже известно пещерным людям, и на другой день Эд явился с крепким дубовым колом, с концом, заостренным в огне, отчего он сделался твердым, как железо. Работающий забивал этот кол в песок, расшатывал и разрыхлял твердую массу и затем уже копал ее раковиной. Работа шла медленнее, но все-таки не прерывалась, и землекопы не теряли уверенности, что доведут ее до конца. Отсутствие опасности сделало их смелыми, и случалось, что они работали вместе. Но они делали это редко, только сильно увлекшись работой, так как осторожность вошла у них в привычку.

Однажды, когда Эд работал в яме, а Дубок стерег на дереве, последний вскрикнул особенно сильно и тревожно:

— Беги! — слышался его задыхающийся голос, и он сам, и его товарищ с быстротой молнии пробежали пространство, отделявшее их от леса, где они могли спрятаться в

ветвях непроницаемой густоты. Когда они были в безопасности, Дубок проговорил только:

— Смотри.

Эд взглянул и понял, как умно поступил Дубок, заставив его так быстро перебежать из рощи, находившейся у реки, в густой безопасный лес. То, что увидели дети, понудило бы и отцов их убежать столь же быстро от того места, где они только что находились. Они замечали только, как правильно колебались тростники между рощей и рекой, и над этими тростниками — голову, выставлявшуюся на полторы или на две сажени выше камышей. Это зрелище было редким: его видали не все пещерные люди. Это была громадная змея, жившая и на земле, и на воде. Она была редка, потому что уже понемногу вымирала, как многие громадные животные того времени. Отец Эда только один раз видел ее, и мальчик с его слов знал о существовании чудовища, пугавшего всех больше, чем тогдашние тигр и медведь.

Мальчики, сидя в безопасном месте, без страха наблюдали за движениями страшного животного. Оно медленно, бесшумно ползло по тростникам, и только по колебанию их можно было угадать движение змеи. Наконец, она подняла огромную голову, обвилась вокруг толстого дерева и свесила голову с одного из его сучьев. В ней было немного менее десяти сажен длины и около аршина толщины. Она поджидала жертву, которую, даже если бы это было крупное травоядное, она могла проглотить сразу, как делают это нынешние удавы. Она была опасна для всех тогдашних животных, за исключением мамонта, носорога и гигантского лося, которые были слишком крупны, и пещерного тигра и медведя, небезопасных даже и для этой змеи. Но зубры, быки, лошади и олени могли быть проглочены ею сразу.

Мальчики, слишком взволнованные этим зрелищем, не в силах были спокойно сидеть на дереве и лесом побежали домой, чтобы рассказать старшим, что они видели.

Глава VI

НЕОЖИДАННАЯ УДАЧА

Отцы были встревожены не менее детей и на следующее утро отправились вместе с ними на место невиданного зрелища. Все оставалось в прежнем положении: змея висела на дереве, поводя во все стороны головой и выжидая жертву. Жертва вскоре должна была попасться ей, так как по поляне бродили дикие лошади, и от времени до времени показывались или бык, или лось. Старшие не оставались смотреть, что будет дальше: убедившись, что дети говорили правду, что в их местах, действительно, появилась страшная змея, они поспешили известить об этом береговых жителей занимавшихся рыбной ловлей, для которых появление змеи было гораздо опаснее, чем для жителей пещер. Пещеры находились на возвышенных местах, далеко от берега, и были превосходно защищены, а рыболовы ютились в хижинах и землянках на берегу и могли легче подвергнуться нападению. Отец Эда нашел немногих рыболовов, потому что все они были в море, и вместе с ними вернулся к тому месту, откуда можно было видеть змею. Но ее уже не было: дети заметили, как она проглотила зубра и затем медленно уползла в тростники, откуда спустилась в воду и поплыла к морю.

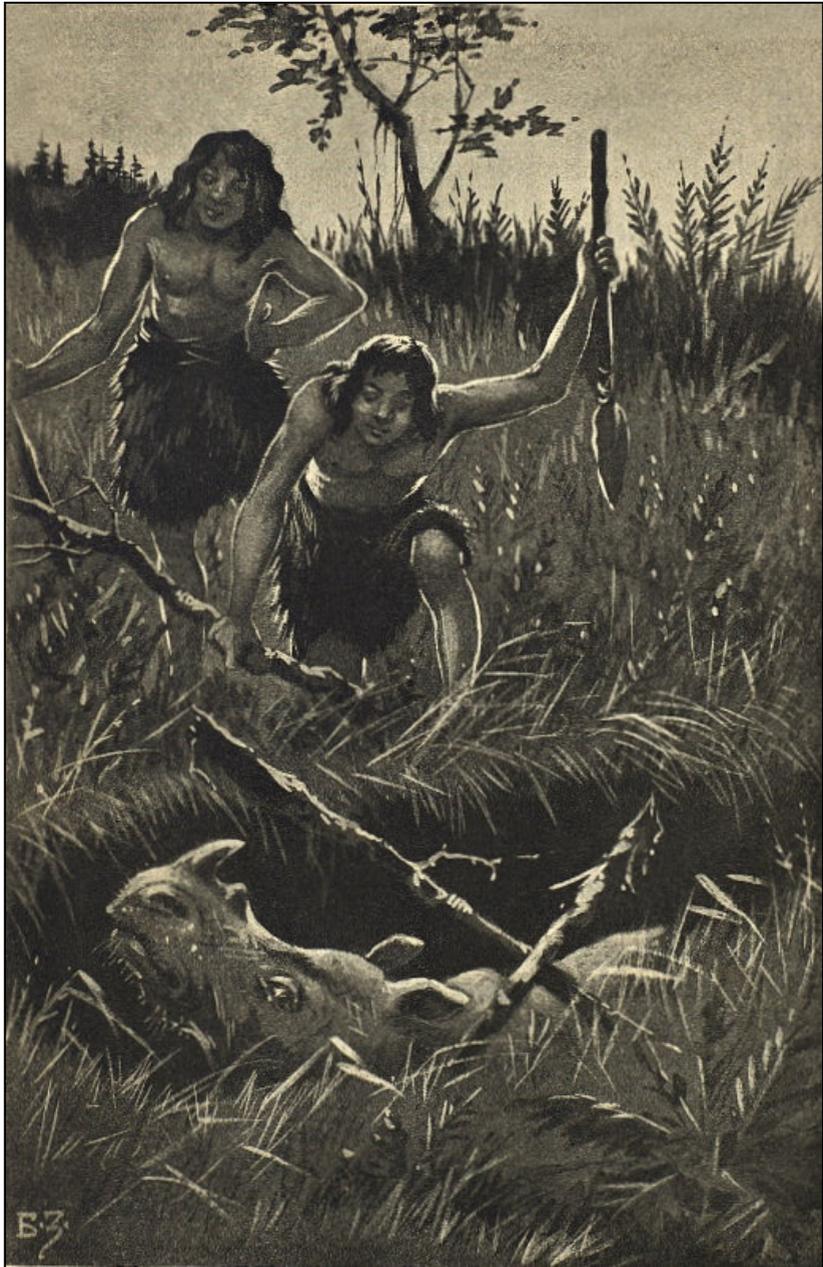
Успокоившись от испытанного ими страха, наши землекопы приступили к окончанию своей работы. В их отсутствие много животных посетило долину. Они видели там зубров, быков, лошадей и громадных лосей; и носороги бродили в траве или валялись в болоте. Даже мамонт забрел в эти места, внимательно оберегая своего детеныша, на которого издали жадными глазами поглядывал пещерный тигр. Точно также показывались медведи и гиены. Все это происходило потому, что в течение нескольких дней здесь не было человека; как он ни был слаб в сравнении с этими животными, они боялись его, чуя в нем что-то иное, высшее, чего не было в других животных, и решались напа-

дать на него только врасплох, когда он был безоружен.

Как только дети появились около своей ямы, эти животные не показывались больше. Тем не менее, наши работники соблюдали еще большую осторожность: яма была уже довольно глубока, и находившемуся в ней трудно было бы выскочить сразу и успеть скрыться в безопасное место. Наконец, яма была готова; осталось покрыть ее тонкими сучьями, которые приходилось носить из леса. Сверху сучьев была насыпана тонким, но плотным слоем сухая трава, а над нею опять земля, ветви и трава так, чтобы по возможности это место ничем не выдавалось среди луга. Это удалось вполне, и теперь надо было только ожидать, пока какое-нибудь животное попадет в эту западню.

Мальчики приходили туда каждый день, влезали на дерево, откуда можно было видеть прикрытую яму, и ждали. Прошло несколько дней в величайшем возбуждении. Они видели, как быки и лошади ходят неподалеку от ямы, но ни одно из животных не приближалось к ней. Наши охотники потому и выбрали это место, что на нем всегда паслось много диких лошадей и других животных, но теперь, как нарочно, ни одно из них не подходило к яме. Однажды они следили с бьющимся сердцем за огромным лосем, который перешел через долину к воде, напился там и, пощипывая траву, подходил к роще, около которой находилась яма. Он подошел почти к самой яме и остановился под деревьями, показывая себя во всей своей красе. Однако, он отошел в сторону и понемногу скрылся из виду.

Наступили осенние заморозки, и ранним утром долина была покрыта инеем, на котором можно было заметить следы всех проходивших животных. Дети не обращали на это внимания и спешили взглянуть на свою яму. Ровной травяной поверхности не было: какое-нибудь животное должно было находиться в яме, темневшей среди луга. Не забываясь об опасности, мальчики спрыгнули с дерева и с копьями, острие которых состояло из кремневых наконечников, побежали к яме. Достигнув ее, они испустили громкий крик и стали прыгать кругом, не помня себя от радости. В яме находился молодой носорог, лишь нескольких меся-

цев от роду, но уже настолько крупный, что он наполнял все углубление. Несмотря на все усилия, он не мог высвободиться оттуда. Его длинная морда с парой рогов была на уровне земли, и он смотрел маленькими, злыми глазами на своих торжествующих врагов. Вокруг ямы земля была взрыта ногами какого-то огромного животного. Очевидно, с маленьким носорогом была его мать и она-то употребляла все усилия, чтобы извлечь его оттуда. Ее теперь не было, но мальчики понимали, что она во всякую минуту может вернуться, и предпочли скрыться на дерево, откуда, действительно, увидели огромное животное, возвращавшееся вновь на помощь к своему детенышу.

Глава VII

СОПЕРНИК МОЛОДЫХ ОХОТНИКОВ

Тогдашний носорог был гораздо больше и сильнее нынешнего и отличался от него еще тем, что был покрыт длинной темной шерстью. Его боялись даже в то время, когда было так много крупных и свирепых животных. Иногда и мамонт уступал ему дорогу, и сам пещерный тигр, свирепейший из хищников, не решался нападать на взрослого носорога. Кожа его была непроницаема даже для когтей тигра, и ему достаточно было взмахнуть своей громадной головой с двумя крепкими рогами на носу, чтобы пронзить и убить на месте любое животное, так как сила его шеи была необычайна.

Самка носорога пробежала около самого дерева, на котором сидели мальчики, и даже задела его плечом. Остановившись на некотором расстоянии от них, она повернула назад и начала ходить кругом своего детеныша, заключенного в яме. Как ни бесполезны были усилия, она не прекращала их и уже время близилось к вечеру, когда она прошла в сторону болота и на некоторое время скрылась там. Мальчики прождали еще долгое время, пока не уверились, что носорог нуждается в отдыхе и ничем не может угрожать им. Они спустились с дерева и сперва пошли тихим, крадущимся шагом; только отойдя достаточно далеко, они пустились бегом, каждый в свою сторону. Теперь надо было объявить старшим об их удаче и просить их помощи. Они должны были вернуться на место вместе со своими отцами в возможно непродолжительном времени. Действительно, через час младшие вместе с старшими, вооруженными палицами и кремневыми копьями, вернулись к яме, где был заключен молодой носорог.

Сперва они осмотрели с холма то, что делалось вокруг, и убедились, что все было спокойно; Было уже довольно поздно, и охотники решились пойти и убить молодого носорога в надежде, что мать, увидя его мертвым, оставит его

в покое. Затем они вынут носорога из ямы, и у них в течение нескольких дней будет превосходное мясо, и останется еще для разных поделок крепкая, не слишком толстая кожа. Затруднение заключалось только в том, что ветер дул от охотников к реке, где скрывалась самка носорога, и она не могла не слышать их приближения благодаря отличному чутью, свойственному всем тогдашним животным. Однако, это не остановило их, и они решились выполнить свое намерение.

Все четверо спустились с холма и осторожно стали пробираться по долине, по направлению к роще. Они шли так тихо, что животное не могло слышать их, но оно чуюло их запах, и они не успели еще дойти до половины долины, как старый носорог выскочил и быстро понесся в их сторону. Они едва успели взбежать на пригорок и скрыться на деревьях. Не видя их больше, животное сделало несколько кругов, как будто отыскивая их, затем опять вернулось к своему детенышу и опять тщетно пыталось освободить его. Становилось темнее, и тени сгущались по всей долине.

Охотники были в нерешимости. Они могли подкрасться к своей добыче с другой стороны, откуда животное не могло почуять их приближения, но темнота остановила их: в такое время было слишком опасно очутиться посреди долины, вдали от деревьев. Однако, они решились сделать эту попытку и, направляясь по гребню холма, стали спускаться к реке, зорко оглядываясь во все стороны. Вдруг Одноухий протянул руку, чтобы остановить идущих за ним, и молча указал на долину в сторону рощи. Шагах в пятидесяти от ямы высокая трава слегка колебалась: какое-то животное подвигалось к яме, и животное не малого размера. Все напрягали зрение, чтобы увидеть, что это было за животное. Было почти совсем темно, но пещерные люди привыкли видеть ночью, и они различили длинное, темное тело, выступившее из тростников и осторожно двигавшееся вокруг ямы; оно все более и более приближалось к беспомощному пленнику. Одну минуту незаметно было никакого движения. Но в эту минуту раздался раздирающий, тревожный крик смертельно испуганного животного, крик, от

которого вздрогнули даже привыкшие ко всем ужасам охотники. Мгновение спустя какой-то темный предмет мелькнул в воздухе и очутился на спине животного, заключенного в яме. Это был пещерный тигр. Послышались смешанные звуки крика молодого животного и рева тигра, и к ним тотчас же присоединилось храпенье, не менее страшное, чем рев хищника. Громадное животное поднялось над болотом, и послышался шум тяжелых ног: самка носорога неустрашимо надвигалась на тигра. Послышались неопределенные звуки рева и фыркания, огласившие безмолвную долину, и затем заметно было неясное движение темных масс, убежавших оттуда. Начиналась страшная борьба между двумя могучими животными, от которой пещерным людям надо было держаться подальше. Наступила полная темнота и, пользуясь ею, они со всех ног побежали домой.

На следующее утро все четверо поспешили к яме, и в долине, покрытой инеем, не замечалось никаких следов бродивших по ней животных: ни одно из них не решалось пойти в ту сторону, где только что произошло столкновение носорога и тигра. И наши пещерные люди с большими предосторожностями приближались к этому месту. Дойдя до ямы, они поняли все, что произошло. Там оставалось полусъеденное тело молодого носорога; он был убит, вероятно, первым нападением тигра. Борьба его матери с хищником, по-видимому, не имела смертельного исхода. Только случайно носорог мог задеть своими рогами увертливого хищника, и только случайно этот последний мог добраться до незащищенной толстой кожей части тела своего громадного врага. Битва должна была быть долгой и утомительной, но она кончилась тем, что враги разошлись, не причинив большого вреда друг другу. Старый носорог не возвращался более к яме, зная, что детеныша ее уже более нет в живых, и тигр мог спокойно насытиться своей добычей. Однако, мяса еще оставалось много. Пещерные люди могли вырезать большие лучшие куски его. Но много они унести не могли, потому что каждую минуту опасались возвращения тигра. Они не решались еще раз спуститься в яму и поспешно направились к холму и к лесу, чтобы оттуда добрать-

ся домой.

Так кончилось первое приключение наших мужественных мальчиков. В течение нескольких дней они не смели подходить к долине, так как тигр мог находиться неподалеку от нее. Когда через несколько времени они отважились пойти к яме, они нашли в ней только обглоданные кости.

Вскоре после того произошло наводнение, и отец Дубка со своей семьей должны были выселиться из пещеры и искать убежища в нескольких верстах оттуда. Вследствие этого, товарищи долгое время не могли видеться друг с другом. Эд в этой истории с западней выказал столько мужества и находчивости, что его уже не считали больше мальчиком, и все видели в нем будущего смелого охотника. Но, чтобы сделаться им, ему еще нужно было многое узнать и многому научиться.

Глава VIII

УЧИТЕЛЬ ЭДА

В зимнее время, когда снег покрывал землю, вся семья оставалась в пещере. Когда снег был мелок, отец уходил на охоту: ему легче было отыскивать животных по их следам и добираться до того места, где они скрывались. Он знал след каждого из них и мог безошибочно определить, — прошли ли олень, заяц, волк и т. п. Но Эда он не брал с собой, так как ему было бы слишком холодно, и мальчик оставался в пещере с матерью. Он помогал ей в разных домашних работах, которые были тогда делом женщин; он вместе с ней разрезал мясо и готовил его для еды. Мясо они чаще всего жарили прямо на углях или на раскаленных камнях, политых водой; при таком приготовлении мясо выходило более мягким и нежным. Но они умели и варить его, хотя у них не было глиняной посуды: для этого они наливали воду в углубление, сделанное в большом камне, и бросали в нее раскаленные камни до тех пор, пока вода не закипала. Тогда они клали в нее мясо, и ели потом и сам отвар, и разварившиеся куски. Мы знаем, что они это так делали, потому что и до сих пор многие дикари, например, туземные жители Северной Сибири и Северной Америки, варят таким образом куски оленины или говядины. Коренья, составлявшие важное подспорье в пище пещерного человека, также пекли в золе или варили. Приставшая зола не портила вкуса кушаний: напротив, она нравилась, заменяя собой соль. Запасы пищи не всегда съедали сразу; когда их было очень много, часто их заготавливали впрок. Для этой цели мясо подсушивали на огне, отчего оно становилось вроде вяленого. В этом же роде засушивали лесные плоды и орехи, составлявшие главную растительную пищу у пещерных людей, потому что хлеба у них не было.

Матери надо было и готовить одежду для семьи. Это было трудным делом: тогда еще не умели дубить и выделывать кожи. Их сперва просто очищали каменными

скребками от крови и мяса на внутренней стороне, затем слегка просушивали и натирали жиром до тех пор, пока кожа не становилась мягкой. Из этих кож кремневыми ножами вырезали четырехугольники и сшивали сухожилиями, причем в кожах делали отверстия костяными шилами, и сухожильные нити, игравшие роль сапожной дратвы, продевали в эти отверстия. Из сшитых кож выходило нечто вроде меховых плащей, служивших единственной одеждой пещерного человека. Ни шапок, ни обуви он еще не знал.

Эд помогал матери и в обработке, и в сшивании кож, но это не было его настоящим делом. Он должен был учиться изготовлять то, что было всего важнее для охотника и воина. Оружие тогда изготовлялось из кремня, потому что употребление металлов еще не было известно. Из кремня делали топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел и т. п. Для этого брали кусок кремня и оббивали или обтесывали его другим камнем, пока он не получал нужной формы и не становился достаточно острым. Хотя каждый охотник должен был сам готовить себе оружие, но не все делали это одинаково искусно, потому что это было не совсем легко. Отец Эда показывал, как надо обтесывать кремни; однако, оружие, которое он выделывал, нельзя было бы назвать лучшим для того времени.

К счастью, у Эда оказался превосходный учитель, который научил его тому, чему не мог научить отец. Его звали Старый Мок; он как-то случайно появился в их пещере и остался там. Когда-то он был знаменитым охотником и даже сумел отбиться от нападения страшного хищника, оставшись, впрочем, калекой на всю жизнь. Охотиться ему было уже не под силу, но он был везде желанным гостем, так как никто не мог лучше его рассказать о всех повадках диких зверей и сделать охотничье оружие. Отец Эда был связан с ним давней дружбой и пригласил его поселиться у него, в семье. У Мока были седые, всклокоченные волосы, некрасивая, торчащая борода, и на него жалко было смотреть, когда он ковылял на ходу своей искалеченной ногой. Однако, в глазах его было столько огня, и такая сила чувствовалась в его словах, что Эд сразу привязался к нему, и с

тех пор старый и малый стали неразлучны. Дубок часто присоединялся к ним и они работали втроем над приготовлением каменного оружия. Они работали при дымном свете костра, так как другого освещения у них не было. Этот красноватый, колеблющийся свет не мешал Моку выделять такие острия из кремня, которые славились на весь округ, нигде не находя себе подобных.

Моку приносили большие куски или желваки кремня, которые в необработанном виде были похожи на грушу. Этот кусок, который кажется совершенно плотным, состоит из слоев кругом средней или внутренней части его. Если с силой надавить на такой желвак, в особенности, когда он еще сырой, т. е. только что вынут из земли, слои отделяются довольно легко, и из них выходят острые каменные осколки, которыми уже можно пользоваться вместо ножа. Внутренняя часть, находящаяся в самой середине, — самая крепкая, уже не разделяющаяся на слои; из нее, посредством оббивания или обтесывания, делали наконечники копий. Тяжелые топоры и молотки делали из гранита или кварца; но, хотя они были неуклюжи и неудобны, для их изготовления требовалось много искусства и терпения. Каждый удар надо было соразмерить, потому что слишком слабый мало приносил пользы, а слишком сильный мог испортить или разбить камень. Нужно было, чтобы каменное орудие имело острое возвышение в середине, придававшее ему крепость, и по возможности острые края. Для этой работы требовалась большая верность глаза и руки.

Эд оказался прилежным и способным учеником Мока. Сперва ему позволялось только доканчивать отделку готового оружия, отбивать осторожно оставшиеся на нем выпуклости, чтобы оно было как можно глаже. Затем ему позволялось уже самому отделять осколки от желваков, хотя на первое время Мок давал ему только плохие камни, над которыми сам не стал бы трудиться. Сначала у мальчика дело шло плохо: он портил бесчисленное множество камней; если бы у него не было терпения и способности, из него едва ли вышел бы хороший оружейный мастер его времени. Однако, у него было много и того, и другого, и он постепенно

привык обивать осколки только немного хуже, чем его учитель, и даже придавать оружию такую отделку, которая вызывала одобрение того. Мальчик постоянно был за работой, выбирая новые и новые камни и добываясь, чтобы из них выходило оружие, похожее на то, какое делал Мок. Он громко выражал свою досаду, когда нож выходил у него слишком тонким и хрупким, или наконечник копья — слишком легким. Он спрашивал у Мока, отчего это так вышло, и тот всегда терпеливо объяснял ему и показывал, как надо было сделать. Понемногу Эд добился своего и делал оружие гораздо лучше своего отца.

Научившись обтесывать камень, Эд мог оказать большую услугу не только отцу, но и матери. У нее не было сосуда, в котором тогда кипятили воду раскаленными камнями, как мы уже сказали выше. Камни клали в меха, т. е. в звериные шкуры, сшитые так, как шьют и теперь бурдюки для вина. В меха наливалась вода и понемногу нагревалась горячими камнями. Но меха легко прорывались, и всякой хозяйке тогда хотелось иметь сосуд из выдолбленного камня, куда можно было бы наливать воду. Желание это будет понятно для нас, если мы припомним, что в то время люди еще не знали глиняной посуды.

Эд взялся выдолбить в большом камне углубление, какое было нужно для его матери. Камень, плоский с одной стороны, притащили в пещеру соединенными силами Эд, Дубок и их отцы. На камне старый Мок начертил круг, чтобы определить, какой ширины должно было быть углубление; в поперечнике его должно было быть около аршина. В этом круге надо было углубляться в камень, пока не получится нечто вроде котла.

Эд весело принялся за работу и дня два усердно долбил каменным резцом, держа его в руке, но был несколько огорчен, видя, что его работа приносит мало пользы: ему удалось выдолбить лишь весьма незначительное углубление. Тогда он вставил свой кремневый резец в олений рог, чтобы его ловчее держать в руке. И все-таки работа его подвигалась мало. Наконец, он придумал привязать резец к деревянному суку, к другому концу которого прикреплен

был камень в несколько фунтов весом. Это орудие, падая всей тяжестью, выдалбливало камень гораздо скорее, чем это можно было сделать рукою. Работая без усталости, Эд уже через несколько дней сделал такое углубление, в которое можно было налить воду и положить мясо вместе с нагретыми камнями. Но этого было мало: Эд продолжал работать до тех пор, пока не сделал настоящего каменного котла, какой был нужен его матери. В этот день в пещере оказалось мясо убитого оленя. Огню дали сильно разгореться, подбрасывая в него сухих сучьев, и когда появилась порядочная груда угольев, на них бросили несколько камней средней величины, которые вскоре сделались красными. Плетенками из ивовых прутьев их перетаскали один за другим в новый котел, где уже находились мясо и вода. Через несколько времени вода закипела, и вскоре поспела громадная миска супа, от которой разносился приятный запах в пещере. Надо было спешить есть этот суп, чтобы не дать ему остыть. Все сошлись около котла и ели суп раковинами вместо ложек, а вареное мясо вытаскивали заостренными палочками. В пещере ни разу не ели еще так удобно и притом все вместе, — большие и малые. Все понимали, что они этим обязаны Эду, и для всех это было днем торжества.

Мок в особенности хвалил Эда за придуманный им снаряд для долбления камня. С того времени его применяли и для надавливания на кремни, для получения осколков, из которых выдвигались ножи и наконечники копий и стрел. Они даже теперь работали вдвоем: Мок держал резец и направлял его, как следует, а Эд изо всей силы давил на него. Работа обоих мастеров — старого и молодого — шла теперь еще быстрее и еще лучше прежнего. Эд учился делать различные вещи из оленьего рога, как, например, наконечники стрел и крючки для удочек, и сосуды для питья из рогов дикого быка и зубра. Старый Мок умел вырезать фигуры на мамонтовых клыках и готов был научить этому Эда, но тому эта тонкая, кропотливая работа не нравилась: он хотел делать только полезные вещи, нужные охотнику его времени.

Эд и Дубок с каждым днем все больше и больше становились настоящими охотниками. Однажды ночью Эд принес в пещеру двух маленьких животных, вроде щенят, серого цвета, и привязал их в углу крепкими нитками из сухожилий. Это были волчата, которых он с большой опасностью взял из волчьего логовища. Другую такую же пару взял себе Дубок. Волчата подросли у Эда и, пока были малы, мирно играли с его братом и сестрой; но когда стали больше, они начали кусаться, и их пришлось выбросить из пещеры. Они так привыкли жить с человеком и питаться остатками его пищи, что приходили каждый вечер к двери пещеры и просили есть, отгоняя других животных своей породы. Через некоторое время они привели с собой своих волчат, которые уже были смирнее и ласковее своих родителей. Но волка нельзя было приручить, и у человека не было настоящего помощника и сторожа, пока он таким же способом не приучил жить у себя собаку.

Если юноши не могли еще охотиться за крупными зверями, то им вполне уже удавалась охота на птиц. Никто не умел лучше их поставить силки или свалить птицу ловко пущенным камнем. Так охотились они в болотистых и лесных местах за тетеревами, рябчиками и куропатками. На реках и озерах они гонялись за лебедями, гусями и утками и преследовали водяных курочек. Они разыскивали яйца их в кустах и ели их, как лакомство. Уток было тогда так много, что они огромными стаями собирались у берегов реки или у островков, и мальчикам, притаившимся в кустах, достаточно было выскочить оттуда и бросить камнем в стаю птиц, сидевших плотно друг около друга, чтобы поразить одну или даже несколько жертв. Если бы мальчики нашего времени сделали это, такую забаву можно было бы назвать жестокой; но мальчики пещерного времени должны были приучаться к охоте, потому что она кормила их. Они пытались охотиться и за бобром, который жил тогда в европейских реках, но это животное всегда скрывалось от них.

Понемногу молодые охотники переходили и к более крупной дичи. В их стороне жило много диких свиней или кабанов, сильных и свирепых животных с большими клыка-

ми. Юношам было не под силу пробивать копьём толстую кожу взрослых животных, и они нападали только на маленьких.

Они пробовали охотиться и за мускусным быком, некрупным животным, похожим отчасти на быка, отчасти на овцу. Но это животное слабо и потому пугливо, и нашим охотникам редко удавалось настигнуть его на таком расстоянии, чтобы его можно было поразить палицей или копьём. Редко им удавалось поймать и белку, еще реже — зайца. Зато они с успехом ловили животных, живших в норах, каковы куницы, сурки и т. п. Загнав животное в нору, они раскапывали ее большими раковинами, которые у них всегда были с собой, и старались достать зверька легким копьём, заостренным на огне. Животное с трудом могло уйти от этих ловких, сильных юношей. Особенно желанной добычей для них был хорек: они ели его мясо и просверливали его белые зубы, нанизывая их в виде ожерелья, которое носили на шее.

Юноши не решались нападать на опасных животных, хотя и не сворачивали с дороги, когда встречались с мелким леопардом или дикой кошкой. Из мелких хищников им больше всего хотелось встретить росомуху: из ее меха выделявали шкуры, которые носили тогда вместо одежды, и ее нетрудно было убить. Она легко шла на приманку, например, на кусок мяса; в то время, когда она бросалась на нее, ее можно было положить на месте несколькими ударами копья.

Глава IX

РАССКАЗЫ СТАРОГО МОКА

Эд слышал от отца, как жили люди прежде в этой стране, но он не узнал бы, как они жили в других местах, если бы ему об этом не рассказывал Мок. Мок многое видал, бывал в разных странах и слышал там рассказы старых людей о жизни их дедов и прадедов. Из этих рассказов Эд многому научился. В то время, когда люди еще не умели читать и писать, старики передавали молодежи самые памятные события, и когда для молодых приходило время старости, они повторяли эти рассказы своим детям и внукам. Это называлось «преданием», потому что оно передавалось изустно и твердо запоминалось слушателями, которые, в свою очередь, пересказывали это другим.

Эд и Дубок знали только то, что видели сами на своей родине. Так, они никогда не слышали, например, чтобы огонь мог выходить из земли: огонь всегда горел у них в пещерах, потому что в него постоянно подбрасывали сухие сучья и никогда не давали ему гаснуть. Если же случалось, что он потухал и даже уголья совсем остывали, брали палочку из твердого дерева и, сделав ямку в куске мягкого дерева, до тех пор вертели палочку, пока дерево не начинало дымиться и в ямке не вспыхивало пламя. Если был сухой мох под рукой, на него высекали искры из кремня, ударяя по нему другим камнем, — одним словом, делали то же, что делаем мы, высекая огонь из кремня стальным огнивом, с той разницей, что тогда не знали стали и, вместо нее, брали другой кусок кремня или твердого камня. По рассказам Мока выходило, что есть такие страны, где из земли выходит огонь и бьет горячая, как кипяток, вода.

Мок рассказывал им, что отцы и деды Эда и Дубка не очень давно поселились в своей стране. Прежде люди в этих местах жили только на берегу моря и питались рыбой, устрицами и другими слизняками. Там у них еда всегда была под рукой, и меньше было опасности от диких зве-

рей. И все-таки между ними нашлись смельчаки, которым больше нравилось гоняться за зверями в лесу, и они ушли с берега моря и стали жить в пещерах, промышляя охотой. Это и были предки Эда и Дубка.

Береговым рыболовам можно было поверить, что они давно живут на своем берегу: там накопились целые пригорки из раковин и рыбьих костей, которые они бросали около своих жилищ так же, как мы выбрасываем кухонный мусор. Для того, чтобы этих остатков могло набраться так много, люди должны были давно уже поселиться на этом месте и жить там, не оставляя его.

Береговые рыболовы слыхали от своих стариков о том времени, когда водились огромные животные, большие водяные змеи, громадные звери с длинными шеями и змеиными головами, с плавниками вместо ног, и чудовищные птицы гораздо больше человека. Мок прибавлял, что он видел сам кости огромных животных в размытых берегах рек и поэтому не сомневался в рассказах рыболовов; он думал, что если предки их не видали этих животных живыми, то могли видеть их кости или мертвые тела и судить по ним, как эти животные были велики.

Трупы этих огромных зверей могли сохраняться долго, потому что им ничего не делается в мерзлой земле, а по рассказам тех же рыболовов, было такое время, когда снег и лед лежали повсюду и не таяли даже летом. Когда настало это холодное время, многие животные не могли перенести его и погибли или ушли туда, где было теплее. Человек переселился также в те места, где не было льда, и жил охотой на тех зверей, которые не боялись холода. Тогда он охотился больше всего на северных оленей. Потом опять стало теплее, лед начал таять, северный олень, привыкший к холоду, перешел далее к северу, и люди, охотившиеся за ним, перешли туда же. Олень ушел еще дальше к северу, на берега Ледовитого моря, а рыболовы остались на тех местах, где живут ныне, промышляя ловлей рыбы и устриц.

Мок рассказывал еще многое о великанах и карлах, о диких и опасных животных и об охоте за ними. Эд внимательно слушал его, и ему все больше и больше хотелось

побывать в разных странах и испытать счастья на охоте за страшными животными.

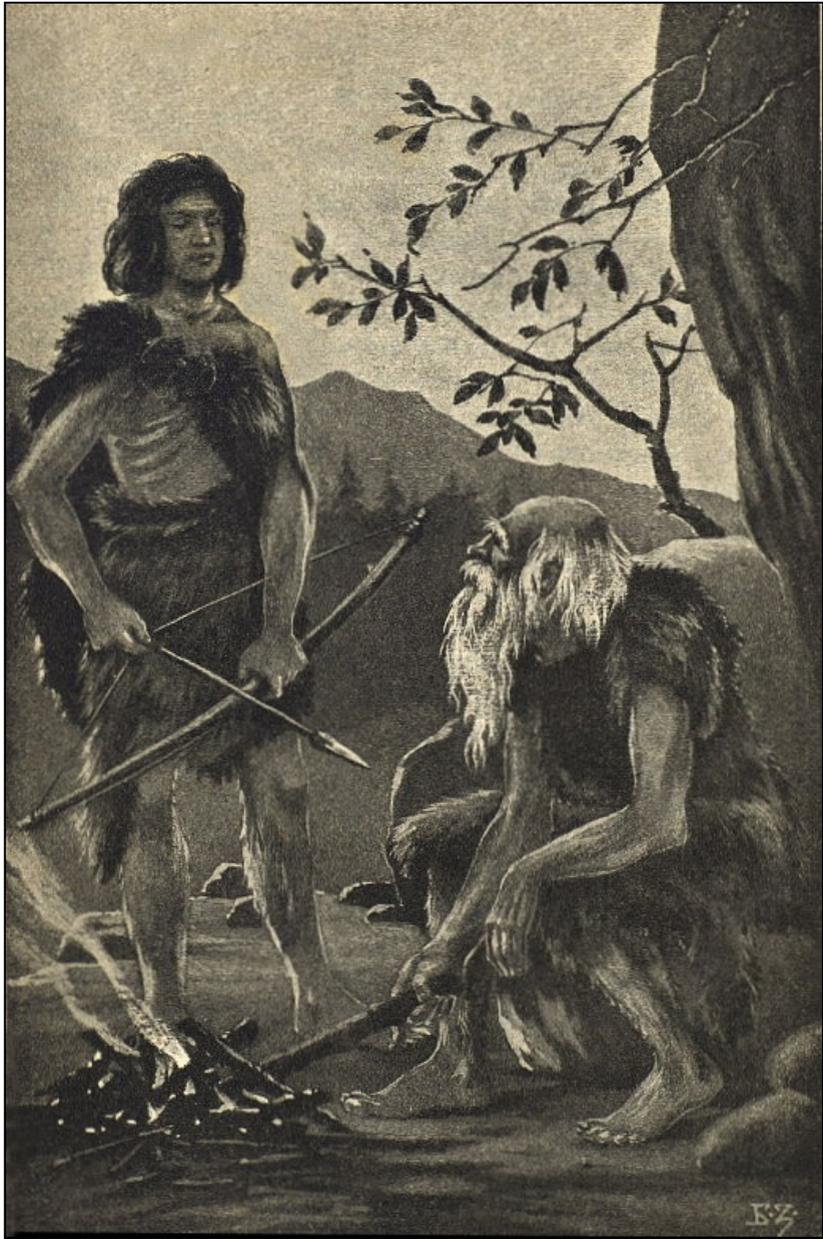
Глава X

ИЗОБРЕТЕНИЕ ЭДА

Прошло еще несколько лет. Эду шел уже двадцатый год, но он все еще охотился вблизи своей пещеры и жил в своей семье, только мечтая о том, как он со временем делается знаменитым охотником. Однажды он вернулся домой с охоты и застал брата и сестру, играющими вместе. Чтобы позабавить девочку, брат его взял тонкую ветку и, загибая один конец, выпускал его из руки, отчего этот конец отскакивал со свистом в сторону девочки, которая сторонилась от него и смеялась. Затем мальчик придумал соединить оба конца тонким ремешком. Этот ремешок, когда он его оттягивал, издавал звук, похожий на звук струны. Мальчику показалось этого мало: он взял лучинку, приложил ее к ремешку, оттянул его, и лучинка неожиданно впилась в руку девочки. Та закричала, и Эд собирался уже ударить брата за то, что тот сделал больно сестре. Но мальчик успел убежать в лес, бросив игрушку, которой он забавлялся. Эд, желая узнать хорошенько, как было дело, закричал ему, чтобы он вернулся, обещая, что не тронет его. Мальчик прибежал из своей засады и показал Эду, как он приставил лучинку к ремешку и как она полетела. Эд попросил его повторить еще раз эту игру, и мальчик, отойдя на несколько шагов, пустил в него лучинкой так же, как пустил в сестру. И на этот раз лучинка впилась в руку Эда, хотя не глубоко, проткнув только кожу.

Эд задумался над этой игрушкой. В таком маленьком виде она не могла нанести глубокой раны, но что будет, если ее сделать больше? Он выломал ветвь аршина в полтора длиной и в палец толщиной, согнул ее, связал оба конца ремнем и взял палку длиной около аршина. Он долго не мог приладить ее, как следует, но, когда ему удалось ее пустить, она довольно глубоко впилась в дерево.

Обрадованный Эд, угадывая, что он нашел новое орудие для охоты и войны, бросился со своей выдумкой к старому

Моку. Тот не слишком доверял юношам, когда они думают, что сделали какое-нибудь открытие, потому что эти открытия очень часто оказываются давно известными. Однако, на этот раз он внимательно выслушал Эда и пошел посмотреть действие нового оружия. Эд и теперь не сразу попал в дерево; когда ему это удалось и палка, хотя и тупая, все-таки воткнулась в дерево, Мок послал его за тонким копьём с каменным наконечником. Он заставил его приладить копьё к ремешку и пустить его. Копьё полетело и вонзилось в дерево с такой силой, что каменный конец его даже отломился от древка и остался в дереве. Тогда Мок велел принести другое копьё и придумал сделать на свободном конце его, где не было наконечника, зарубку, которая позволяла бы плотнее и прямее прилаживать его к ремешку. Потом он посоветовал выбрать ветку поровнее и на середине ее сделать небольшую выемку, куда можно было бы вкладывать копьё, чтобы оно летело прямее. Он посоветовал еще заменить ремешок сухожилием, потому что в нем было больше крепости и упругости. Так из детской игрушки образовалось новое оружие — лук и стрела, которого пещерные люди еще не знали и которое было лучше копья, так как оно могло бить дальше и сильнее.

Эд и Мок никому еще не говорили о своем открытии, Эд хотел испытать его на настоящей охоте. Сделав лук, который бил довольно верно, он отправился с ним, взяв, кроме него, только каменный нож, на поиски крупных животных, на которых мог попробовать силу нового оружия. Через некоторое время на полянке среди леса он заметил большое стадо пасущихся оленей. Подкравшись к ним так, что они его не видали, он спустил стрелу на таком расстоянии, на каком копьё не могло бы долететь до них, и увидел, что олени всполошились, шарахнулись и разбежались в разные стороны. Один из них остался, пораженный стрелой. Эд мог принести его домой как добычу, которой он был обязан новому оружию.

Глава XI

ОБЛАВА НА МАМОНТА

Была поздняя осень, и снег тонким слоем покрывал землю, когда однажды один из пещерных людей, едва переводя дух, прибежал к пещере, где жил отец Эда. Он сообщил нечто столь важное, что Эд, схватив оружие, так же поспешно побежал к береговым рыболовам. По случаю важной новости, пещерные люди должны были сойтись вместе с рыболовами. Новость заключалась в том, что вблизи на возвышенности появились мамонты. Человек, прибежавший к отцу Эда, был охотник, живший в нескольких верстах от него, наверху крутого холма, покрытого лесом и заканчивавшегося обрывом сажен в тридцать высотой. Мамонты редко заходили в лес и поднимались в верхнюю часть его, где за ними можно было охотиться. Тогда весть об этом передавалась по всей округе, как о событии чрезвычайно важном. Это значило, что все ее жители, сколько их ни было, могут наесться досыта мамонтовым мясом и часть его унести с собой. Чтобы не упустить этой редкой добычи, надо было действовать быстро, а иначе все могло закончиться плохо. Довольно было нескольких слов Эда, чтобы все рыболовы собрались в путь. Через полчаса Эд бежал уже назад к своему жилью, а за ним спешили человек пятьдесят рыболовов, вооруженных копьями — их единственным оружием. У них не было каменных топоров и тяжелых палиц пещерных людей, но они были храбры, и охота на мамонта не могла состояться без их помощи. Когда они вместе с Эдом пришли к его дому, там оказалось около сотни пещерных людей, которые совещались о том, как им загнать мамонтов к обрыву, отрезав им возможность отступления. Эд и Дубок говорили и шумели больше всех, потому что для них это была первая охота на самого крупного зверя.

Хотя охотников собралось около полуторы сотни, но все-таки предстоявшее им дело было нелегким. Мамонт был громадное животное, больше нынешнего слона, страшное,

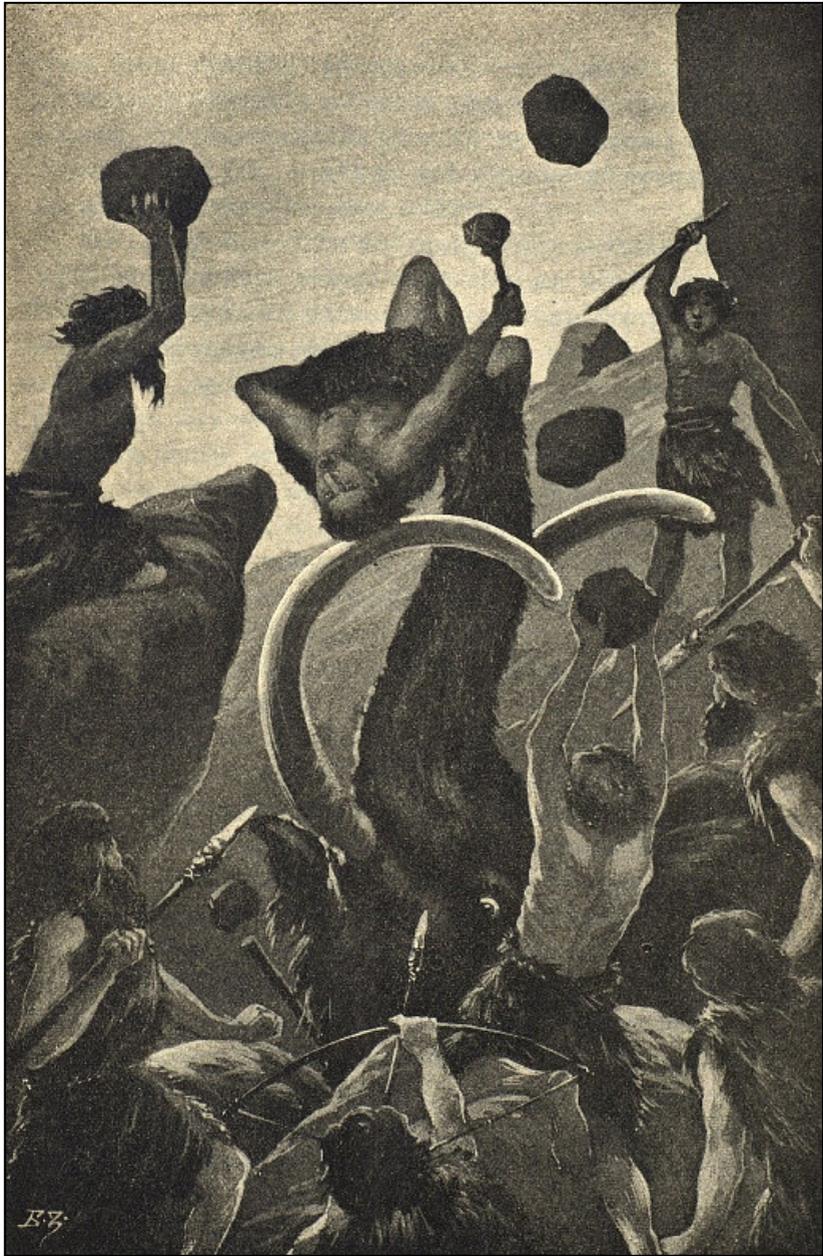
когда ему приходилось отстаивать свою жизнь, потому что тогда ничто не могло противиться его силе. Идти на него прямо было нельзя: его можно было одолеть только хитростью. Мамонт не боялся ни оружия, ни криков людей, даже когда их было много, так как каждого он мог убить сразу, захватив его своим хоботом и ударив о камень или о дерево или просто растоптав его ногами. Только одно могло привести в ужас даже этого громадного зверя: он не мог видеть огня и бежал, едва завидя его даже издали. Пещерные люди это знали и пользовались огнем, чтобы заставить мамонта повернуть в ту сторону, где его ожидала глубокая яма или пропасть.

И теперь они начали с того, что наломали сухих корней поваленных бурей сосен и набрали узловатых сучьев того же дерева, так как корни и сучья могли гореть долго ярким пламенем. Они сняли кору с других деревьев и связали полосы ее пучками вместе, что заменяло им факелы. У каждого в руках был незажженный факел из корней или коры. Когда приготовления были кончены, весь отряд вытянулся длинной вереницей и молча подвигался по лесу. Посланные вперед разведчики сообщили, что стадо мамонтов состояло из девятнадцати голов, и предводителем их был самец чудовищной величины; они рассказывали также, что стадо паслось очень близко от опушки леса, где он заканчивался покатостью, которая шла к обрыву. Эта покатость была покрыта льдом и, если бы удалось загнать туда мамонтов, то хотя бы один из них, который был тяжелее других, не имея возможности бежать по льду, мог бы сделаться добычей охотников. Поэтому надо было обойти мамонтов с противоположной стороны и выстроиться цепью более, чем на целую версту. Пещерные люди умели подкрадываться к своей добыче так тихо, что и теперь, когда их было много, они шли по лесу без всякого шума: нигде не хрустнула ветка, нигде не зашуршали листья под их ногами.

У самого края ската, отделенная прогалиной от большого леса, зеленела роща, в ней и паслись мамонты. Охотники видели их всех и их громадного вожака, который подвигался в роще впереди прочих. Охотники молча залегли в

лесу и ждали знака для наступления. Знак этот был подан, и тотчас же в руках у всех вспыхнули факелы. Вдоль опушки леса засверкали огни. Линия огней протянулась между деревьями, и мамонты встревожились. Затем раздался дикий оглушающий крик, и огни появились на прогалине около рощи. Охотники надеялись, что мамонты оцепенеют от страха, но этого никогда не случилось с животными, когда их было вместе несколько. Громкий крик заставил их податься в рощу, но, заметив там обрыв, они повернули назад и понеслись, ничего не видя перед собой, за исключением одного, самого крупного, слишком углубившегося в рощу. Сперва они бросились в одну, потом в другую сторону, стараясь избежать огней, но один из них, раненый копьем, обезумев от страха, прорвал линию охотников, и другие последовали за ним. По дороге они растоптали троих охотников и спаслись все, за исключением огромного вожака, который не поспел за ними. Он яростно метался по роще, издавая громкий звук, похожий на звук трубы. Охотники тотчас же сомкнулись, и огни их образовали теперь непрерывную линию.

Мамонт вышел из-за деревьев и в нерешительности смотрел на них в упор. Он был необыкновенно громаден и величествен. Огромные клыки его ярко белели среди длинной, темной шерсти. Его маленькие глаза злобно блестели, когда он поднимал хобот и трубил, по-видимому, призывая к себе на помощь свое стадо. Одно мгновение казалось, что он хочет броситься на плотную линию своих преследователей, но свет факелов бил ему прямо в глаза, громко кричащие охотники беспокоили его, и, когда копьё вонзилось ему в хобот, он издал отчаянный крик и повернул опять в рощу. У самых его ног прыгало множество людей, издававших громкие крики и забывавших об опасности в жару охоты. Один молодой смельчак подбежал к самому зверю, собираясь вонзить в него копьё. Мамонт обернулся, заметил это существо, казавшееся ему крошечным, схватил его своим хоботом и отбросил на несколько шагов вперед. Несчастный ударился о дерево и больше уже не поднимался. В это время огни стали еще ближе к мамонту, множество копий уже пронзили его толстую кожу, и животное, наконец, по-

вернуло к скату, который вел к пропасти. Оно стало скользить по гладкой ледяной поверхности и понемногу очутилось у края обрыва. Там уже ему не было спасения, — и мамонт разбился насмерть у его подножия.

Глава XII

ПИР

Такой конец охоты за мамонтом был большой удачей для всех окрестных обитателей. Им часто приходилось голодать, в особенности — в зимнюю пору, и мысль о том, что они и сегодня, и несколько дней после того будут сыты, радовала их. И эта охота, считавшаяся самой опасной, заставляла гордиться охотников. Оставив несколько человек около убитого мамонта, чтобы отгонять диких зверей, они разошлись по своим пещерам, намереваясь вернуться с женами и детьми, так как все поголовно должны были принять участие в предстоящем пире. Оставшиеся охотники вырезали несколько кусков мяса, развели огонь, зажарили столько мяса, сколько могли сесть, и уснули, надеясь, что горящие костры никого не подпустят к их добыче.

На следующее утро к этому месту спешили мужчины и женщины, весело перекликаясь между собой. Вскоре загорелось несколько десятков костров, и везде чувствовался запах жареного мяса, и слышался смех. Долго продолжалось это пиршество, долго еще дым от костров поднимался к небу. После полудня, когда все уже наелись, толпа разбилась на несколько кучек: старики в своем кружке вспоминали о прошлом, о других облавах на мамонтов и о разных счастливых и несчастных случаях охоты. Молодежь болтала между собою: здесь было много женщин и девушек, которые, не стесняясь, говорили с незнакомыми, чувствуя себя под охраной близких сильных людей.

Среди молодежи находились Эд и Дубок. Они принимали деятельное участие в охоте; после большого утомления наелись досыта мамонтового мяса и теперь отдыхали, поглядывая на знакомых и незнакомых, громко разговаривавших около них. Вдруг внимание Эда остановилось на двух девушках, которые стояли у костра в толпе охотников. Одна из них была небольшого роста, плотная и, по-видимому, сильная, с густыми волосами на обнаженных частях

тела и с круглым лицом. Другая была высокая, стройная, с большими, добрыми глазами и радостной улыбкой. Если бы не эти глаза и улыбка, она могла бы показаться гордой, потому что во всей ее фигуре было какое-то достоинство, которое отсутствовало у других девушек. Эд засмотрелся на нее, и она, наконец повернула голову в его сторону. Взгляды их встретились, но ненадолго: они оба в смущении опустили глаза. Эд, однако, решился протянуть ей кусок мяса, который был у него в руке. Это значило, что знакомство между ними завязалось, и все-таки на Эда напала такая робость, какую он никогда не испытывал на самой опасной охоте. Он не сказал ей ни одного слова, решив про себя, что опять скоро увидится с ней.

Когда все разошлись, поделив добычу, Эд узнал, что эта девушка была дочерью старого охотника, жившего наверху горы, и что ее звали Легконожкой за ее умение бегать быстрее всех.

Глава XIII

СВАТОВСТВО ЭДА

С этого дня Эд думал не об одной охоте. Как-то вышло само собой, что он каждый день поворачивал в ту сторону, где жил отец Легконожки, и не столько выискивал дичь, сколько присматривался, — не встретится ли ему среди деревьев высокая, стройная девушка. Но он не только бродил в ожидании встречи с ней: он думал, что ему надо сделать, чтобы Легконожка согласилась быть его женой. Для него настало время серьезной заботы. Он был сильный юноша и искусный охотник, но у него не было своего дома, так как он все еще жил в семье отца. Он не мог бы привести туда жену, так как ей не достало бы места, да и пришлось бы только помогать его матери. А Эду хотелось завести свое хозяйство и свою семью. Для этого прежде всего надо было найти пещеру, удобную и сухую, которую легко было бы оградить от диких зверей. И он принялся за поиски такой пещеры.

Он знал место в лесу, где было много пещер и где никто не жил, потому что жить там было опасно. В этом лесу родилось много плодов и орехов и росла густая трава; поэтому там всегда паслось много травоядных животных, и их подстерегало такое же множество хищников. Но именно потому, что этого места все боялись, Эд и решился поселиться там. Он был молод, силен, надеялся на свою ловкость, умение владеть оружием, ожидал многого от придуманного им лука и стал искать здесь пещеру, которая лучше всего годилась бы для него и для его будущей жены.

Эд нашел чистую и сухую пещеру, открывавшуюся на небольшую прогалину, и несколько дней подряд трудился над тем, чтобы приготовить ее для жилья. Он обсек топором неровности ее стен, выровнял пол, построил очаг и выдолбил в большом камне, лежавшем, к счастью, внутри пещеры, углубление для воды или для варки мяса. Он загородил камнями вход в пещеру, оставив лишь впадину, в которую

мог пройти сам. Он натаскал туда сухих листьев и покрыл их шкурами. С помощью толстого сука он подкатил большой камень ко входу, чтобы можно было закрывать его. Теперь все было готово.

Но Эд все еще откладывал посещение отца девушки, о которой он думал, готовя это жилище: он надеялся встретиться и переговорить с ней прежде, чем идти к ее отцу. Однажды, когда он на охоте убил тетерева и съел его, он поднялся на дерево, улегся на широкой ветке и отдыхал там, наслаждаясь теплым и вечерним запахом леса. Лес был полон шумом птичьих голосов. Большие папоротники тихо трепетали от легкого ветра. Эд рассеянно слушал и смотрел — как вдруг он вздрогнул, увидя Легконожку.

Девушка сидела на суку большого дерева у самого ручья и беспечно покачивалась над водой. Эд испустил радостный крик и спрыгнул с дерева, чтобы подойти к ней. Она узнала его, но, испугавшись неожиданности или не желая очутиться вдвоем, вдали от дома, с малознакомым человеком, быстро поднялась и бросилась бежать. Эд пустился за ней, но все усилия догнать ее были напрасны. Он добежал за ней до той горы, где находилась пещера ее отца, и отстал, опасаясь встречи со стариком-охотником или его сыновьями, которые могли бы быть недовольны его преследованием девушки.

Однако, прошло не более нескольких дней, и Эд решился, наконец, пойти в пещеру старого охотника и просить его, чтобы он отдал ему дочь. Легконожка поджидала, что Эд придет за ней, и не отлучалась далеко от пещеры. Сидя на траве или на дереве, она поглядывала на тропинки и, наконец, дождалась той минуты, когда на одной из них показался Эд. Она опять убежала, но старик-отец, когда подошел к нему Эд, встретил его ласково. Он знал отца Эда и слышал, что старший сын его — сильный, смелый и ловкий охотник. Это все, что было нужно, чтобы вернуть ему дочь. Молодые люди заговорили в первый раз, когда они были уже женихом и невестой. Эд рассказал Легконожке, что пещера у него готова, и что они могут сейчас же отправиться туда. И они ушли.

Глава XIV

НА НОВОМ МЕСТЕ

Эд и Легконожка чувствовали себя вполне счастливыми в своем новом жилище, но им там не было спокойно, потому что хищные звери на каждом шагу угрожали им. На другой же день после того, как они поселились в своей пещере, они едва не сделались жертвой страшных пещерных медведей. Эд показывал своей жене новое придуманное им оружие, и они так увлеклись стрельбой из лука, что, забывая об опасности, довольно далеко отошли от пещеры. В ту самую минуту, когда Легконожка держала лук в руках, а Эд выравнивал осколком кремня стрелу, чтобы придать больше верности ее полету, они услышали страшное рычание и невдалеке от них показались две огромные, косматые фигуры. Бежать в пещеру было уже нельзя, и молодые люди быстро вскарабкались на деревья — Легконожка на высокую сосну, а Эд — на раскидистый бук. Хотя небольшое расстояние разделяло их, но молодая женщина не могла передать лук своему мужу. Они так и оставались, каждый на своем дереве, пока голодные звери бродили и лежали около стволов, слишком грузные, чтобы взлезть на них. Они смотрели на людей свирепыми глазами, видимо, решившись выждать, пока силы изменят им, и они свалятся на землю. Прошел день и приближалась ночь, а медведи оставались все в том же положении, подстерегая невольных пленников. Эд и Легконожка расположились на ночь, привязав себя переплетенными ветвями к стволу, и так проспали несколько часов. Когда Эд проснулся, было уже утро; медведи все так же стерегли их. Тогда Эд решился на отчаянный шаг. Он окликнул Легконожку, которая еще спала и, когда она опомнилась, потребовал, чтобы она прыгнула к нему на дерево. Опасность была велика, так как, сорвавшись, молодая женщина была бы растерзана медведями, но Эд соображал, что иначе им угрожает голодная смерть или полное истощение сил; тогда они могут упасть с де-

рева и достаться кровожадным животным. Он рассчитывал на ловкость Легконожки и на свою силу, которая позволит ему удержать ее, как только она прыгнет к нему. Легконожка повиновалась своему мужу: он, действительно, ухватил ее и удержал, но прыжок был так силен, что они, от сотрясения, едва не упали оба. Когда все обошлось благополучно, Эд убил одним выстрелом большого медведя, едва тот стал на дыбы, и остальными стрелами так изранил медведицу что она на недалеком расстоянии оттуда издохла. Но им не скоро удалось попасть в свою пещеру, потому что старый медведь захотел пролезть туда, не мог этого сделать и, испустив дух в проходе, загородил его своим телом. Прошло несколько дней, прежде чем удалось освободить вход, и в эти дни Эд и Легконожка должны были непрерывно поддерживать огонь, спать по очереди и питаться медвежьим мясом. С этого времени в голову Эда запала мысль найти себе другое место для жилья, где было бы меньше опасности от диких зверей.

Он вспомнил об Огненной стране, о которой рассказывал ему Мок, и решил отыскать ее. Легконожка была так смела и выучилась так хорошо стрелять из лука, что Эд без всякого опасения оставлял ее одну. Он знал, в каком направлении лежит эта страна и, как все охотники того времени, умел найти верную дорогу к ней. Он шел по солнцу, стрелял дичь, которую поджаривал на костре, и ночевал на деревьях. Наконец, он нашел долину, где, действительно, длинной стеной горел неугасимый огонь. Долина была окружена скалами, в которых не было пещер, но их легко было пробить в них. Там было тепло, сухо, и хищные звери держались далеко от огня.

Вернувшись к Легконожке, Эд объявил ей о своем намерении переселиться в новую страну. Он уверил ее, что там будет жить легче и безопаснее. Но Легконожка и без того согласилась бы пойти за ним всюду, куда он захочет.

Придя в долину, они занялись пробиванием скалы, чтобы сделать искусственную пещеру, но делали это не спеша, так как и без того им было тепло и безопасно. Наконец, пещера была готова. В это время у молодой четы родился сын, которого назвали Маленьким Моком.

Глава XV

БОЛЬШОЙ ШАГ ВПЕРЕД

Эд и Легконожка недолго оставались одни в своей долине. Там было место для многих, и вскоре старый Мок переселился к Эду, которого он любил, как сына. Для Мока была сделана особая пещера, где он мог на свободе заниматься выделкой стрел и наконечников копий. Затем туда же переселилась вся семья Эда, и за ней последовал отец Легконожки с молодой женой и двумя сыновьями. Так собралось здесь много народа, и дело шло гораздо лучше для каждого, потому что другие во всем помогали ему. Верстах в двух оттуда ручей впадал в реку, и около нее водилась в изобилии дичь, а в водах ее было много рыбы. И в лесу было много дичи и, кроме того, росли деревья, приносявшие орехи или плоды. Дикие пчелы носились над цветами на открытых местах, и в дуплах деревьев или расщелинах скал можно было находить мед.

Годы шли, и община усиливалась не только численностью, но и разумностью. У нее были такие опытные охотники, как старый Мок и отец Легконожки, и по их указаниям они могли соединенными силами смело нападать на самых опасных зверей. Впрочем, число последних вскоре так уменьшилось, что даже дети могли без страха входить в лес.

Сперва все жили в пещерах, выдолбленных в мягком камне скал, но в них летом было очень жарко. Однажды Эд, проведя несколько ночей без сна, придумал построить шалаш, который состоял из сучьев, прислоненных к скале и покрытых древесной корой. Это был первый дом, выстроенный самим человеком. Он оказался так удобен, что и другие жители долины построили себе такие же хижины, и вскоре образовался целый ряд их. Когда пришла зима, одни опять переселились в пещеры, а другие только закутали хижины новым слоем коры и шкур и остались там на всю зиму. В этих жилищах воздух был чище, потому что их легче

было проветривать, и не было так сыро, так как с потолка и стен не капала вода.

Число жителей долины увеличивалось вновь рождавшимися детьми и посторонними юношами, которые, заведя знакомство с молодыми людьми общины, пожелали к ней присоединиться. Каждый домохозяин мог делать все, что он хотел, но для охоты на крупных зверей они соединялись вместе; выходило само собой, что они в этих случаях все повиновались Эду, признавая его своим вождем. По мере того, как число опасных зверей уменьшалось вокруг долины, туда приходили другие пещерные люди, приносили шкуры, кремни и мамонтовые клыки и выменивали их на оружие, которое делал Мок, и в особенности — на лук и стрелы. Дети, выраставшие в общине, уже не были так дики: они росли среди множества других детей и привыкали жить в обществе и исполнять его правила и обычаи. Они научались пользоваться услугами других и, в свою очередь, услуживать им. Они видели, что всякое дело, которое не под силу одному человеку, легко может быть сделано несколькими людьми.

Помогая друг другу, эти люди придумали много нового и полезного. Одно важное изобретение было опять сделано старым Моком, не потому, что он был всех умнее, а потому, что занимался одним только делом, — изготовлением оружия, и старался делать его как можно лучше. Однажды Эд пришел к нему и пожаловался, что он на небольшом расстоянии из всех сил пустил стрелу в оленя, а олень все-таки ушел, и за ним долго пришлось гнаться, пока он не потерял силы и упал.

— И это потому, — объяснил Эд, — что стрела вошла неглубоко: она была неровно обтесана, и с одной стороны ее был большой выступ. Разве можно стрелять верно стрелами такой плохой работы? Если ты еще не совсем состарился, Мок, ты должен придумать, как стрелы делать глаже.

Старый Мок задумался и долго ходил по берегу ручья, приглядываясь к гладким камешкам, которые лежали на дне. Он употребил много времени на то, чтобы решить вопрос, — откуда берутся эти гладкие камни. Он заметил, на-

конец, что они трутся друг о друга и о песок от силы проточной воды. Тогда он взял камень, выдолбил в нем небольшое углубление, положил в него мокрого песка и обтачивал маленький наконечник стрелы о стенку углубления вместе с песком, пока наконечник не сделался глаже. После продолжительной работы все неровности каменного наконечника сточились, и он вышел совершенно гладким. Так у людей вместо прежнего грубо обсеченного каменного оружия появилось новое, отшлифованное, которое действовало вернее и сильнее.

Выучившись шлифовать наконечники стрел и копий, стали делать гладкими и каменные топоры, которыми от этого было легче работать. Пользуясь новыми топорами, жители долины сделали другое очень важное открытие. Прежде рыболовы плавали на плотках, связанных ветвями, подвигая их шестью, которыми упирались в дно. На глубокой воде на таких плотках плавать было нельзя. Теперь придумано было выдалбливать древесные стволы или, как мы говорим теперь, колоды. Часть углубления выжигалась огнем, потом выравнивалась каменными топорами и долотами. Затем придуманы были весла для управления этими лодками. Улучшены были удочки и остроги для ловли рыбы, которую, кроме того, ловили сетями, сплетенными из болотной травы. Охота с луком и шлифованными стрелами и рыбная ловля с новыми лодками и сетями значительно облегчали жизнь человека, и он уже не терпел такой нужды, как прежде. Дети Эда уже не подвергались таким опасностям, как их отец, и не понимали даже, как может жить человек вдвоем в пещере среди хищных зверей. Они могли жить только среди таких же людей, как они, помогая им и пользуясь их помощью. Они знали, что человек сильнее всех, когда он живет в мире и согласии с другими себе подобными.

Б. Лунин

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

(Картинка далекого прошлого)

Илл. А. Тычины

БАРАЦДБА ЗА ЖЫЦЦЁ

Когда закончился последний урок, в класс вошел преподаватель обществоведения, Александр Михайлович.

— Ну, дети, — сказал он, — завтра мы выезжаем на экскурсию. Есть предложение поехать в станицу Ильскую Кубанской области. Там, на берегу речки Иль, ученые проводят раскопки становища — места обитания первобытного человека, который жил много тысяч лет тому назад.

Мы с радостью согласились, и на следующий день отправились в путь.

На месте раскопок старый профессор-археолог рассказал нам много интересного из истории человека, жившего здесь тысячи лет тому назад, в доисторическое время.

Вот что мы услышали:

...Больше месяца уже прошло с тех пор, как небольшое племя, состоявшее из нескольких сотен человек, поселилось на новом месте.

После долгого путешествия, по приказу вождя, остановились в долине, на берегу речки. Здесь, на северном, защищенном от ветра и солнечном склоне долины, племя обустроило свой лагерь — до тех пор, пока какие-либо причины не вынудят его перебраться на другое место.

В окрестностях нового стойбища охотники племени нашли много следов различных животных. Охотой на зверя и жило, главным образом, это племя.

И в самом деле, первые дни жизни на новом месте были днями удачи и достатка. Молодые охотники выследили и убили трех пещерных медведей; туловище каждого медведя было почти в два раза больше человека.

Кроме того, в ловушку попались несколько молодых гиен, а на четвертый день удалось убить дикого бычка. Остава-

лись еще и запасы от прежней охоты.

Дети целыми днями развлекались, мужчины мастерили из камней оружие, женщины готовили еду, сушили мясо убитых животных. Все носили одежду из шкур животных, оставлявшую открытыми руки и ноги.

Когда начинало смеркаться, племя собиралось группами вокруг больших куч золы, на которых поблескивал по временам красный огонь, и все устраивались на ночлег.

Над костром поднимали на четырех деревянных столбах простой плетеный навес, служивший крышей.

Самые сильные мужчины, которых ставили на стражу, всю ночь ходили вокруг стоянки, крепко сжимая в руках деревянные рукоятки каменных топоров. Свежий ветер ерошил их косматые длинные волосы, их чуткий слух внимательно улавливал каждый звук, раздававшийся в ночной тишине — шелест листьев, жужжание букашек, хохот гиены, клекот степного орла.

Но вот для племени настали черные дни. Молчание и тишина царили в становище.

Не слышно детских криков, замерли игры. Покорными группками собирались женщины и дети у костров и, сбившись в кучки, печальными глазами посматривали в даль.

В жизни племени такие неудачные для охоты дни наступали часто.

Законы природы заставляли животных нередко кочевать с места на место в поисках новых пастбищ, новых пристанищ.

В такие дни племя, как правило, питалось старыми запасами сушеного мяса, а вскоре с появлением новых стад животных и благодаря удачной охоте люди вновь возвращались к нормальной жизни, пополняли запасы.

Вот и сейчас наступило «голодное» время. Все охотники племени, молодые и старые, разошлись искать добычу. Пошли в ход старые припасы. Но никто еще не думал, что над племенем нависнет грозная и тяжелая беда. А она пришла: это был голод.

Сначала думали, что не сегодня-завтра охотники вернутся с добычей, и все пойдет по-старому. Но день проходил за днем, а охотники по-прежнему возвращались с пустыми руками.

Поспешно раздирали на части мелких животных, которые им попадались, и этим только раздражали свои желудки.

Запасы быстро иссякли. Съели последние остатки мяса, а положение все не улучшалось.

Днем и ночью бродили охотники, уходили за десятки верст, облазили все уголки.

Все было бесполезно. С грустью и надеждой смотрели дети на возвращавшихся охотников и, видя их скорбные и изможденные лица и пустые руки, заливались безутешным плачем. Женщины пытались прочесывать окрестности лагеря, ловили мелких козявок, рвали съедобную траву, но все это не приносило никакого облегчения.

Иногда, по вечерам, полные отчаяния, люди племени шли к старейшинам, которых считали мудрецами и знаха-

рями, вопрошали, требовали, молили со слезами на глазах; но те безнадежно разводили руками, кивали головами. Исхудалые, голодные люди снова тянулись к своим кострам.

На восьмой день стоянку посетила смерть. Первыми умерли дети — две девочки и мальчик. За ними несколько старушек.

С тех пор умирали каждый день. На двенадцатый день ошалевшие люди начали бросаться на мертвецов. Тощие трупы мгновенно съедались.

Ряды охотников поредели. Многие не имели уже сил идти на охоту и целыми днями сидели или лежали на земле, глядя полузакрытыми глазами в ясное небо.

На смену дню приходила ночь и снова день.

Так пришло утро, четырнадцатое утро с того дня, когда были съедены последние припасы.

То был третий день отсутствия лучших охотников племени — старого Поо и молодых Мау и Мги. Три раза они возвращались без ничего и теперь в четвертый раз вышли на поиски добычи.

Утро выдалось хмурое, темное. Всю ночь моросил дождь, по небу плыли серые тучи и мгла еще больше угнетала голодных и больных людей...

Внезапно утреннюю тишину разорвал громкий крик. По берегу речки, спотыкаясь, к становищу бежал молодой Мау. Его быстро окружили люди, для которых крик Мау был криком последней надежды.

И вправду, Мау принес радостную весть.

— Мамонт! Мамонт!.. — только и смог выговорить, тяжело дыша, молодой охотник.

Мамонт! Это слово оживило все племя, в этом слове было спасение.

Не задавая лишних вопросов, все, кто еще стоял на ногах — мужчины, женщины и даже дети — бросились за оружием.

Через несколько минут, пылая живой надеждой, толпа людей, под предводительством Мау, была уже за пределами стойбища.

Через два часа ходьбы, а точнее — бега, толпа добралась до цели. Здесь, у речной излучины, на холме, Мау дал знак остановиться и затихнуть. Толпа замерла. Бежали минуты нетерпеливого ожидания.

Вдруг низкий, глухой и угрюмый рев прорезал воздух. Люди вздрогнули. Это был рев мамонта, самого сильного животного в мире.

В то время мамонт был непобедимым. Его сторонились не только люди, но даже такие богатыри, как пещерные медведи.

Несколько минут спустя мамонт показался с противоположной стороны. Он шел к речке, на водопой. Вид у него был грозный, и было заметно, что мамонт чем-то раздражен. Это был старый, волосатый самец, наверняка отбившийся от стада.

Тело у него было величиной с целый холм, ноги — как толстые деревья, голова походила на огромный камень, короткие уши, как пустые шкуры, болтались по бокам головы, загнутые вверх бивни достигали нескольких метров в длину. Хобот, покрытый толстой серой кожей, извивался, как громадная змея. Беспреданно потрясая воздух диким ревом, он подошел к воде.

Поодаль от мамонта к зверю ползком подкрадывались Поо и Мги. Опытный глаз Мау сразу заметил своих.

Мамонт приблизился к воде. Сотни глаз следили за его движениями. Надо было подпустить мамонта поближе и вместе с тем напугать его прежде, чем он сможет напиться воды и утолить жажду.

До воды мамонту оставалось несколько шагов.

— А-а-а-а!!! — раздался крик старого Поо. Ему ответил Мау. В один миг вся толпа людей вскочила на ноги.

Дико крича, подпрыгивая, размахивая оружием, бежали десятки людей, окружая мамонта с трех сторон.

Необходимо было заставить мамонта бежать вниз по речке, где примерно на второй версте, недалеко от берега и между деревьями, была с первых дней выкопана яма с деревянным, заостренным колом посередине. В эту яму, прикрывтую сверху ветвями и камнями, и нужно было загнать

мамонта.

Он поднял голову, дрогнул ушами, закрутил хвостом и, подбросив вверх хобот, с ревом пошел вперед, на людей. Передние охотники выпустили в мамонта стрелы из луков. Глубоко уйдя в шкуру мамонта, эти стрелы причинили животному сильную боль, но не заставили его повернуть в нужную сторону.

Ни один человек ни отступил назад. Еще не понимая, как видно, всей опасности, мамонт шел размеренным, тяжелым шагом.

Ряды охотников взорвались новым криком. По знаку руки Мау в мамонта полетели сотни камней.

Охотники стреляли из луков, швыряли копья, женщины махали шкурами или бросали камни, которые попадались им под руки.

Крик, свист, гиканье, грохот падающих камней, рев мамонта, — все слилось в одну дикую вакханалию звуков.

В нескольких шагах от людей мамонт вдруг ускорил свой бег. Вскоре огромное животное врезалось в толпу. Маленькие, быстро бегающие глазки мамонта налились кровью и горели злобой.

Он несколько раз повернулся, и каждый шаг его в этой толпе людей — был шагом крови и ужаса. Его огромные ступни безжалостно давили людей. Хлюпанье крови и треск человеческих костей заглушали крики тех, кто попадался ему под ноги.

Время от времени разъяренный мамонт хватал хоботом кого-нибудь из толпы, раскручивал человека в воздухе и швырял далеко вперед изломанное тело. Вокруг мамонта образовалось мокрое болото из костей и крови. Если зверь поднимется наверх, к лесу — то в яму он не попадет. А с мамонтом исчезнет последняя надежда спастись от смерти. И люди отчаянно бросались под ноги мамонту, кричали, били, резали...

Раз от разу уменьшалось число охотников. Старый Поо, вдохновлявший всех своей энергией и смелостью, не успел вовремя увернуться, и от лучшего охотника племени осталось только кровавое пятно.

Шаг за шагом поднимался на холм мамонт, а вокруг него кишели несчастные, потные, тяжело дышащие, в крови и грязи люди.

Сотни стрел торчали в теле мамонта. Люди сгоряча подпрыгивали, хватали животное за длинную шерсть, повисали на ней, били его по ногам дубинами, кололи кремневыми ножами.

Пробежав несколько сажен, мамонт от сильной боли упал на передние колени, раздавив под собой с десятков человек. Хоботом он схватил одну из женщин и вымещал на ней всю свою злость, пока от женщины не осталась одна кучка костей.

Признаки слабости мамонта обнадежили людей. Обступив мамонта тесным кольцом, люди принялись забрасывать его камнями, колоть и резать.

Человек победил.

Поднявшись на ноги, мамонт повернул вниз и пошел в сторону, по тропинке, которая вела к яме.

Крик боли и отчаяния сменился криком радости.

Через несколько часов люди, собравшись вокруг ямы, хрипло и тяжело дыша, с удовольствием смотрели вниз...

В яме, проколотый колом, умирал мамонт. Время от времени он поднимал свою слабеющую голову с жесткой серо-желтой гривой, помахивал ею — и уши мамонта слабо трепетали, как огромные летучие мыши.

Спустя несколько минут жизнь покинула мамонта. Люди радостно и смело спустились в яму. Подлезая под теплый живот и под ноги мамонта, они начали резать тело животного большими кремневыми ножами, спеша тут же, на месте, насытиться теплым мясом...

Первые куски мяса были принесены в становище в тот же вечер. Здесь тоже ели сырое мясо, с жадностью разрывая его на куски.

Три дня все мужчины и женщины племени резали огромное тело мамонта, вытаскивали мясо из ямы и делили его на небольшие части.

Тут же раскладывали кости мамонта, а после расщепляли и высасывали из них мозг — свою любимую пищу.

Ожившие и повеселевшие дети прыгали вокруг работающих, пели, играли, помогали относить в лагерь кости и мясо, иногда дрались между собой за мелкие косточки, которые им швыряли старшие...

Светлые дни снова заглянули в становище: у людей появилась еда, а это было самым главным.

Десятками жертв заплатил человек за это мясо, за право на жизнь. Так изо дня на день, в непрерывной борьбе за жизнь развивался человек.

Тысячи лет, огромные завоевания науки и техники отделяют нас от этого человека, который своим трудом, своими сильными руками и волей завоевал нам право и надежду на лучшее будущее.

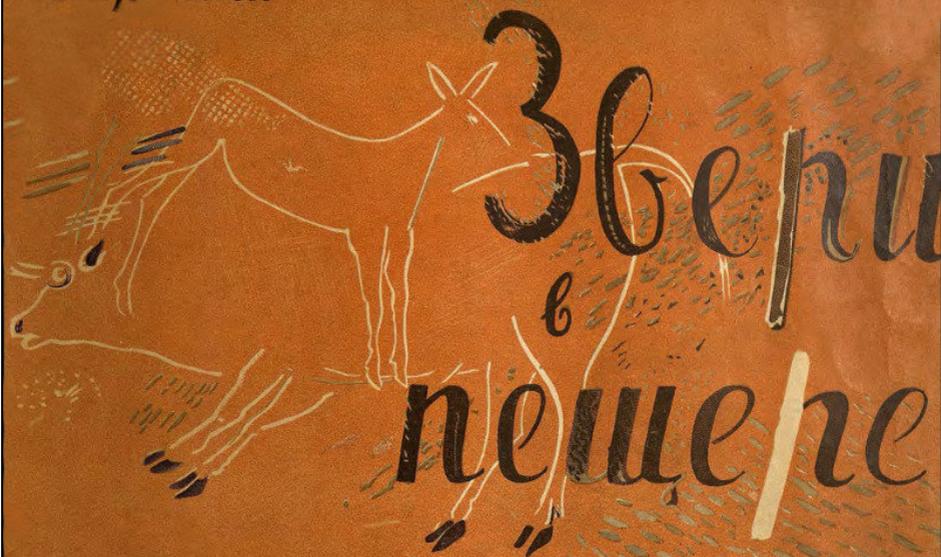

Старый профессор умолк... Несколько минут царила тишина. Мы молча стояли, впечатленные рассказом, и в нашем воображении мелькали образы далекого прошлого человечества.

Михаил Гершензон

ЗВЕРИ В ПЕЩЕРЕ

м. гершензон

**Звери
в
пещере**

от изд. молодая гвардия 1931

Старый падре сидел за кафедрой и читал библию:

„Господь-бог создал небо и землю. И всякий полевой кустарник и всякую полевую траву. И взял господь-бог землю, и создал из земли всех животных и птиц небесных. И создал господь-бог из земли человека, и вдунул в него жизнь...“

Потом падре сказал, что это случилось семь тысяч лет назад. А прежде не было ничего — ни воды, ни земли, даже воздуха не было и облаков.

Падре долго рассказывал, как ничего, ничего не было прежде, один только бог. А Марселина все смотрела, как у падре блестит лысина.

„Наверное, он ее мажет маслом, — думала Марселина. — Камешек если намазать маслом, он тоже блестит. Наверно он хочет быть похоним на святого Николая“.

Она посмотрела на образ святого Николая, который висел в углу. Голова у святого Николая белела, будто на нее был надет веночек из серебряных ниток.

„Нет, у него лучше блестит, чем у падре“, подумала Марселина. И вдруг падре обернулся.

— Повтори, Марселина, — сказал он. — Сколько лет назад господь-бог создал животных и человека?

Рядом с Марселиной сидел ее товарищ Альба. Альба хотел помочь ей и зашипел тихо-тихо:

— Семь тысяч, семь тысяч, семь тысяч...

А Марселина сказала:

— Семь... — и потом вдруг загнулась. Она посмотрела на Альбу и на падре. — Это неверно, — сказала Марселина.

Падре так удивился, что даже снял очки. Он строго посмотрел на Марселину.

Что ты сказала, девочка?

— Они... они... они уже были тогда, падре, — ответила Марселина.

— Что был? — так грозно спросил падре, что все ребята притихли и Марселина перепугалась.

— Звери в пещере, — сказала она совсем тихо.

— Звери в пещере? — переспросил падре. И все засмеялись.

— Звери в пещере! Звери в пещере! — зашумели ребята. — Так и будем звать ее „Звери в пещере“.

Марселине стало очень обидно, что ребята смеются. У нее даже страх прошел.

— Да, звери в пещере, — сказала она громко. — Я их видела своими глазами. Я сама их нашла. Мы с папой ездили в Альтамиру. Там есть большие пещеры. Папа искал в этих пещерах всякие кости и черепки. В одну щелку он не мог пролезть, потому что мой папа большой и толстый. А я взяла факел и пролезла. Там была другая пещера, а в ней всякие звери.

— Какие же там были звери? — спросил падре.

— Разные. Буйволы были, и волки, и мамонты, и носороги, и слоны, и олени...

— Как же они тебя не съели? — спросил Альба.

— Они были нарисованные, — ответила Марселина.

Папа говорит, в этой пещере тридцать тысяч лет назад жили дикие люди. Они рисовали в пещере все стены. Мы нашли потом в этой пещере куски глины всякого

цвета и камни с ямками. В этих ямках они растирали глину с жиром, и получались краски. Придут с охоты и рисуют.

— А почему про это ни слова нет в Библии? — спросил падре.

— Потому что я первая нашла эту пещеру и этих зверей, — сказала Марселина. — А кто сочинял Библию, про это не знал.

Падре очень рассердился и прогнал Марселину с урока. Он говорил, что Марселина безбожная, гадкая девочка и очень грешная. И Библию никто не сочинял, она от бога. И Марселина все выдумала: зверей тогда не было и людей не было, и некому было рисовать.

— Когда-то такую девочку непременно сожгли бы на костре, — сказал падре. — Она умрет и попадет в ад. Все грешные люди попадают в ад. Их там мучат черти.

Падре очень интересно рассказывал про ад. Ребята сидели смирно и слушали. А на другой день, в воскресенье, рано утром, они все пришли домой к Марселине. На дверях висела дощечка:

Ученый археолог Марселино де Саутуола

Это ее папа, — сказал Альба.

— Марселино де Саутуола сказал, что всех ребят взять с собой не может, потому что в экипаже мало места.

— Пускай поедет Альба, — сказала Марселина. — Он всем рассанет.

И Альба поехал в Альтамиру. Марселина показала ему пещеру и рисунки зверей, которые нарисованы были тридцать тысяч лет назад.

— У нас в Испании много таких пещер, — сказал Марселино де Саутуола, — и во Франции тоже. Тут была тогда дикая тундра. А там, где

теперь Германия или СССР, лежал лед, как на Северном полюсе. А люди были еще покрыты волосами, как обезьяны. Но они уже больше были похожи на нас, чем на обезьян.

Марселина светила Альбе, потому что в пещере было совсем темно.

— Это бизон, — сказала она. — Он упал, видишь, у него подвернулась нога. А этот стоит, а этот наверно убитый.

— А вот дикая свинья.

— Я знаю, зачем у нее столько ног, — сказал Альба. — Чтоб видно было, что идет. А эта бежит. Ух, волк какой страшный!

— А это бизон ревет. Сразу видно.

Альбе очень понравились олени.

— Прямо хочется их поглядеть, — сказал он. — А это кто?

— Это лань. Видишь, тут нехватит места. Сперва нарисовали бизона, а потом сверху — лань.

Что-то круглое попало Альбе под ногу, он нагнулся и поднял палочку красной глины.

— Совсем как карандаш, — сказал Альба. — И конец сточен.

Он приложил палочку к рисунку на стене.

— Такого же цвета. Наверно эту лань рисовали этим карандашом.

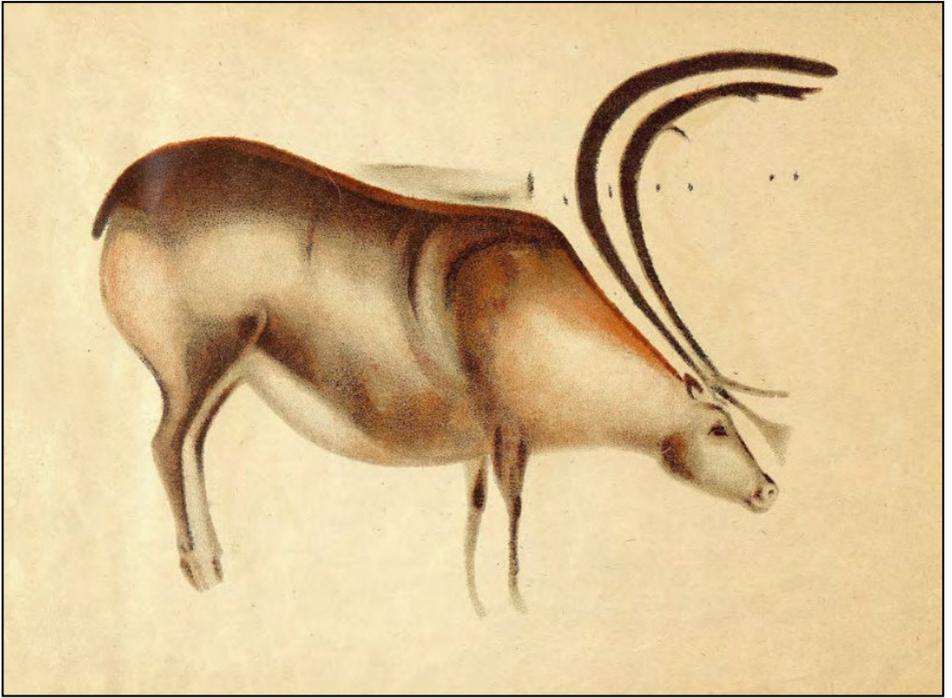
— Тридцать тысяч лет назад, — добавил Марселино де Саутуола.

Альба долго вертел в руках палочку глины.

— Можно, — спросил он, — можно, я возьму ее с собой? Я хочу показать ее ребятам... и падре.

— Можно, — сказал Марселино де Саутуола.

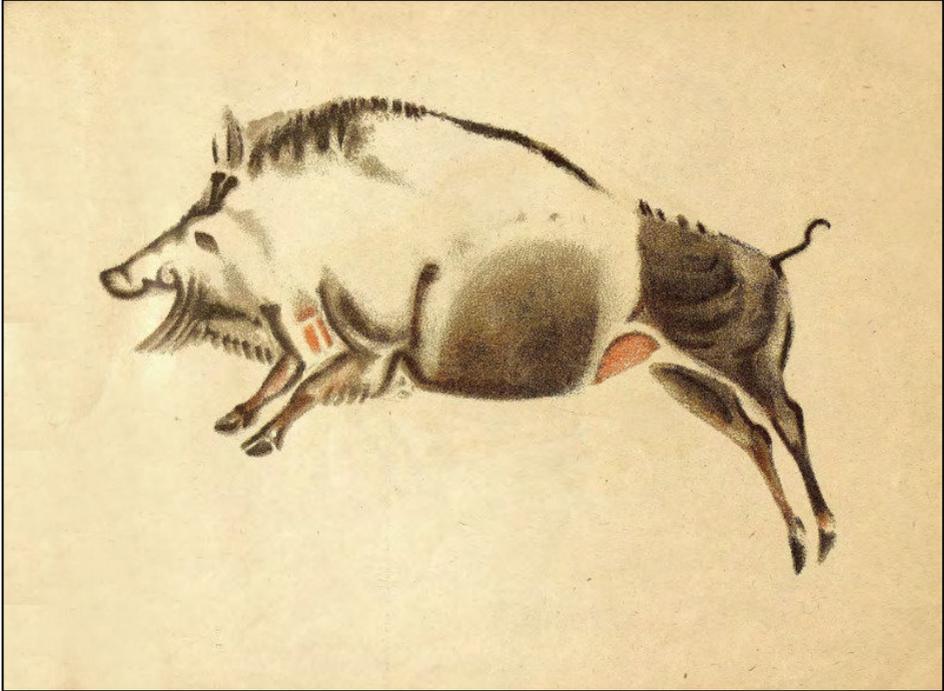

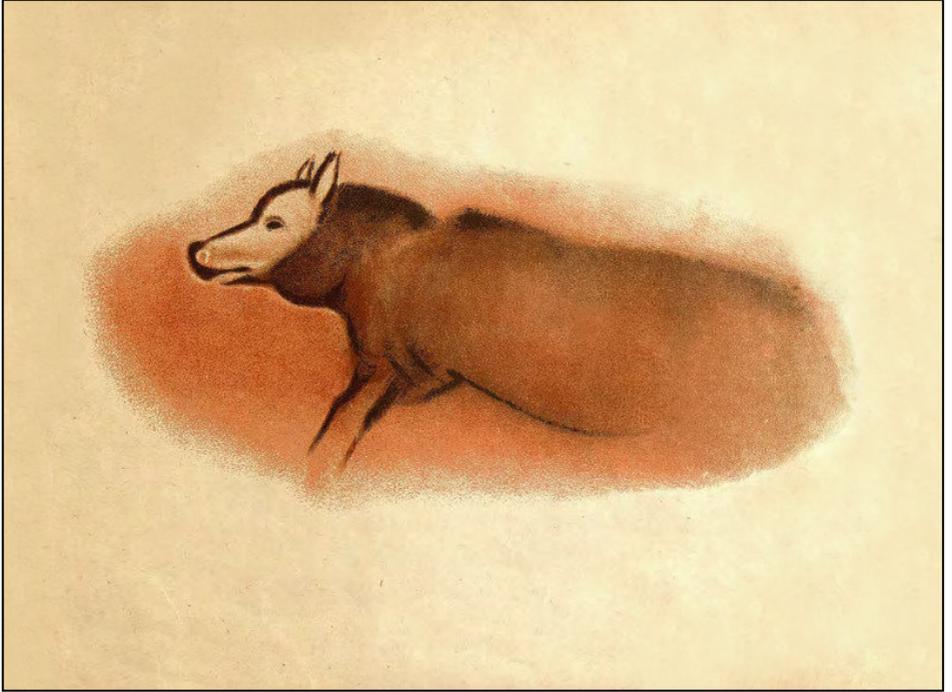

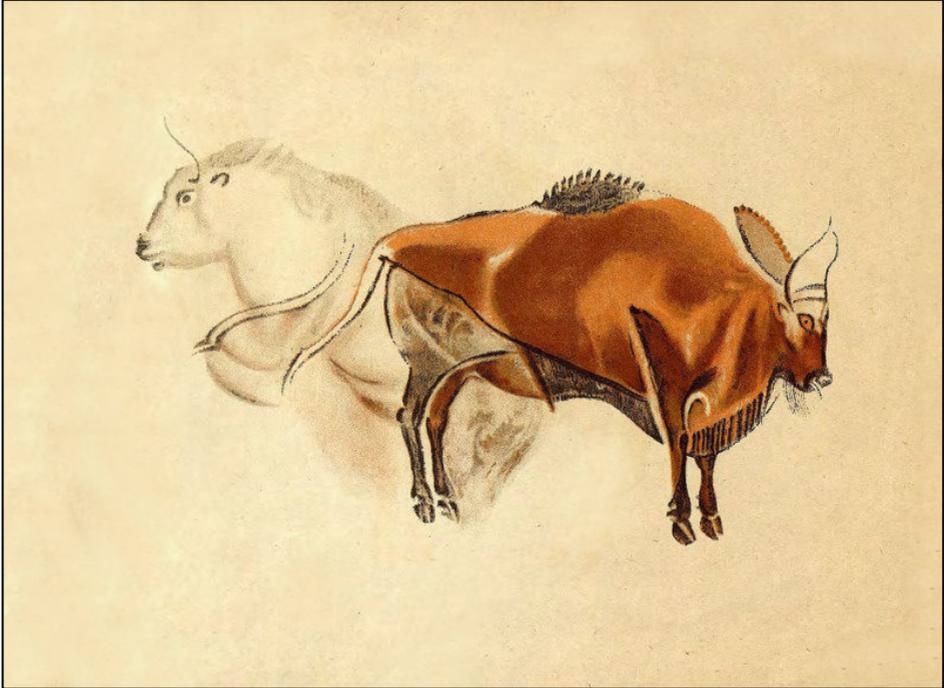

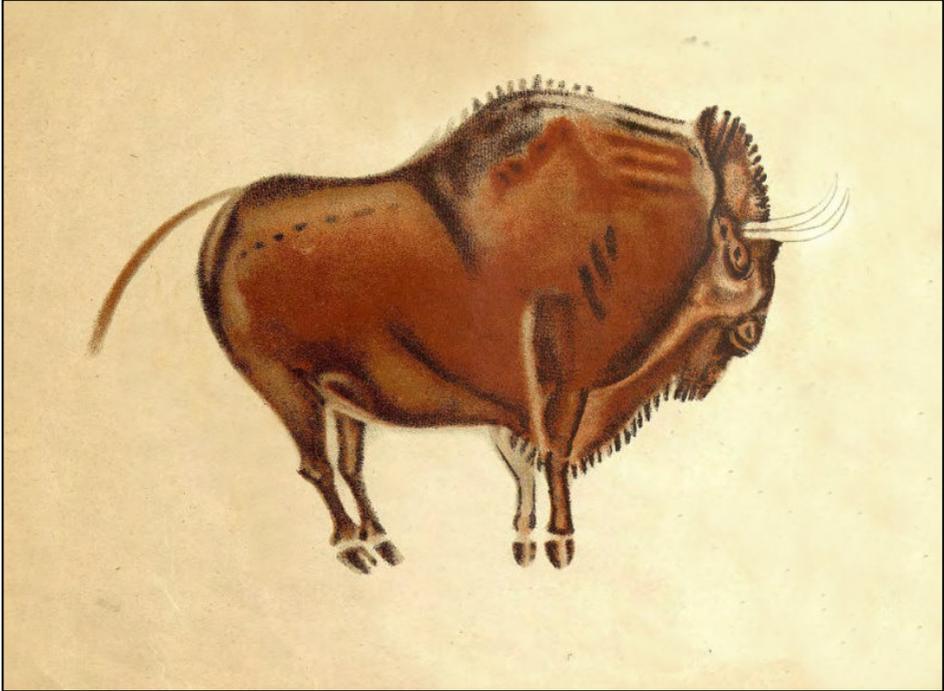

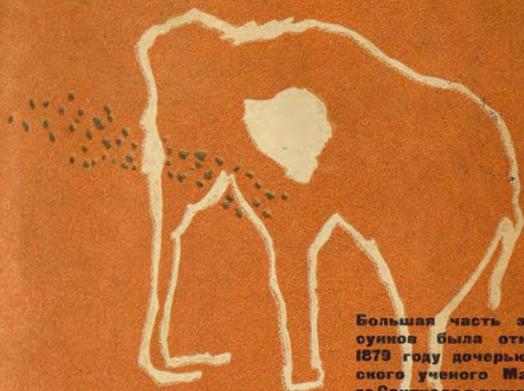

Большая часть этих рисунков была открыта в 1879 году дочерью испанского ученого Марселино де Саутуола в пещерах Альтамиры в Испании, а округе Сантандер. Они воспроизведены с цветных фотографий из книги Герберта Ньюа „Животные ледникового периода“.

Обложка Н. А. Шифрица

Людмила Опочинина

ОГОНЬ

Рассказ из жизни первобытных людей

По Рони, Осборну, Обермайеру и др.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ЭТА КНИЖКА

То, о чем рассказано в этой книжке, не сказка, а правда. Правда, конечно, не то, что было именно такое племя улов, про которое тут говорится, и не то, что среди него жили именно эти охотники с именами Нао, Гав и другие. Нет, но правда, что самые старинные люди жили именно так, как тут описано. Было это очень давно. С тех пор прошло тысяч сто лет. Потому этих людей мы и называем д р е в н е й ш и м и. Нам трудно даже и представить себе тогдашнюю жизнь. Но о ней говорят нам разные находки, которые удалось сделать при раскопках глубоких слоев земли в пещерах и других местах. Кое-что о ней напоминают нам и обычаи у теперешних диких племен. Именно только напоминают, потому что теперь уже нет ни одного самого дикого племени, которое не умело бы добывать огонь.

Но древнейшие люди не знали и этого. Сила огня была им уже хорошо знакома: они видели ее при лесных пожарах, при вспышках от ударов молнии. Они умели ценить тепло и свет, которые приносил огонь. Они любили есть обожженные огнем тела животных, а больше всего ценили то, что огня боялись звери. А звери в лесах и на полях постоянно угрожали им. В те далекие времена водилось много таких зверей, которых теперь совсем нет; например, тогда жили огромные, покрытые густой шерстью слоны, их называют мамонтами; жили большие пещерные львы; жили огромные пещерные медведи и другие звери. Их кости в разных местах сохранились до нашего времени, и по этим костям ученые узнали, каковы были эти звери. Для борьбы же со зверями у древнего человека были только руки да камни, да дубины, срубленные и обтесанные теми же камнями. Тогдашние люди не умели добывать железа и других металлов. Камень да дерево — вот и все, что служило им оружием. Лука и стрел они тоже еще не знали. Легко понять, как важно было этим людям оберечь себя кострами от ноч-

ного нападения зверей.

Древнейшие люди и камни-то свои обрабатывали плохо: они грубо оббивали и обтесывали их. Только значительно позднее появились у них тонко выделанные острые каменные ножи и хорошо обработанные каменные молоты. На местах, где жили древнейшие люди, мы при раскопках находим только неуклюжие, грубо оббитые ручные топоры и резцы.

Ну, а собака разве не помогла древнейшему человеку обещать себя от диких зверей? Разве не извещала она лаем о их приближении? В том-то и дело, что ни собаки, ни каких-либо других животных у тогдашних людей не было. Такие древнейшие люди скитались, кочевали небольшими ордами-племенами, ища лучшего места для охоты, для собирания разных съедобных диких плодов, орехов, кореньев. Они не имели постоянных жилищ, не знали домашней утвари.

Каково же им было при такой жизни вдруг лишиться лучшего защитника от зверей и врагов, готовых подкрасться в ночной тьме, лишиться тепла и света, одним словом — огня. Добывать его древнейшие люди не умели: они получали огонь случайно и после того свято берегли. Следы этого оберегания остались еще кое-где и теперь у диких племен. У некоторых из них огонь день и ночь поддерживают на очаге в доме начальника племени, и все другие могут зажигать свой огонь только от этого. Так велит обычай. А обычай этот произошел еще от той поры, когда огонь берегли как зеницу ока. В некоторых местах Белоруссии в самое недавнее время постоянно поддерживали огонь в избе, а когда семья переходила в новое жилище, то впереди несли огонь из домашнего очага. В некоторых местах нашего Союза до сих пор еще старики требуют к огню почтительного отношения, как к чему-то священному: в огонь нельзя плевать, разводить его надо умеючи, по старинному обычаю, и так далее.

Об этой седой старине рассказывает наша книжка. Кто захочет узнать подробнее и поточнее о жизни древнейшего человека, пусть прочтет книжки о первых людях на зем-

ле, о великом ледниковом времени и о том, как научился человек побеждать природу.

1

СМЕРТЬ ОГНЯ

Улы готовились к бою. Еще утром разведчики известили о приближении врага — чужое незнакомое племя бродило в окрестностях и, как видно, готовилось напасть на орду (племя). Мужчины спешно вооружались: кто готовил новый каменный топор или нож, кто выламывал и обтачивал крепкую дубовую палицу. Ударяя камнем по камню, они обтесывали его со всех сторон вроде того, как обтесывают кол, — на одном конце заостряли, а другой делали немного круглым, чтоб удобнее было держать в руке. Ножи делались тоньше и острее топоров; некоторые были так остры, что, брошенные ловкой и сильной рукой, с разлету глубоко втыкались в грудь врага. Ни один охотник-ул не выходил за добычей без палицы и каменного оружия.

Солнце садилось; понемногу наступали сумерки. Лес зашевелился: это звери выходили на ночную охоту. Улы расположились на лесной лужайке посреди огромных ясеней, дубов и тополей. Горящий костер отгонял диких зверей: хищники боялись огня и не смели близко подходить к людям. Они слишком хорошо знали, как огонь больно кусается, — лесные пожары научили их этому.

Орда давно бродила по этому лесу, переходя с места на место, — уж очень хороша была здесь охота. Немало водилось здесь сохатых — лосей, кабанов, ланей и другой живности. Вся жизнь улов проходила в охоте. Мясом животных они питались, а шкурами прикрывали тело в холодную осеннюю пору. Без охоты они бы пропали. Их тяжелые деревянные палицы и острые рогатины, их каменные топоры и ножи мало годились для чего другого. Как же тут было не дорожить богатыми дичью местами.

И вот теперь какие-то чужаки хотят прогнать их отсюда, из этого прекрасного, знакомого леса. Им и так приходилось часто менять место стоянки, ненадолго хватало добычи на всю орду. А то случалось, как и теперь, что нападет враг и прогонит прочь. Все племена в то время переходили с места на место и вели друг с другом борьбу за лучшую охоту.

Все в тревоге ожидали нападения. Сторожа зорко вглядывались в темноту, нюхали воздух и прислушивались к малейшему шороху и шуму. Жизнь в лесу научила их распознавать зверей по запаху; точно так же, по запаху, они узнавали и о приближении человека.

Вдруг раздался пронзительный крик, и из кустов выскочили какие-то темные фигуры. Враг подкрался незаметно, набросив на себя волчьи шкуры, и окружил сразу со всех сторон.

Все смешалось: плач женщин и детей, стоны раненых и умирающих, воинственные крики нападавших. Улы бешено дрались. Свистели деревянные палицы, дробя головы врагов, хрустели кости, рассекаемые каменными топорами. Но нападавших было больше, чужаки стали одолевать. Они уложили много сильных охотников, захватили в плен женщин и потушили костер. Вот, наконец, они добрались и до клеток с огнем, охраняемых четырьмя молодыми улами. Под ударами тяжелых палиц разлетались головы хранителей огня, враг схватил клетки, и торжествующие крики победителей огласили лес. Сила орды была сломлена, величайшее несчастье — смерть огня — доконало их. Вся орда во главе с уцелевшим вожаком, обезумев от ужаса, бросилась бежать в темноте.

Звезд не было. Ненастные облака тяжело висели над землей, начинал накрапывать дождь. Улы выбрались из леса и попали в болото. В воде слышалось бульканье каких-то гадов и кваканье лягушек. Люди проваливались и исчезали в трясине. Орда шла за голосом проводников, перебираясь то вброд, то по островкам. Охотники хорошо знали эту дорогу, но, чтоб не сбиться с пути, нужен был свет звезд. Только на рассвете они подошли к степи.

Почувствовав под ногами твердую почву, люди ободрились, — наконец-то кончилось это проклятое болото.

Преследовавший враг отстал, пора было подумать об отдыхе. Теперь, когда опасность миновала, многие замертво повалились на землю и сразу заснули. Женщины меньше поддавались усталости; те, которые потеряли своих детей в болоте, выли, как волчицы, те же, которым удалось спасти своих малюток, радостно поднимали их вверх.

Вождь орды Фум, много лет водивший улов на охоту, с грустью увидел при утреннем свете, как поредели их ряды. Много славных и сильных охотников легло под палицами и топорами врагов, много женщин было захвачено ими, да немало людей погибло и во время бегства, провалившись в болото.

Но все это не могло сравниться со страшной бедой — смертью огня. До сих пор улы держали огонь в трех клетках, сделанных из коры дерева и выложенных гладкими камнями. Снаружи клетки обвязывались гибкими ивовыми ветками, а для тяги воздуха делалось узкое отверстие. Четыре женщины и двое мужчин день и ночь кормили огонь сухими прутьями и охраняли его от дождя и ветров. Улы не знали, откуда пришел к ним огонь, они знали только одно: без огня орда не может жить. Он отгонял ночью диких зверей, придавал вкусный запах мясу, помогал разбивать твердый камень, согревал в холодную осеннюю пору. Правда, он бывал иногда злым и грозным, когда вырывался из клеток и пожирал деревья.

И вот он умер. Фум завопил в страшном горе.

— Что будут делать улы без огня! Как будут они жить в степях и лесах? Кто согреет их землянки осенней порой? Они должны будут есть сырое мясо и горькие травы. Лев, зверь со страшными зубами, медведь и полосатый тигр будут пожирать их по ночам.

Тот, кто вернет нам огонь, будет водить улов на охоту вместе со мной, я отдам ему свою добычу, отдам ему Гаммлу, красивейшую девушку из всей орды!

Сначала никто не ответил, но вот из толпы молодых охотников вышел высокий и сильный ул.

— Я принесу огонь, я добуду его у отважных людоедов-кламов, что охотятся по берегам Великой Реки. Дайте мне в товарищи двух молодых, быстроногих охотников, и Нао готов отправиться в путь!

Так сказал Нао, за ловкость и силу прозванный сыном Леопарда. Никто не умел лучше его подстеречь добычу, он подкрадывался к ней неслышно и осторожно, совсем как большая пятнистая кошка, что зовется леопардом.

Хотя Нао был молод и плечи его еще не перестали крепнуть, но он был уже известен как славный и неутомимый охотник, смелый и сильный воин. Он был самым высоким из улов, его сильные ноги не знали усталости, никто не мог угнаться за Нао.

Вожак Фум недолюбливал молодого охотника, он чувал, что настанет день, когда Нао вместо него поведет орду за добычей. Нао знал, что вожак его не любит, недаром Фум нарочно давал ему опасные поручения, часто посылая почти на верную смерть. Но молодой охотник давно любовался Гаммлой; не было девушки красивее ее, гибкой и сильной, с волосами густыми, как листва. Он часто подстерегал ее в темноте среди кустов, с бьющимся сердцем и дрожащими руками. Иногда ему хотелось нежно схватить ее, иногда же броситься и свалить на землю ударом палицы, как обычно улы поступали с девушками вражеского племени.

У Нао не было еще жены, он был слишком молод, но лучшей жены, чем Гаммла, он не мог себе выбрать. Она умела выделывать звериные шкуры, ловко очищая кожу острыми каменными скребками, могла подолгу выносить голод и жажду, переплывать озеро, безостановочно идти от восхода солнца до заката. Она принесет сильных детей.

Отец Гаммлы и Фум были детьми одной матери, и вожак хранил ее, как зеницу ока. Нао раньше и думать не смел просить ее себе в жены. В другое время вожак только посмеялся бы над ним, теперь же он сказал:

— У Фума один язык для всех. Если ты принесешь огонь, ты возьмешь Гаммлу и получишь мою добычу. Видишь, вот она, — и он указал на девушку, подошедшую к ним. Гаммла знала, что Нао часто подстерегает ее в темноте и, хотя

немного боялась его, все же ей нравилась сила и ловкость молодого охотника.

В эту минуту, расталкивая всех, подошел безобразный, волосатый ул.

— Агао принесет огонь, он с братьями пойдет отнять его у людоедов! Без огня улы бессильны, они слабее оленя и дикой козы, и любой зверь может сожрать их темной ночью.

Так говорил Агао, самый волосатый из улов. Все племя боялось Агао и его волосатых братьев, никто не знал его силы, знали только, что она велика. Агао не знал пощады, он жестоко мстил врагам, а друзей у него не было. Коренастый, с широкими плечами, с телом, покрытым густой и жесткой шерстью, с маленькими живыми, как у кабана, глазами и большим выпяченным ртом, — Агао был действительно страшен. Даже сам Фум боялся его, особенно потому, что волосатые никогда не отставали друг от друга и все делали сообща. Волосатые братья были одного племени с улами, жили и кочевали со всей ордой, но всегда держались особняком. Так, бывало, что волосатые, убив дикого быка или дикую лошадь, старались не делиться ни с кем

своей добычей, а все съесть втроем. Если же кто-нибудь обижал одного из братьев, двое остальных обязательно вступались за него.

Поневоле вся орда не любила и боялась их.

— Ты слышал, что я сказал, — ответил ему Фум, — принеси огонь, и я отдам тебе Гаммлу, отдам свою добычу, и ты будешь водить со мною улов на охоту.

Нао и Агао посмотрели друг на друга.

— Я возьму Гаммлу, — крикнул волосатый, — тот, кто посмеет ее взять, умрет. — И Агао, рыча, как дикий зверь, подвинулся к Нао. Тот крикнул, с ненавистью глядя на него:

— Нет, она будет принадлежать тому, кто принесет огонь.

Волосатые братья Агао бросились к нему. Несколько молодых охотников присоединились к Нао.

Не миновать бы битвы, если бы не вмешался старый охотник Гун, самый мудрый из всего племени.

— Разве улы хотят исчезнуть со света? — произнес он, — разве они не помнят, что враги истребили много сильных охотников? Все, кто может владеть топором, ножом и дубиной, должны жить. Нао и Агао — богатыри среди нас. Смерть одного из них хуже для улов, чем смерть четырех... Гаммла будет женой того, кто вернет огонь. Орда хочет, чтоб было так.

И все от мала до велика повторили за старым Гуном:

— Мы хотим, чтоб было так: Гаммла будет женой того, кто принесет огонь.

Агао злобно глядел на Нао. Он не мог идти против всей орды, но зато решил потом жестоко отомстить ему.

2

МАМОНТЫ И ЗУБРЫ

Занялась заря следующего дня. Солнце освещало степь, в вышине звенели жаворонки.

Улы собрались провожать охотников за огнем, готовых отправиться в путь.

Нао выбрал в товарищи двух молодых улов, Нама и Гава, славившихся быстротой бега. Он сделал небольшой мешок из шкуры дикой козы, связал его жилами и положил в него несколько каменных ножей и свой лучший топор. Дубинку же, обточенную и обожженную им накануне, он взял прямо в руку. Волосатые тоже были готовы и стояли, злые и страшные, угрожающе поглядывая на Нао.

Фум обратился к Агао и сказал:

— Сын Зубра увидел свет раньше сына Леопарда, он первый должен выбрать путь. Куда пойдешь ты, — туда, где заходит солнце, или туда, откуда оно выходит к нам?

Агао еще больше разозлился. Он не любил, когда его называли «сыном Зубра». Прозвали же его так за густые волосы, растущие по всему телу. Ни дать ни взять — шерсть огромного, горбатого быка-зубра.

— Агао пойдет на закат, — пробурчал он. — Смотри, длинноногая собака, я еще разделаюсь с тобой, — крикнул волосатый, волчьим взглядом смотря на Нао.

Затем он махнул братьям, и все трое быстро зашагали по степи. Нао также позвал своих и пошел в обратную сторону.

Целый день шли они по степи. Трава колыхалась, как волны в море. Каких, каких только цветов в ней не было. Всюду виднелся красный мак, клевер, дикая гвоздика, васильки и желтые лютики, кое-где попадались кусты шиповника. Местами холм или долина прорезывали степь. Пробегали легкие степные козочки, антилопы-сайги, проносились стада небольших, но крепких диких лошадей и ослов. В воздухе кружились дикие голуби и перепела, высоко в небе парили орлы.

Наступал вечер. Облака из кроваво-красных стали лиловыми и наконец совсем темными. Подул легкий вечерний ветерок. Охотники расположились на ночлег у подножья холма. Нам и Гав улеглись, а Нао остался сторожить. Ночные звуки наполняли степь: слышался треск кузнечика, шуршанье лягушек в траве, свист каких-то ночных птиц.

Иногда лишь доносился вой небольших степных волков, стаями бродивших поблизости.

Ночь прошла спокойно. Утром охотники опять зашагали по степи.

Так шли они несколько дней, питаясь дичью, убитой ловким ударом кругловатых камней, нарочно захваченных с собой. Степь кончилась, начинались небольшие перелески, значит скоро будет и настоящий лес. Стали попадаться и хищные звери. Не раз мелькала перед ними пантера, ловкая и сильная, совсем как огромная рыжеватая кошка; пришлось встретиться и со свирепым зверем — тигром. К счастью, хищник их не заметил, ему было не до людей. Осторожно крался он на своих мягких, полосатых, черных с желтым лапах по направлению к стаду красивых коричневых ланей.

Ночи стали очень трудными. Приходилось зорко сторожить, ожидая нападения диких зверей. У охотников не было спасительного огня, прогонявшего хищников.

На восьмой день пути они в течение целого дня не встретили ни одного ручейка. День был жаркий. Измученные жаждой и усталые, плелись они вперед.

Но вот откуда-то потянуло запахом воды, а земля стала влажной и мягкой. Все предвещало близость ручья или реки. Зоркие глаза Нао рассмотрели вдали какие-то огромные тяжелые туши.

— Мы напьемся до захода солнца. Зубры идут на водопой, — закричал он радостно.

Нам и Гав также ободрились и быстро зашагали вперед. Молодые и неопытные, они во всем повиновались Нао. Он казался им самым сильным и ловким из всех улов. Ведь недаром же он назывался сыном Леопарда и мог одним ударом палицы свалить с ног дикого быка.

— Надо перегнать зубров, — сказал Нао.

Он боялся, что огромные животные загородят им путь к водопою. Рядом с ними неслись к воде целые стада животных: бежали легкие сайги, ветвисторогие олени, дикие лошади и ослы.

Наконец блеснула вода — большое озеро. Охотники с жадностью принялись пить. Никогда еще вода не казалась им такой вкусной. Утолив жажду, они стали совещаться, как лучше расположиться на ночлег. Солнце было уже низко, приходилось заночевать вблизи озера.

Нао осмотрел местность. С одной стороны к озеру примыкал высокий каменный выступ, поросший мхом и плесенью.

— Пещера, — сказал он, указывая на низкое и узкое отверстие с правой стороны выступа. — Вот для нас и ночлег готов.

Осторожно нюхая воздух, Нао вошел в пещеру. Нам и Гав последовали за ним. Там валялись обглоданные кости разных животных, рога лося и оленя и клочья шерсти. Как видно, хозяин пещеры любил полакомиться дичью.

— Это берлога медведя-великана, она пустует уже давно, — сказал Нао.

Ему несколько раз приходилось видеть этого огромного зверя с темной сероватой шерстью, и он знал, какой это опасный хищник. Он не уступит по силе самому льву.

Нао был уверен, что свирепый зверь не вернется в пещеру, и потому решил воспользоваться его жильем.

Но вот раздался страшный шум и глухое мычанье.

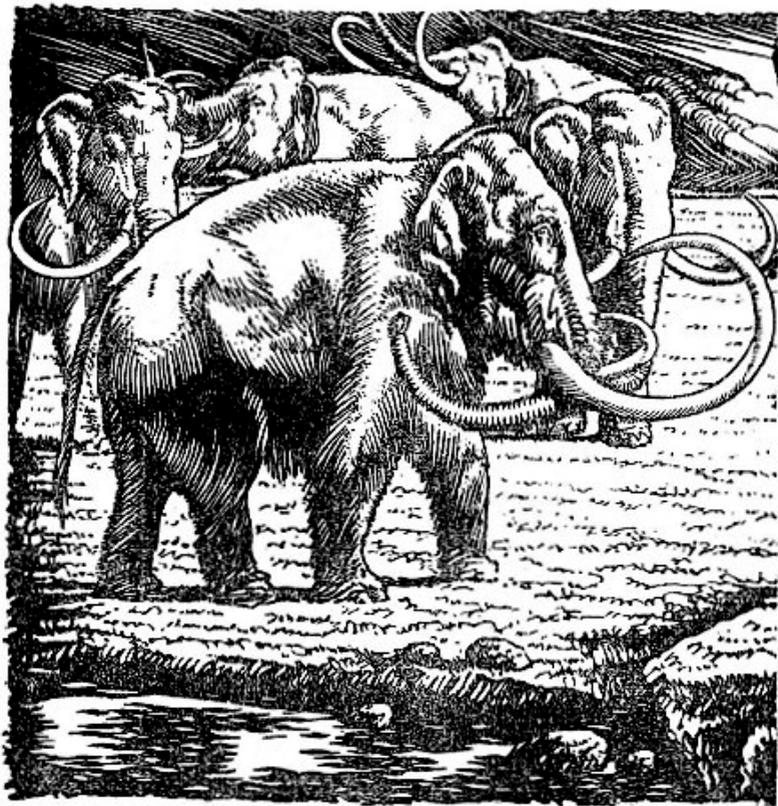
— Зубры пришли, — решили охотники и осторожно выглянули из пещеры.

Показались огромные, напоминающие быков животные с горбатой спиной, густой лохматой гривой, выпуклым лбом и очень сильными круглыми рогами. Все тело зубров было покрыто длинной темно-бурой запутанной шерстью.

Улы редко охотились на зубров. Огромные животные почти всегда бродили стадами. Даже такие сильные звери, как лев и тигр, редко решались напасть на них.

Вдруг новый страшный рев огласил лес. Крик этот был глухой, похожий на звук огромной трубы. К озеру приближалось стадо мамонтов. Земля, казалось, дрожала под их тяжелыми ногами. Великаны, похожие строением тела на слонов, но много больше их, подходили все ближе и ближе. Тела их были величиной с холм; ноги — как деревья,

могучими бивнями они могли разможить любой дуб, а ударом хобота убить любое животное. Впереди шло пятеро старых самцов-вожаков.

Случилось так, что вожаки зубров и мамонтов в одно время подошли к берегу. Мамонты хотели пройти первыми, — обыкновенно все животные уступали им дорогу. Но на этот раз случилось иначе.

Вожак зубров — восемь огромных быков — подняли морды и протяжно заревели. Тогда и мамонты ответили грозным криком. Самый сильный из зубров, нагнув голову и трясая тяжелой грязной гривой, бомбой бросился на переднего мамонта и ударил его в плечо. Мамонт отбил удар

хоботом, но все-таки упал на колени. Зубр продолжал нападать и своими острыми рогами сыпал удар за ударом. Мамонт все время отбивался хоботом. Грива зубра развеялась, на морде показалась пена. Если бы он мог повалить противника и распороть ему брюхо, где кожа была тоньше, он победил бы. Но в битву вмешались остальные мамонты. Самый высокий из них ударом кривых клыков сшиб с ног одного из зубров. Затем он распорол ему брюхо, стал топтать ногами внутренности и сломанные ребра.

Началась настоящая битва. Теперь уже дрались четыре мамонта и семь зубров. Мелькали гривы, клыки, рога, хоботы. Сначала зубры, которых было больше, начали было одолевать. Три зубра повалили одного из мамонтов на землю и закололи его рогами. Зато оставшиеся мамонты бросились на противников, смяли, задушили и затоптали их своими страшными ножищами. Видя гибель вожаков, стадо сначала затихло, потом повернулось и с диким ревом, сшибая с ног и давя друг друга, быстро понеслось обратно. Великаны с длинной серо-желтой шерстью принялись, как ни в чем не бывало, жадно пить.

Улы, затаив дыхание, смотрели на битву, сила мамонтов казалась им великой. Ни один зверь, ни одно животное не может сравниться с ними.

«Только человек сильнее мамонтов», — думал с гордостью Нао. Он вспомнил об одной охоте, когда он с несколькими приятелями убил великана и, разрубив на части, с торжеством приволок к своей орде. Правда, они победили его хитростью и обманом, а не силой, но ведь все-таки победили. Проследив мамонта на пути к водопою, они вырыли яму и забросали ее ветвями деревьев. Один из мамонтов ввалился в нее и никак не мог выбраться. Нао хорошо помнил, как страшно ревело огромное животное, почувствовав себя в плену. Он первый нанес мамонту удар палицей по голове. Вся орда питалась тогда мясом мамонта в продолжение многих дней.

В ПЕЩЕРЕ

Когда мамонты ушли и все успокоилось, охотники подкрепились сырым мясом убитой по дороге дикой козы и принялись устраиваться на ночлег.

В эту ночь была очередь Гава стать на караул. Он очень устал от долгой ходьбы и еле стоял на ногах, но ничего не поделаешь, — приходилось сторожить.

Была светлая лунная ночь. Все затихло, лишь где-то вдали слышался звериный рев, да пролетали мимо совы, чуть не задевая Гава крыльями по лицу.

Вдруг в лунном свете на противоположном берегу озера мелькнула какая-то большая тень и послышался сильный плеск воды. Вглядевшись, Гав увидел при свете луны огромного медведя, переплывавшего озеро.

Видно, хозяин пещеры захотел побывать в своем тарой жилище.

Гав тотчас же разбудил товарищей. Нельзя было терять ни минуты, медведь был уже на середине озера. Теперь можно было уже рассмотреть его заостренную книзу морду и большие сильные лапы, которыми он загребал воду. Шерсть его отливала сероватым цветом.

— Это медведь-великан, — воскликнул Нао, вспомнив страшные рассказы о силе этого зверя. Он сам только раз встретился с ним, да и то не один на один; их тогда было много, и зверь поспешил убратся восвояси. Теперь же их только трое.

Лучше всего было бы бежать, но выбратся можно было лишь со стороны водооя. Если зверь бросится за ними, то все равно несдобровать — догонит. На дереве от него тоже не спасешься, он хоть и тяжел, а лазает хорошо.

Нао окинул взглядом пещеру. У входа лежали собранные ими ветки и несколько больших каменных глыб. Оставалось одно — завалить вход, оставив открытым лишь небольшое отверстие направо, на высоте человеческого роста.

Между, тем зверь уже переплыл реку и быстро приближался к их убежищу. Подойдя к пещере, медведь с злобным ворчанием потряс головой. Он учуял людей, слышал шум их работы, но, должно быть, не ожидал найти закрытым вход в свое логовище. Зверь встал на задние лапы и наклонился к отверстию.

Охотники ждали, что зверь просунет в отверстие лапу и держали оружие наготове. Но вместо лапы показалась слюнявая медвежья морда. Размахнувшись, Нао хватил по ней палицей, и зверь, рыча, отступил. Он не был ранен, выступы камней ослабили силу удара, и от боли зверь еще больше разозлился. Зверь пытался пролезть в берлогу, но отверстие было слишком узко. Тогда медведь всей тушей налег на стену, она зашаталась под его напором.

Видя, что дело плохо, Нам и Гав подперли стену своими телами, а Нао стоял наготове с поднятой палицей, наклонясь к отверстию.

Медведь напирал все сильнее и сильнее. Наконец стена не выдержала тяжести и рухнула. Нао и Гав едва успели отскочить, зато Нам очутился в страшных медвежьих лапах. Думая, что пришел конец, он лежал и ждал смерти. Но вот просвистела палица, и зверь заревел от боли. Это Нао бросился на помощь товарищу. Удар пришелся по челюсти и задел ноздрю. Зверь бросил свою жертву и на задних лапах, готовый к бою, обернулся к Нао. Палица просвистела еще раз и опустилась на голову зверя. С страшным рычанием медведь кинулся на врага, и несдобровать бы Нао, если бы он вовремя не спрятался за каменный выступ. Зверь с разбега ударился о камень и споткнулся. В эту минуту Нао, что было силы, хватил его палицей по хребту. Хрустнули позвонки, и медведь зашатался. С последним усилием обернулся он к врагу и когтями успел разодрать грудь охотника.

Нао застонал от боли. Но товарищи его не дремали. Нам и Гав наносили медведю удар за ударом, пока зверь, наконец, не издох. Тогда охотники отделили мясо от костей и полакомились свежим медвежьим жиром.

Наевшись, Нам и Гав схватили медвежью шкуру и закричали, потрясая ею в воздухе:

— Нао — великий охотник! Ни один ул не мог убить медведя-великана! Нам и Гав расскажут всем о силе Нао!

Однако рана Нао сильно болела, идти вперед было нельзя. По обычаю улов, Нам нарвал листьев мяты и приложил их к больному месту. Холодные листья уменьшали жар, понемногу боль утихла, и Нао вместе с товарищами любовался шкурой убитого зверя.

4

В ЛЕСУ

Проведя два дня в пещере, пока Нао совсем не оправился от медвежьей ласки, охотники снова пустились в путь. Идти пришлось по густому незнакомому лесу. Со всех сторон вздымались огромные дубы, ясени, клены и липы, целые заросли орешника и черешни. Приходилось идти

осторожно, того и гляди, попадешь в лапы какого-нибудь хищника.

Лес кишел всевозможным зверьем. Кроме таких безобидных зверей, как олени, лоси, дикие козы, здесь попадались и свирепые хищники. Не раз, изгибаясь, мелькал пятнистый леопард или показывалась полосатая кошачья морда тигра.

Только теперь, во время долгого пути, поняли улы, как тяжела жизнь без огня. Сырое мясо надоело им, так бы и поели жареного! Да и зверей приходилось опасаться. Самые страшные хищники выходили всегда на охоту по ночам. Будь огонь, они не посмели бы подойти близко к людям.

Теперь же улы в безлунные ночи искали убежища в каких-нибудь ямах, окружая себя каменными глыбами, или же залезали в дупла деревьев. Ночи были тревожные, они никогда не знали, найдут ли утром друг друга живыми.

К концу третьего дня лес поредел, и перед ними открылась большая поляна, поросшая травой и кустарниками. На востоке, между высокими тополями, осинами и ольхами, виднелась протекавшая речка. Охотники осмотрелись и стали искать места, где бы приютиться на ночь. На счастье, Нам увидел груды больших камней. Два из них сходились вершинами, так что получался каменный шалаш с четырьмя отверстиями. Три отверстия были так малы, что через них могли пройти только небольшие звери вроде волков и собак, через четвертое отверстие мог пролезть и человек. Большие хищники — львы или тигры — не могли пролезть туда.

Охотники обрадовались: наконец-то можно будет спокойно заснуть, не думая об опасности. Закусив, они спокойно расположились около камней. Дикая коза и лось пробежали к воде, вороны с беспокойным криком поднимались вверх, орел реял в облаках, под ивами проскочил, хрюкая, большой дикий кабан. Приближался страшный ночной час, когда звери царствуют в лесу, но на этот раз ночь не пугала их. Хорошо было чувствовать себя в безопасности в каменном шалаше. Теперь им было не страшно слышать отдаленное ворчанье и шорох мягких лап тигра. Все равно

он не мог бы пролезть к ним. Сытые и спокойные, они скоро заснули, подостлав шкуру убитого медведя.

Ночь прошла без тревоги. Наутро охотники решили заготовиться какой-нибудь дичью. Неизвестно, какие места ожидают их впереди, а здесь дичи хоть отбавляй.

— Пусть Нам останется здесь, — сказал Нао, — а мы с Гавом пойдем в разные стороны.

И он быстрым шагом направился к реке. Вскоре охотник заметил следы лося, которые вели направо. Нао пошел по ним, как вдруг на поляну выскочил огромный олень с удивительно большими красивыми рогами. Нао только раз видел такого оленя. Улы звали его оленем-великаном; он слышал от старого Гуна, что раньше их было больше, а теперь они все куда-то подевались. Олень стрелой несся вперед, едва касаясь ногами земли, с кровавой пеной у ноздрей и с закинутой назад головой. По пятам за ним следовал враг. Это был большой тигр с ярко горевшими кошачьими глазами. Зверь приближался большими скачками к оленю.

Спрятавшись за камнем, Нао замер, следя за погоней. Большой олень бежал безостановочно, но все же тигр почти настигал его.

«Тигр догонит большого оленя», — подумал Нао.

Олень из последних сил ускорил свой бег, но тигр страшным прыжком нагнал его и впился когтями в бока животного.

Пока зверь справлялся с добычей, Нао поспешил повернуть назад к шалашу, — не очень-то весело было повстречаться с могучим полосатым зверем. Он застал в шалаше одного Нама, Гав еще не вернулся. Нао в тревоге ждал товарища. Что, если Гав попадет в лапы страшного хищника! Но опасения были напрасны. Гав скоро возвратился с добычей: он убил зайца и несколько молодых, плохо умеющих летать тетеревов.

Он рассказал, что видел на опушке леса тигрицу. Опасаясь встречи с опасной парочкой, охотники решили опять переночевать в шалаше.

Закусив принесенной Гавом добычей, все скоро улеглись спать.

Перед утром Нам проснулся от какого-то странного шума, — ему послышалось, что кто-то возится и скребет землю рядом с их убежищем. Осторожно выглянув в узкое отверстие, он замер от ужаса. Перед ним было какое-то невиданное животное. Этот зверь походил на тигра, но был много выше ростом и плотнее; своей гривой и широкой грудью он напоминал льва. Зверь, почуяв запах человека, старался пролезть в их жилище, своими сильными лапами он разрывал землю, пытаясь углубить и расширить узкое отверстие.

Нам толкнул товарищей.

— Это лев-великан, — сказал Нао, взглядевшись в зверя. — Старый Гун говорит, что он бродит в далеких лесах и редко встречается, но несдобровать тому, кто его встретит.

С этими словами Нао встал на колени и через отверстие метнул в зверя острым ножом. Нож пронзил переднюю лапу. Хищник неистово заревел и перестал рыть, глаза его злобно горели. Затем он снова начал бродить вокруг, каждый раз возвращаясь к отверстию, через которое вошли люди. Потом опять принялся рыть, но новый удар ножом пре-

кратил его работу. Ворча и все время оглядываясь на пещеру, лев потихоньку направился в лес.

Охотники больше уже не ложились. Нао вспомнилась родная орда и яркое веселое пламя костра.

«Огню, как и зверю, нужна добыча, — думал охотник. — Он питается сухой травой и сучьями, растет, потом родит другой огонь и тогда может умереть. Когда он мало ест, то делается маленьким, как пчелка или мушка. Если же кормить его слишком много, то так вырастает, что может пожрать все кругом. Это — зверь и не зверь. У него нет лап, но он быстрее антилопы. У него нет пасти, но он дышит, рычит и ворчит. А как он больно кусается!» — Нао помнил, как еще ребенком испытал на себе укусы огня.

Ул любил огонь и боялся его. «Пусть он никого не щадит, но зато он приносит и радость: прогоняет диких зверей, согревает в холод, делает вкусным мясо».

— Нао добудет огонь. Нао получит Гаммлу, — громко вскричал ул.

Опять послышался какой-то шорох. Три довольно крупных зверя с короткой, но сильной мордой, с торчащими усами и жесткой гривой потихоньку подкрадывались к шалашу. Это были гиены, кончавшие свою ночную охоту и больше любившие лакомиться падалью,

— Уходите, вонючие твари! — крикнул Нам, бросив в них камень.

Гиены отличались от всех зверей своим скверным запахом. Ни один хищник не ел их мясо. Уже совсем рассвело. Густая роса лежала на траве и кустах. На востоке показалась светлая полоска. Стадо красивых легких животных, похожих на оленей, но без больших рогов, пробежало и скрылось в лесу. Это лани возвращались с водопоя.

Но вот в утреннем воздухе пронеслось могучее рычание. Послышался сильный треск, и на опушке леса вновь показался лев-великан. Зверь опять подошел к шалашу, и его страшная морда показалась в узком отверстии. Охотники задрожали. Сам вид зверя приводил их в ужас. Каково же было бы попасться ему в лапы...

Но, к счастью, лев-великан не мог пролезть в их убежи-

ще и снова отправился в лес.

Солнце уже встало и ярким светом заливало лес, поляну и реку. Улы осторожно выглянули из своего убежища. Голод давал себя чувствовать, а об охоте и думать было нечего. Лев-великан бродил неподалеку, недаром из леса доносился его грозный рев. Все трое приуныли: лес был так близко, лес, где столько добычи. Но зубы льва-великана были страшнее голода.

Вдруг на поляну вышло стадо лосей; они направились к водою. Осторожно осмотревшись, Нао и Нам вылезли из своего каменного шалаша и стали потихоньку подкрадываться к животным. Вожаки стада уже дошли до реки и начали пить. Задние же ряды были еще далеко. Нао высторожил отставшую молодую самку лоса, быстро бросился к ней и оглушил ударом палицы по голове, Вторым ударом он сшиб ее с ног. Тогда Нам взвалил лосиху на плечи, и оба охотника побежали к своему жилью. Встревоженное стадо заволновалось, вожаки повернули головы и сердито замычали. Но улы были уже далеко.

Острым краем ножа они содрали с животного шкуру, разрубили тушу на части и жадно принялись за еду. Давно не приходилось им есть такое вкусное мясо. Сытые и довольные, они стали думать, как бы поскорее выбраться из этого опасного места, как бы ускользнуть от льва-великана.

Наконец порешили проспать здесь еще одну ночь и двинуться в путь утром, если зверя не будет поблизости.

Остальная часть дня прошла спокойно, лев не показывался. Охотники не теряли времени даром. Они старались получше выделывать шкуру медведя-великана, которую захватили с собой из пещеры. Краями острых каменных ножей улы сдирали остатки мяса и сглаживали кожу. Шкура была прекрасная, теплая и могла очень пригодиться в холодные ночи. Обычно в орде этим делом больше занимались женщины, мужчины же вытесывали свое оружие и доставляли добычу.

Солнце село, наступили сумерки. А о звере не было ни слуху, ни духу, даже рычания не было слышно. Охотники

обрадовались: наутро можно было идти дальше. «Лев-великан, верно, ушел далеко и вряд ли вернется сюда», — решили они, не слыша больше страшного рычания.

Наступила ночь с ее обычными опасностями, а льва все не было. Улы спокойно заснули, зная, что крупные звери не могут пробраться в их логовище.

Утром, выглянув из шалаша, Нао увидел неподалеку обглоданные кости и шкуру дикого осла.

— Лев-великан не ушел, он ночью опять был здесь, — сказал он товарищам. — Скорее, мы переплывем реку, пока его нет.

Сборы были недолги. Захватив оружие и медвежью шкуру, охотники вылезли из каменного шалаша.

Они шли очень быстро, почти бежали, торопясь поскорее дойти до воды. Но вот наконец и река. Нао первый вошел в воду. У берега можно было идти вброд, но ближе к середине они попали на глубокое место и поплыли. Выйдя на берег, они помчались вперед.

Вдруг все трое насторожились. Вдалеке послышался грозный рев.

— Это лев-великан, — прошептал Нао. — Он бежит по нашим следам.

Но опасения были напрасны. Скоро рев стал удаляться, а затем и совсем затих.

Долго шли улы по лесу. Снова настала ночь: звери сопели в тишине и шуршали своими лапами. Отовсюду доносился рев, вой и визг. Охотники останавливались, нюхали воздух и опять шли все дальше и дальше.

Наконец усталость взяла свое, нужно было искать ночлег. Нао выбрал большой ветвистый дуб с дуплом внутри: Нам и Гав полезли туда, а он остался сторожить.

Все, казалось, мирно спало кругом, лишь изредка слышался вдали противный, похожий на хохот, крик гиены, да вой волков и шакалов. Эти увертливые, похожие на волков, но маленькие и трусливые животные подобрались было совсем близко к дубу, но Нао быстро разогнал их.

КРАЖА ОГНЯ

Утром, чуть свет, еще до восхода солнца, Нао разбудил товарищей. Пора было в дорогу. Некоторое время они шли лесом, но вскоре он поредел, и перед ними открылось огромное озеро с прозрачной голубоватой водой.

Охотники радостно бросились к озеру — так приятно было пить холодную чистую воду в этот жаркий томительный день.

По озеру плавали целые стаи лебедей, диких гусей и уток, над водой кружились и ныряли за рыбой красивые белые чайки, по берегам бродили длинноногие аисты и цапли. Птицы не знали людей и не боялись их. Только когда Нам ударом камня убил утку, они заволновались и целыми стаями полетели прочь, на другой берег озера. Гав бродил по берегу, собирая кругловатые обточенные водой камни, удобные для метания в птицу; вдруг он остановился и принялся что-то рассматривать на земле.

Перед ним, среди зеленой травы, лежали уголья и полюбгоревшие ветки.

— Огонь, здесь был огонь! — крикнул он товарищам.

Нао и Нам подбежали и, став на колени, начали рассматривать золу.

— Следы людей! — сказал Нао, указывая на отпечатки человеческих ног.

Следов было много больше, чем пальцев на обеих руках. Судя по отпечаткам ног, здесь не было ни женщин, ни детей.

Охотники решили, что это был разведочный отряд, который какое-то племя выслало вперед. Неподалеку от остатков золы были разбросаны кости и жилы. Нао поднял одну кость и вскричал, осмотрев ее:

— Это кость от ноги человека, это страшные людоеды.

Старый Гун много рассказывал ему о свирепых климах, любивших лакомиться человеческим мясом. Встреча с лю-

доедами была, конечно, очень опасна, но ведь зато они владели огнем! Улы решили, несмотря на опасность, идти по следам, догнать отряд кламов и ночью похитить у них огонь.

Не мешкая долго, они опять зашагали вперед. Сначала шли по берегу озера, потом по равнине, где перелески чередовались с лугами. На пути часто встречались следы костров и разбросанные кости животных.

Человеческих костей больше не попадалось; как видно, кламы съели уже всех своих пленников.

К концу третьего дня Нао сказал товарищам:

— Приготовьте оружие и будьте смелы, как львы, сегодня вечером мы увидим огонь!

Нам и Гав задрожали: им радостно было снова увидеть огонь, но при мысли о страшных врагах сердца их невольно замирали от ужаса. Старый Гун много видел на своем веку, знавал много охотничьих племен, но не было племени страшнее людоедов. Они были очень сильны, смелы и жестоки, а хуже всего то, что кламы ели человеческое мясо. Молодые охотники вспоминали рассказы о них, и их пробирала невольная дрожь; кому же приятно быть съеденным! Улы остановились немного отдохнуть, им хотелось дождаться темноты и тогда незаметно подкрасться поближе к людоедам.

Поднялись они раньше, чем взошла луна; Нао уже раньше осмотрел дорогу, и можно было спокойно идти, несмотря на полную тьму. Улы тихонько пробирались через кусты, опасаясь, чтоб как-нибудь не треснула ветка и не зашуршала трава. Враг был совсем уже близко. Они поднялись на холм и притаились в высокой траве. Все трое замерли от волнения — на лугу, неподалеку от высоких тополей, горел веселый костер. Языки пламени лизали поленья, искры с треском взлетали вверх, трепетали от ветра и гасли. Родная, давно не виданная картина!

Вокруг костра спали люди, укрывшись шкурами волков и оленей. Топоры, палицы, ножи были разбросаны по траве.

Двое сторожей караулили костер. Один из них, в козьей шкуре, сидел на куче хвороста и держал руку на деревян-

ной рогатине, другой ходил вокруг костра. Пламя освещало их лица, заросшие до бровей волосами. Пожалуй, между улами и ими было большое сходство. Улы и сами не отличались красотой, но кламы казались еще страшней. У них были сильно откиннутые назад лбы, совершенно плоские широкие носы, толстые губы и выдающиеся вперед челюсти. Кожа у них была бурого цвета и вся покрыта густой шерстью. Хотя ростом кламы были ниже Нао и его товарищей, но зато коренастей их, с выпуклой грудью, втянутым животом и немного согнутыми в коленях ногами.

Они, должно быть, были очень сильны, но вряд ли могли так быстро бегать, как улы, — короткие, согнутые в коленях ноги должны были сильно мешать.

Вдруг один из сторожей поднял голову и потянул носом воздух. До него донесся какой-то чужой запах, не похожий на запах зверей и людей его племени.

— Кламы услышали запах улов, — заметил Нам, — нужно идти так, чтоб ветер дул от них к нам.

Между тем, один из сторожей встал и что-то сказал другому, потом повернулся и пошел к холму.

— Надо податься назад, — прошептал Нао, и все трое незлышно поползли и спрятались за большим ивовым кустом. Ветер понемногу утих; караульный остановился, снова понюхал воздух и вернулся к костру. Охотники долго сидели, боясь шелохнуться. Подойти ближе они боялись, запах выдал бы их. В эту минуту неподалеку послышался вой шакалов. Нао поднял голову, прислушался и тихо засмеялся.

— Мы в стране шакалов, — проговорил он. — Пусть Нам и Гав постараются убить одного шакала, а я останусь сторожить здесь.

Нам и Гав пошли в сторону, откуда доносился вой. Скоро они увидели четырех шакалов, глодавших кости дикого осла. Заметив охотников, они не бросились бежать, а посмотрели на них и заворчали. Слишком жалко было расставаться с добычей. Охотники бросили на землю кусок оленьего мяса, а сами стали рядом с большими деревьями. Вкусный запах привлекал зверей, но они почуяли человека. Шакалы осторожно подходили к мясу. Нам и Гав не шевели-

лись, их трудно было отличить от неподвижных стволов деревьев. Звери долго рыскали вокруг улов, подходили к мясу, опять убежали, все еще боясь дотронуться до него.

Наконец жадность взяла свое: они все разом бросились на приманку. В ту же минуту Гав и Нам ловкими ударами ножей пронзили двух шакалов; остальные, схватив добычу, убежали в чащу леса. Добив раненых зверей, охотники принесли их к Нао. Он содрал шкуру с одного из шакалов и сказал:

— Запах шакала сильнее запаха улов, теперь мы обманем людоедов.

Он взял шкуру животного, накинул ее на себя, спустился с холма и исчез в темноте.

Выйдя из кустарников, Нао осторожно полз по высокой траве и наконец очутился совсем близко от костра.

Сторожа не шелохнулись, они слышали запах шакала, но это их совсем не беспокоило. Подняв голову из высокой травы, Нао пересчитал спящих кламов. Да, их было много, очень много, даже больше, чем пальцев на обеих руках! Все они были сильные, широкогрудые, с длинными руками и короткими ногами. Нао решил, что ни один из них не сможет перегнуть ула. Затем он осмотрелся кругом. Направо ровная полоса земли отделяла его от холма, налево же шли кусты попеременно с густой высокой травой. Охотник осторожно полз по траве все ближе и ближе; при каждом движении сторожей, он останавливался и вытягивался на земле, как змея. Сторожа сидели к нему спиной и не могли ничего заметить. Пробравшись через полосу кустов и травы, он очутился посреди спящих кламов.

Костер был совсем близко, Нао уже чувствовал тепло огня и знакомый едкий запах дыма. Стоило одному из сторожей обернуться — и все пропало! Но на счастье, ветер дул на ула и уносил запах шакала в обратную сторону. Одним прыжком Нао очутился у костра и схватил горящую головню. Он уже добрался до травы, когда раздался рев кламов. Один из сторожей бежал к нему с поднятой палицей, а другой с топором в руках старался перерезать ему путь. Спящие людоеды поднялись с земли и, схватив оружие, бро-

сились в погоню. Но Нао бегал быстро, врагам не удалось отрезать ему путь. С боевым криком улов, он неся к холму, где ждали Нам и Гав. Кламы, ворча, как кабаны, врассыпную бежали за ними. С торжеством потрясая горячей головней, ул добежал до холма и крикнул товарищам:

— Бегите вперед!

Нам и Гав бросились за ним. Нао не ошибся, взяв с собой молодых и легких товарищей, — в десять скачков они сильно опередили кламов.

Во время бега приходилось заслонять огонь рукой; от быстрого движения и ветра пламя потухло, остался один горящий уголь. Нао остановился на минуту, поднял с земли сухую длинную ветку, зажег ее об уголь и снова помчался вперед. Огонь, добытый с такой опасностью, не должен потухнуть. Улы получают его, веселое пламя костра опять будет ярко гореть на стоянке улов. Луна зашла за облака, кругом была полная тьма, только огонь освещал им путь.

Вот наконец и болото: охотники помнили, что проходили здесь, идя по следам людоедов. Узкая, извилистая, но не топкая тропа вела через болото. Приходилось идти осторожно, чтобы не провалиться в трясины.

Погоня была далеко, враги не могли бежать по болоту так быстро, как улы. Нао заметил, что ветка почти догорела, уголь также потускнел и едва тлел. Нужно было во что бы то ни стало дать огню есть, пока враг был далеко. Остановившись и выбрав место посуше, они положили головню на остатки желтой сухой травы. Крутом была вязкая топь, все отсырело, разжечь огонь было нечем. Набрав несколько веток сухого тростника, улы принялись осторожно дуть. На минуту тростник вспыхивал, разгорался, а потом дрожал, уменьшался и наконец умирал. Вспомнив о шкуре шакала, Нао вырвал несколько щетинок и поднес их к головне. Щетинки затрещали, затлелись, — охотники со страхом и надеждой следили за слабым огнем.

Погоня стала опять слышней, мешкать было некогда. Сквозь пепел пробивался чуть видный огонек. Он делался все меньше и меньше: сначала величиной с осу, потом с муху, вот он уже не больше тех мошек, что вьются над боло-

том. Наконец, все исчезло — потухла последняя тлеющая щетинка.

Все трое, не двигаясь с места, следили за смертью огня.

Вся надежда их была на этот слабый огонек. Он разгорелся бы, вырос, дал жизнь другим огням. Они принесли бы его светлым и ярким в орду. Они с таким трудом добывали его, а он уже умер, и теперь злые кламы гонятся за ними по пятам. Вот что думали улы, смотря на потухший огонь.

Крики людоедов слышались все ближе и ближе. Надо было спасаться от страшного врага. Охотники опять понеслись вперед.

6

НА БЕРЕГАХ ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Много раз день сменялся ночью, а кламы все еще упорно гнались за улами. Нао знал, что коротконогие людоеды не могут догнать их и не особенно торопился вперед. Он все еще надеялся как-нибудь похитить у них огонь и поэтому каждую ночь, устроив ночлег для Нама и Гава, бродил около стоянки врагов.

Во время погони улы взяли сильно влево и потеряли дорогу, по которой раньше шли. Сначала перед ними растянулась необъятная степь, потом она сменилась холмами и вот наконец вдали заблестела вода. Охотники подошли ближе и увидели широкую полноводную реку. Никогда не приходилось им видеть так много воды.

— Это Великая Река, — сказал Нао. — Старый Гун рассказывал, как когда-то давно улы дошли до нее, спасаясь от врагов.

Как и огонь, вода казалась улам страшной и сильной. Она делается то больше, то меньше, откуда-то приходит, затапливает людей и животных, падает с неба и наполняет землю. Она точит камни, гонит песок и глину. Ни одно животное, ни одно растение не может жить без нее. Даже огонь

боится воды. Стоит брызнуть водой на огонь, и он же сейчас же умрет.

С реки дул холодный ветер, накрапывал дождь, по небу плыли ненастные серые облака. Погони не было слышно, и охотники остались ночевать на берегу неподалеку от высокого песчаного холма.

Пробежали дикие ослы, табун лошадей спустился к реке, животные быстро напились и опять умчались в степь.

В сумерках река казалась холодной и страшной. Стоит только попасть в нее, и быстрые волны унесут, завертят так же, как камни и стволы деревьев.

Наступала дождливая, холодная ночь. Улы зябли, лежа на мокром песке, — во время быстрого бега они бросили медвежью шкуру и теперь сильно жалели об этом.

К утру дождь перестал, солнце взошло над рекой, отражаясь в синеватых волнах.

Сразу все ожило: громко плескались большие рыбы, береговые ласточки вылетали из своих песчаных гнезд и с радостным чириканьем носились над рекой, задевая крыльями по воде. Среди кустов шмыгали куницы и водяные крысы. При солнечном свете река не казалась больше сердитой и страшной. Охотники поймали руками несколько рыб, плескавшихся у берега, закусили и снова отправились в путь.

Немного пройдя берегом, они свернули вправо и шли теперь не открытым местом, а небольшими перелесками. Снова попали они в звериное царство. То промелькнет на дереве острая морда рыси с кисточками на ушах, то пробежит, сердито хрюкая, кабан или покажутся стаи волков.

Проходя мимо густой заросли орешника, они услышали сильный треск и уже приготовились встретить нападение неизвестного врага, как вдруг из чащи показалась безобразная, вытянутая вперед голова с маленькими глазками и торчащим впереди острым рогом. Вслед за тем на лужайку вышло огромное неуклюжее животное, покрытое толстой кожей, похожей на кожу слона.

— Это только носорог, — обрадовались улы.

Они отлично знали, что безобразное животное питается молодыми деревьями и травой, а людей никогда не трогает, если они сами на него не нападают.

И действительно, носорог сначала уставился на них своими маленькими глазками, а потом пошел дальше, ломая на пути кусты своими крепкими, сильными ногами.

Улы шли, сами не зная куда. Возвращаться назад было опасно. Оставалось одно — идти вперед в надежде снова наткнуться на людей и украсть или отнять у них огонь. Погоня не было слышно. Кламы или сильно отстали, или сбились со следа.

Солнце сильно припекало, да и усталость брала свое. Улы решили отдохнуть и поесть.

Нао и Нам сели под густыми ветвями вяза, а Гава послала набрать орехов, грибов и ягод. Вдруг Нао потянул носом: он ясно чувствовал запах дыма. Вскочив на ноги, ул в волнении нюхал воздух.

Ветер дул с востока, значит, оттуда шел и дым. Забыв об усталости, они крикнули Гава, наскоро поели орехов и дикой малины и быстро пошли на восток.

Сначала охотники не шли, а почти бежали, — так велико было их нетерпение поскорее опять увидеть огонь. До сих пор им не попадалось человеческих следов, но запах дыма становился все сильнее и сильнее.

Они пошли осторожнее и медленнее. Кто знает, что за племя жгло этот костер. Может быть, это был новый отряд кламов. Но вот наконец Нао остановился и нагнулся к земле.

На влажной траве были ясно видны человеческие следы. Люди совсем недавно проходили здесь. Улы не шли, а крались по лесу не хуже леопардов, выслеживающих добычу.

Приближался вечер. В сумерках было труднее рассмотреть следы, но зато темнота могла скрыть их от людей.

— Мы совсем близко, — проговорил Нао. — Пусть Нам и Гав ползут неслышно, как змеи, а то треск сучьев выдаст нас.

Лес становился все реже и реже. Вот и опушка, а за ней открытая поляна. Улы выглянули из кустов. На другом конце поляны, на берегу небольшой лесной речки, они увидели горящий костер и людей, сидевших и лежавших вокруг. Это был не маленький отряд, а целая орда. Они разглядели фигуры женщин и детей. Ветер донес к ним запах жареного мяса, и все трое начали облизываться, так вкусен был этот запах.

Неширокая открытая поляна отделяла улов от костра и, хотя ветер дул на них и уносил их запах, все же выходить из кустов было опасно. Лучше выждать, когда все заснут и тогда подкрасться и получше рассмотреть, что это за племя и нельзя ли выкрасть у них огонь.

Так они и сделали. К счастью, ночь была облачная. Можно было в темноте незаметно ползти вперед.

Оставив товарищей на опушке леса, Нао неслышно полз по траве. Теперь он был уже совсем близко и мог лучше разглядеть костер и людей. Сторожа не спали, и Нао хорошо видел их лица. Это было какое-то совсем незнакомое ему племя, очень мало похожее на остальных людей. Ростом они были с улов, хотя уже в груди и плечах. Кожа на теле была глаже, а у женщин совсем почти без волос. У них были прямые, а не закинутые назад лбы, брови не нависали над глазами, как у улов и кламов. Нос уже, а глаза ближе поставлены друг к другу. Только выдающиеся вперед челюсти да сильные длинные зубы напоминали остальных виденных Нао людей.

Это было большое племя, ул не мог сосчитать всех спящих мужчин, он видел только, что их очень много.

Как всегда во время ночевки, оружие было разбросано рядом, и Нао заметил, что каменные топоры и ножи красивее и лучше обтесаны, чем те, которые он привык держать в руке. Но больше всего удивился ул, увидев, что у них нет клеток с огнем. Обыкновенно все охотничьи племена держали огонь в клетках и кормили его, чтобы он не потух. У кламов клеток не было, потому что то был лишь небольшой передовой отряд, высланный ордой на разведку. Здесь же Нао увидел все племя с женщинами и детьми, а клеток

у них не было. Ул никак не мог понять, почему эти чужаки не боятся потерять огонь. Ведь стоит пойти сильному дождю или напасть врагам и потушить костер, и они будут так же, как улы, без тепла и света коротать ночи в лесу.

Теперь Нао видел все, что нужно. Можно было ползти обратно к товарищам и вместе с ними обсудить, что делать дальше. Нам и Гав с нетерпением ждали его возвращения и очень удивились, когда Нао рассказал обо всем, что видел. Нечего было и думать о нападении и краже огня. Чужаков было слишком много, а кроме того, это были ведь не коротконогие кламы, от этих не убежишь. Придется, видно, отойти подальше в лес и выстораживать, когда все взрослые охотники уйдут за добычей. Вот тогда можно напасть и отнять огонь.

Улы отползли немного дальше и спокойно провели ночь в ямах, прикрывшись листьями и ветвями. Утром Нао опять отправился на опушку леса и осмотрел, что делается у чужаков.

Там было все спокойно. Многое напомнило ему родную орду. Так же весело горел огонь, мужчины так же старательно обтесывали свои каменные ножи и топоры, только они выходили у чужаков, как Нао и раньше заметил, тоньше и острее, чем оружие улов. Верно, чужаки очень долго обтесывали каждый топор. Так же, как в его орде, женщины и мужчины послабее трудились над выделкой оленьих, козьих и других звериных шкур, готовя одежду на холодную пору. Острыми краями ножей они сдирали оставшееся мясо и сглаживали кожу: получались гладкие снизу шкуры, точно такие же, какие Нао привык носить во время холодов. Ул видел, как часть охотников, забрав оружие, отправилась за добычей в сторону Великой Реки, а другая часть осталась охранять орду от возможного нападения врага. Да, все было так, как в орде улов. Вот только не было клетки с огнем. Этого Нао не понимал — как же быть без клетки? Он привык во всем следовать обычаям, принятым в родном племени.

Заметив, что слишком много охотников осталось у костра, Нао опять вернулся к товарищам; приходилось отло-

жить нападение на чужаков и дожидаться более удобного случая.

Прошла еще ночь. На следующее утро, подползши к стоянке, ул увидел уже совсем другую картину. Для него было ясно, что чужаки готовились не то к охоте, не то к нападению. Так же, как улы в ту несчастную ночь, когда умер огонь, мужчины готовили оружие и прислушивались к шороху и шуму.

Нао видел, как прибежавший разведчик, размахивая руками, рассказывал о чем-то вожаку орды. Ул решил, что чужаки, скорее всего, ждали нападения, недаром женщины в страхе прижимали к себе детей, а все мужчины были готовы к бою.

И действительно, скоро лес огласился ревом и криками: целая орда кламов бросилась на чужаков. Это был не тот маленький отряд, который гнался за улами. Теперь нападала уже целая орда страшных людоедов.

Вскочив на ноги, Нао поспешил к товарищам. Скоро все трое были уже на опушке леса и с интересом следили за битвой. Сначала чужаки начали одолевать: улы видели, как падали кламы под ударами палиц и топоров, видели, как острые ножи втыкались в груди и животы людоедов.

— Чужаки ловкие бойцы, — сказал Гав, готовый сам броситься в бой: ему так приятно было видеть, что кламы начинают отступать.

Но битва еще не кончилась, на подмогу людоедам прибежал новый отряд. Чужаки заметно слабели. Много сильных охотников лежало с раскроенными черепами, много женщин было захвачено кламами. Костер почти потух, тлели лишь одни головни.

Видя, что огонь сейчас умрет, улы не выдержали. С громким криком, держа наготове палицы и топоры, перебежали они поляну и кинулись на врагов. Их было только трое, но неожиданное нападение испугало кламов, им показалось, что пришел на помощь целый отряд. Нао крутил палицей над головами кламов и со страшной силой валил их на землю. Нам и Гав не отставали; подняв брошенные чужаками ножи, они всаживали их в плечи и груди нападавших.

Чужаки тоже ободрились и сильнее заработали палицами и топорами. И вот наконец людоеды не выдержали и побежали, сшибая и валя с ног друг друга. Битва кончилась, страшные кламы были разбиты наголову. Тут только улы заметили, что костер давно потух. Молча стояли они посреди чужаков. Их язык был им непонятен. Они видели только, что те смотрели на них как на друзей.

Вожак племени — сильный высокий охотник — положил руку на плечо Нао и что-то говорил ему. Нам и Гав стояли в кругу молодых охотников и с удивлением рассматривали их.

Нао грустно смотрел на потухший костер и вспоминал толпу улов, скитающуюся без тепла и света. Где взять огонь? Вот он горел так ярко и вот его опять уже нет. Он показал рукой на потухший костер. Вожак понял его и закивал головой. Один из охотников взял сухой кусок дерева, разделил его пополам и острием каменного ножа сделал на нем небольшое углубление, затем он заострил на конце сухую палочку потоньше, насыпал в углубление сухого песка, прижал кусок дерева к коленям, а палочку зажал между ладонями рук, вставил ее в углубление и начал быстро вертеть. От трения сухого дерева о дерево получалась мелкая белая пыль.

Улы никак не могли понять, зачем он это делает.

А между тем, чужак все время подсыпал эту пыль в отверстие. Вдруг тонкая палочка задымилась, охотник нагнулся и начал старательно раздувать дым. И вот на конце палочки показался огонек.

Улы стояли, не смея отвести глаз от невиданного зрелища.

«Чужаки прячут огонь в дереве», — думали они со страхом. Никогда не приходилось им видеть такого чуда.

Скоро ярко запылал веселый костер, затрещали ветки, и искры снопами полетели к небу. Охотники все еще не могли прийти в себя. Нао, показывая на огонь, старался знаками объяснить вожаку, что его племя осталось без огня. Тот в ответ лишь весело кивал головой. Нам и Гав совсем познакомились с чужаками и с интересом осматривали их

топоры и ножи.

Понемногу орда успокоилась. Раненых подняли и уложили, привязав к больным местам листья мяты, убитых убрали и закидали землей.

Теперь можно было подумать и о еде. У чужаков оказался большой запас оленьего и кабаньего мяса, оставшийся от недавней охоты. Улы давно не пробовали жареного мяса и теперь с удовольствием уплетали его. Вожак поделился с Нао самым лакомым куском: он расколол топором кости кабана и вынул оттуда костный мозг. Для всех охотничьих племен не было кушанья вкуснее мозгов. Еще лучше был, конечно, головной мозг, но, к сожалению, его съели раньше.

После обильной еды улы улеглись у костра рядом со своими новыми друзьями. От огня шло такое приятное тепло.

7

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Улы прожили три дня среди чужаков. Понемногу они присмотрелись друг к другу и даже начали кое-что понимать. Нао узнал, что чужаков зовут «ва». Когда-то давно они охотились по берегам Великой Реки и теперь снова пришли сюда издалека, из страны «Больших озер». Многому научились охотники за эти три дня. Они умели теперь гораздо лучше обтесывать свои каменные топоры и ножи. Ва делали ножи разной формы: одни плоские, с острым краем, другие — кругловатые, некоторые же совсем треугольные. Плоским ножом было удобно резать мясо и обтачивать деревянные рогаины, а кругловатым ловко выделывать звериные шкуры. Но все-таки больше всего нравились улам тонкие заостренные охотничьи ножи. Нао попробовал сделать себе новый топор, стараясь обтесать его так же тонко, как это делали ва, а несколько заостренных ножей ему по-

дарил вожак племени.

Ул долго любовался подарком, с радостью думая, как он будет охотиться с новым оружием.

Однако пора было собираться в обратный путь. Ночи стали длиннее и темнее. Часто дул холодный ветер, и улы чувствовали, что скоро осень. Надо вернуться до холодов и принести орде огонь.

Нао уже сделал две прочных каменных клетки, достал головни из костра и положил их туда. Вожак ва с удивлением смотрел на него, затем взял две сухие палки и долго вертел заостренным концом одной из них внутри сухого дерева. Сначала опять показался дымок, а потом и огонь. Как и в первый раз, ул в страхе отскочил назад. Но вскоре страх прошел, какие-то новые мысли забродили в голове Нао. Что, если Нао сам попытается выгнать огонь из дерева?

Нао взял две сухие палки, одну тонкую, а другую по-толще... Разделил толстую пополам, сделал ножом углубление и посыпал туда сухого песка, как это делал при нем ва. Затем он заострил на конце тонкую палочку, прижал тол-

стю к коленам, вставил вторую палочку в углубление и, зажав ее между ладонями рук, начал быстро вертеть. Сначала от трения, как и у ва, получилась сухая белая пыль. Потом показался легкий дымок. Нао обрадовался, — значит, дело идет на лад. Нагнувшись, он стал осторожно дуть, — знакомый запах горящего дерева ударил ему в нос. Еще минута, и ул вскрикнул от радости, — конец палки уже не дымился, а горел.

Теперь Нао знает, что огонь всегда прячется в сухом дереве. Теперь не страшны ни дожди, ни враг, — огонь всегда можно выгнать из дерева. Конечно, клетки не помешают, их не надо бросать. Кто знает, вдруг сухого дерева не будет. Все вокруг размокнет от дождя, — что тогда делать? Держись теперь, Агао! Нао не только вернет улам огонь, но он даже научит их, как выгонять огонь из дерева, — так думал Нао.

Утром охотники расстались с ва и снова отправились в дорогу. Надо было выйти к Великой Реке, а там постараться найти болото, по которому они бежали от кламов.

Опять потянулись дни и ночи, полные тревог и опасностей. Но теперь с ними был веселый спутник — огонь, и дикие звери не смели подходить близко.

Ночи становились все холоднее и холоднее, но огонь так приятно грел, так весело летели искры к темному небу. Улы были уже на полпути от стоянки своей орды, если только вожак Фум не увел ее охотиться в другие леса.

Нао надеялся вернуться до наступления холодов и вместе со всеми перекочевать на зимнюю стоянку, туда же, где они были прошлой зимой.

Чем ближе улы подходили к знакомым местам, тем веселее становилось у них на душе. Вот уже прошли они поляну с камнями, где спасались от льва-великана, вот уже миновали пещеру убитого Нао большого медведя. Оставалось всего несколько дней пути. Улы шли по знакомым местам, где частенько охотились с Фумом. Особенно радовались молодые товарищи Нао; Гав хохотал, как малое дитя, а Нам протягивал руки и громко кричал:

— Нао, Нам и Гав снова будут греться у огня!

Нао же вспоминал все опасности, перенесенные ими. Он был очень рад возвращению в родные места. Он гордился, что несет огонь, но он знал также, что еще есть опасность, что им не миновать встречи с волосатым. Поэтому он шел осторожно, озираясь и прислушиваясь, — Агао хитер, он может подстеречь и отнять огонь. Это бы еще не беда — Нао выгонит огонь из дерева, но ведь улы не поверят ему, если волосатый принесет огонь раньше.

Наконец охотники прошли уже большой лес и вышли на равнину. Были сумерки, и им хотелось дойти до небольшой речки и заночевать там. День угас, красный отблеск окрасил землю. Послышался вой волков и лай шакалов. Стаи волков проносились мимо, подстерегая добычу в кустах и на опушках леса. Улы удивились, никогда не приходилось им видеть так много волков. Откуда сбежались они? Их вой говорил о голоде, видно было, как жадно бросались они на всякую добычу. Нао знал, что голодные волки страшны, когда их много, и сказал Наму и Гаву.

— Скорее, а не то Нао, Нам и Гав станут добычей для волков.

Все трое ускорили шаг. Надвигалась ночь, в темноте глаза животных светились ярче. Животные сначала держались вдалеке от них, но с наступлением темноты подходили ближе.

Нао беспокойно озирался. Он знал, что дело может кончиться плохо.

— Бежим, или мы пропали, — крикнул он, и все трое помчались в темноте.

Вскоре улы заметили поднимающийся туман, — значит, близко и река. Добежав до воды, охотники остановились. Нао долго всматривался в темноту, а потом сказал, указывая рукой на темную гору, которая поднималась над рекой:

— Мы там сейчас разожжем костер, и звери не посмеют подойти к нам.

Гора была вышиной в рост пяти человек, взобраться на нее можно было лишь с одной стороны. Нао хорошо знал дорогу, он не раз бывал на этой горе. Они взобрались наверх и очутились на ровной площадке, поросшей кустар-

никами и соснами. Славно было сидеть здесь, наверху, и чувствовать себя вне опасности.

Затрещали ветки, потянулись красные языки огня. Желтоватый дым и яркий свет заиграли на поверхности воды. Берег тянулся двумя песчаными полосами, тростник, ивы и тополя росли поодаль, так что вокруг было видно на большое расстояние. Звери то прятались от света костра, то подбегали совсем близко. Огонь и пугал и притягивал их к себе. Две совы с печальным уханьем взлетели с сосны, закужились тучей летучие мыши, встревоженные утки покинули свои места, ища тени. Большие рыбы вынырнули и заметались около берега.

В свете костра мелькнул коренастый кабан, остановился и заворчал; пробежал стройный олень, пригнув к спине ветвистые рога, между ветвями появилась голова рыси с треугольными ушами и злыми медно-желтыми глазами.

Улы были спокойны, они молча ели вкусное жареное мясо и радовались теплоте огня. Раньше, чем наступит второй вечер, они увидят воды большого болота.

Нам и Гав будут приняты как взрослые охотники. Вся орда признает их силу и смелость. Нао получит Гаммлу и станет вожаком после смерти Фума.

Вдруг рев пронесся в темноте. Кабан убежал, олень подпрыгнул и задрожал, прижав еще сильнее рога к спине.

На опушке дубовой рощи появилась темная тень. Сильные лапы осторожно ступали по земле. Лев-великан знал, что добыча давно почуяла его. Не везет льву-великану, вечно гложет его голод, одиноко проходит его жизнь. Вымерли львы-великаны, редко находит он себе подругу — мало мест, где добычи хватает на двоих. Лев-великан не оставит потомства.

Охотники испугались; схватив оружие, они прижались к горе и стояли неподвижно. Зверь остановился и смотрел на яркий свет костра. Ему вспоминается пламя, которое пожирает степь, дерево, загоревшееся от молнии, и огни людей, с которыми он иногда сталкивался. Великан знает, что огонь больно кусается, но его привлекает запах жареного мяса, идущий от костра. Он подвигается вперед, ворчит и

нюхает воздух. Запах людей не долетает до него. Свет костра пугает льва-великана. Зверь грозно рычит, поворачивается и пропадает во тьме.

— Ни один зверь не может бороться с нами, когда у нас есть огонь, — весело воскликнул Нао.

Нам вздрогнул, — какая-то тень скользнула на обратном берегу.

— Нао, Нао, — люди пришли, — прошептал он.

Улы вскочили и начали вглядываться в темноту, нюхать воздух и прислушиваться. Ничего не было видно, ничто не шелохнулось.

Пахло водой, травой и деревьями.

— Нам ошибся, — произнес Нао, — там никого нет.

— Нам не ошибся, — сказал Гав, — я тоже видел тени людей между ветвями... Их было двое.

— Мы в стране улов. Те, которых ты видел, разведчики, посланные Фумом, — ответил ему Нао.

Все же ему стало страшно. Кто знает, что за люди прячутся там среди ветвей? И он крикнул:

— Я Нао — несу огонь улам. Пусть посланные Фумом покажутся.

Все молчало кругом. Даже ветер и крики хищников стихли, только потрескивал огонь, да тихо журчала вода.

— Пусть посланные Фумом покажутся, — повторил ул.
— Это мы — Нао, Нам и Гав, — пусть они без страха подойдут к нам.

Никто не ответил, и охотникам стало еще страшнее. Ясно, что кто-то подстерегал их. Нао заскрежетал зубами. Он схватил палицу и грозил ею. Теперь, так близко от родной орды, их опять ждет опасность. Кто этот враг? Может быть, чужое племя напало на орду или же оставшиеся кламы выследили их?

Но вот луна вышла из облаков и осветила реку. При свете ее Нао заметил коренастую тень, быстро скользнувшую в тростники. Он сразу узнал эту тень — то был волосатый Агао.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Нао знал, что Агао ненавидит его и хочет его уничтожить.

И вот теперь Нао, Гав и Нам должны были вступить в бой с Агао и его братьями.

Нао решил действовать быстро. Забрав топоры и ножи, они начали спускаться с горы. Когда Нам был почти внизу, тень Агао промелькнула в тростниках. Он несся наперерез Наму. Ул спрыгнул с горы и помчался вперед. Две другие тени— братья Агао — также кинулись наперерез.

Нам помчался, как олень, но споткнулся и чуть не упал. Нао видел, что опасность близка. Бежавший впереди метнул острый камень и слегка ранил руку Нама, другой с грозным криком бросился, чтоб добить его. Но Нао был настроже, со страшной силой он метнул острый нож и раздробил нападавшему бедро. Один из волосатых рухнул на землю, потом поднялся и с воем исчез в кустах. Агао несколько растерялся и отступил с другим братом. Гав втащил Нама на площадку горы. Нао стоял, опершись на каменную глыбу, готовый свалить ее вниз, если Агао полезет на гору.

Он первым крикнул:

— Разве сыновья Зубра не одного племени с Нао, Намом и Гавом? Зачем они нападают на нас как враги?

— Агао обойдется с вами, как с друзьями, если вы дадите ему огонь, и как с оленями, если вы откажете ему.

Сын Леопарда крикнул в ответ:

— Нао получил огонь, победил людоедов-кламов, он отдаст его, дойдя до орды.

— Мы сейчас хотим огонь... Агао возьмет Гаммлу, а Нао получит двойную часть добычи.

Нао задрожал от гнева.

— За что Агао получит Гаммлу? Он не сумел добыть огня!

— Агао сильнее Нао. Он распорет вам животы ножом и разможжит кости палицей.

— Нао убил медведя-великана и победил людоедов. Нао убьет Агао!

Волосатый крикнул в ответ:

— Ни один из вас не увидит орды. Агао покончит со всеми и заберет себе огонь.

Вспомнив об огне, Нао сбросил в реку большие головы, а потом камнями и землею затушил костер. Огонь остался только в одной маленькой клетке. Он не хотел, чтоб волосатые, в случае победы, получили Гаммлу и добычу. Затем охотники начали спускаться. Двое волосатых стояли внизу наготове. Брат Агао, по прозвищу «Рук», ходил взад и вперед около горы. Нацелившись, Нао метнул в него камнем, но промахнулся. Тот со смехом крикнул в ответ:

— Сын Леопарда слеп и глуп, — и подошел еще ближе.

Пролетел острый тонкий нож и вонзился в руку волосатого. Недаром Нао запасся оружием у своих новых друзей ва. Агао и его второй раненый брат с криком ярости отдвинулись назад. Они никогда не видели таких тонких и острых ножей. Рук мог держать палицу лишь левой рукой.

Тем временем, улы успели спуститься вниз.

Волосатые следили за каждым движением Нао, Нама и Гава.

— Сыновья Зубра не получают огня, — крикнул Нао. — Сын Леопарда возьмет Гаммлу.

Как большие олени, летели улы вперед. Пробежав немного, Нао и Гав остановились и решили здесь вступить в бой с волосатыми, а Нам помчался к реке, где оставался раненый в ногу брат Агао. Добежав, он, как тигр, бросился на волосатого. Тот замахнулся палицей, но покачнулся на больной ноге и слетел с места. Нам ударом по затылку свалил его с ног, а вторым ударом раздробил спинной хребет и поспешил на помощь к Нао и Гаву.

Агао и его второй волосатый брат все ближе подступали к Нао и Гаву. Те стояли с поднятыми палицами. Вот уже Агао кинулся на Нао, но сын Леопарда выскользнул, как ящерица, и одним взмахом палицы вышиб оружие у

Рука, которое тот держал в здоровой левой руке. Затем, когда Агао бросился было на Гава, Нао ударом по черепу уложил Рука на месте. Агао опоздал со своей помощью.

Теперь Агао остался один против троих.

— Сын Зубра, где же братья твои? Сегодня ночью Нао, Гав и Нам покончат с тобой, — так кричал сын Леопарда, прицеливаясь в Агао.

Тот в ответ только ревел, как разъяренный бык. Он, крадучись, медленно подвигался вперед. Он был самый сильный из трех братьев и знал это.

Ни одно животное, ни один человек не могли уйти от него живыми. Вот камень просвистел над головой Нао. В ответ Нао и Гав послали острые метательные ножи. Нож Нао воткнулся в грудь Агао. Нам и Гав набросились на него с палицами и свалили наземь.

— Сын Зубра, ты не получишь Гаммлы. Никогда не увидишь ни орды, ни огня. Нао, Нам и Гав победили тебя и твоих братьев, — кричали улы, нанося удар за ударом.

9

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОГНЯ

Наступили длинные, холодные ночи. Каждый вечер улы со страхом ждали захода солнца. Они дрожали от холода в темноте, прижимаясь друг к другу, и мечтали о теплом, ярком огне, отгонявшем диких зверей.

Теперь зверью было раздолье. Медведь сожрал уж одного мужчину и двух женщин, а волки и леопарды утащили нескольких детей.

Однажды ночью на орду напал лев, и Фум в борьбе с ним потерял правую руку.

В орде начались раздоры: многие охотники отказывались слушать безрукого Фума, того и гляди, дойдет до открытой бойни. Много раз высылали разведчиков на поиски ушедших за огнем, но о них не было ни слуху, ни духу.

Был холодный осенний вечер. Ветер разогнал тучи. Ночные звери выходили из своих логовищ. Сторожа беспокойно ходили взад и вперед, луна далеко освещала равнину. Вдруг один из сторожей остановился и насторожился.

— На равнине люди, — закричал он.

Все проснулись. Одни дрожали от страха, другие надеялись, что наконец-то снова увидят огонь.

— Пусть охотники приготовят оружие, — распорядился Фум, — а Кав с двумя разведчиками проследят за теми, которые подходят.

Протяжный охотничий крик улов пронесся в ночном воздухе.

Все заволновались.

— Те, которые подходят, — улы. Идет Агао с братьями или же Нао, Нам и Гав.

Снова раздался протяжный крик.

— Это сын Леопарда, — прошептал Фум.

Наконец, показался Нао. Он быстро бежал по освещенной луной равнине. Фум вскрикнул:

— Огонь! Сын Леопарда несет огонь!

Все дико заревели кругом.

— Огонь, огонь пришел.

Онемев, тяжело дыша, смотрели улы на слабое пламя. Потом все бросились собирать сухие ветки и траву. Когда костер был готов, Нао поднес к нему дрожащее пламя. Сначала затлелись маленькие ветки, потом большие, и вот наконец пламя, рыча, стало пожирать поленья. Волки, бродившие поблизости, отступили в темноту.

Тогда Нао сказал, обращаясь к вожаку:

— Нао принес огонь улам. Помнит ли Фум о своем обещании? — он указал рукой на Гаммлу, стоящую у костра.

Гаммла больше не боялась Нао, ведь это он вернул им огонь.

— Возьми ее, — ответил Фум, — пусть она принесет улам таких же славных охотников, как ты.

— Пусть Нао будет вожаком орды, — закричал старый Гун. — Нао самый сильный и смелый из улов.

Теперь раздался общий крик:

— Пусть сын Леопарда вместе с Фумом водит нас на охоту.

Нао стоял рядом с вожаком и смотрел на веселое пламя костра. Потом он начал рассказывать о медведе-великане, тиграх, льве и страшных кламах. Когда дело дошло до встречи с Агао, Фум спросил:

— Когда Нао в последний раз видел сына Зубра и его братьев?

— Прошла ночь и прошел еще день, — ответил тот. — Сыновья Зубра напали на Нао, Нама и Гава... Нао, Гав и Нам убили всех троих.

Сын Леопарда вытащил из шкуры медведя, которой был прикрыт, три окровавленные руки и бросил их на землю.

— Вот руки Агао и его братьев!

Да, это были их руки, волосатые и сильные, ни у кого другого не могло быть таких рук. Все помнили, как, бывало, дрожали перед этими руками. И вот они теперь убиты.

Старый Гун указал на Нао и крикнул, обращаясь ко всей орде:

— Улам не страшны больше враги!

Тогда Фум схватил Гаммлу за длинные волосы и бросил ее к ногам Нао.

— Вот, она будет твоей женой!

Нао поднял Гаммлу и вместе с ней подошел к горящему костру. Он долго смотрел на пламя. Нао знал, что он никогда, никогда не потухнет. Улы и дети улов не будут больше зябнуть, скитаясь без огня по темному лесу. Ведь огонь прячется в сухом дереве, надо только уметь выгнать его оттуда.

Александр Беляев

ИНСТИНКТ ПРЕДКОВ

Илл. С. Волуцкого

I

СУМАСШЕДШИЙ

Последние посетители давно оставили территорию Московского зоопарка. Ворота закрылись, лучи солнца погасли на куполе соседней церкви, летняя ночь покрыла синим пологом вольеры и дорожки парка, погасила блеск прудов, перекрасила зелень деревьев в черный цвет. И звезды, как глаза любопытных волчат, засверкали на небе — им хотелось узнать, что делается в зоопарке, когда он пустеет от посетителей, назойливо сверлящих тысячами любопытных глаз обитателей сада. И глаза небесных волчат видели более любопытные вещи, чем видят глаза людей.

Когда уходят посетители, звери вздыхают свободнее, как актеры, исполнив надоевшую им роль. Театр опустел, зрители разошлись, и можно наконец быть собой, помечтать о своем, личном, далеком, невозвратимом. Мрак расширяет тесные пределы тюрьмы и, если прищурить глаза, то можно представить себе, что находишься в беспредельной африканской пустыне, в джунглях Индии, в ледяных просторах Арктики, — кому что нравится. Лев выше поднимает свою могучую голову, шевелит ушами, как кошка, почуявшая мышь, расширяет ноздри, втягивая свежий ночной воздух, потрясает гривой и вдруг испускает короткий, отрывистый, глухой звук, похожий на рев крупного, породистого быка. Еще один короткий звук, — лев как будто прочищает

горло. Потом он наклоняет морду к земле и ревет по-настоящему тем могучим, протяжным ревом, который арабы называют «раад», что значит «гром гремит». От этих звуков дрожит земля и волнами отражает «гремящий гром», который как будто исходит из самых недр земли. На несколько километров вокруг этот «гром» вспугивает зверей, — и лев выходит на охоту. Сонная львица просыпается от своей дневной дремоты, зеваает, потягивается и легкой походкой приближается к своему царственному пленнику-супругу. Где-то откликнулись шакалы, — ведь им остаются крохи от пира властелина пустыни. Белохвостый орлан закричал пронзительно: «Ай, ай, ай», как несмазанная трамвайная ось. Скрежещущий звук разорвал воздух и разбудил уток на малом пруду, они испуганно закричали, скрываясь в осоках. Скоро весь парк наполнился звуками. Это стало уже настолько интересным, что из-за камней ограды совиным глазом выглянула луна. И при ее свете туша слонихи Джандау, ночевавшей по случаю теплой погоды на открытом воздухе, казалась вылитой из древней, позеленевшей бронзы, только что откопанной из земли. Сло尼ха вытянула хобот, повертела им из стороны в сторону и недовольно фыркнула. Уши ее беспокойно зашевелились. А бурый медведь, сидевший у воды своего звериного острова на задних ляжках, зачерпнул воду правой лапой, поднес к морде и вдруг насторожился, не успев обсосать ее. Нет, решительно сегодня, в эту лунную, теплую ночь, в парке творилось что-то необычайное. И чуткое ухо сторожа уловило в оттенках звериных и птичьих криков какие-то тревожные нотки, как будто что-то неведомое и волнующее зверей приносил легкий ветерок, наполненный запахом цветов. Но что? Ни человеческое ухо, ни зрение, ни обоняние не улавливало этого. Быть может, зверей томила лунная ночь.

Сторож медленно шел по дорожке сада мимо здания буфета. Вдруг он остановился и повернул голову. Он услышал фыркание оленя, стук копыт... Огромный марал вырвался из своего загона и, прыгая через клумбы и изгороди, мчался по направлению к большому пруду. А следом за ним, не отставая ни на шаг, бежал какой-то коренастый человек в

спортивных трусиках. Олень мчался стрелой по берегу пруда, человек преследовал его, время от времени ударяя кулаком по крупу. Сторож был так удивлен, что несколько минут стоял неподвижно, не сводя глаз с фигур оленя и человека, то приближавшихся к нему, то удалявшихся. Человек,

видимо, приходил все в большее возбуждение. Он начал издавать хриплые звуки, еще более пугая оленя, который пробежал уже один круг. Человек опередил оленя и старался преградить ему дорогу. Олень, не уменьшая бега, опустил рога, готовый поднять на них человека. Но человек как будто ждал этого. Он схватил оленя за рога и круто повернул шею. Олень упал со всего разбега и забил ногами. Человек издал торжествующий крик. Между ним и оленем началась борьба. Человек, не выпуская рог, стягивал оленя к воде. Ноги оленя уже бились в пруду, поднимая сверкавшие при лунном свете брызги. Неизвестно, чем могла окончиться эта необычайная борьба, но сторож уже пришел в себя. Он неистово засвистал и бросился к человеку. Пронзительный свисток разнесся по всему саду, взбудоражил и без того взволнованных зверей и птиц. Кричали обезьяны, испуганно гоготали гуси, выли волки, лаяли лисы, гортанно перекликались попугаи. Со всех концов парка сбегались сторожа. Даже звери на новой территории волновались. Бурый медведь влез, как на вышку, на дерево, ствол которого был обтянут железными листами, ухватился за сук и, раскачиваясь, пытался узнать о причине шума. Его косматые то-

варищи поднялись на задние лапы и смотрели на него с интересом, как бы ожидая, что он сообщит им. Но он ничего не видел, хотя и старался придать себе глубокомысленный вид. Зато лебеди на острове большого пруда были счастливее: они видели все. Их длинные шеи от испуга и любопытства вытянулись еще длиннее. И если бы они могли рассказать медведю, он узнал бы, чем окончился весь переполох.

Увлеченный борьбой человек увидел сторожей, когда они были от него всего в нескольких шагах. Он неохотно оставил свою жертву, быстро поднялся, перепрыгнул с ловкостью горной козы через расставленные руки сторожа и побежал к стене, далеко оставляя за собой погоню. Однако навстречу ему бежали два сторожа с другой стороны. Человек в трусиках не растерялся. Он, по-видимому, обладал в огромной степени тем, что впоследствии научный сотрудник зоопарка назвал «ориентировочным рефлексом». В одну минуту человек учел положение, измерил расстояние между собой, преследователями и стеной, метнулся в сторону, взлез на ветлу, уперся голый пяткой в ствол дерева, сильно оттолкнулся и, сделав огромный прыжок, перемахнул на стену. Оттуда он соскользнул на улицу с ловкостью ящерицы. Изумленные сторожа стояли неподвижно добрую минуту и вдруг сразу заговорили.

Их голоса смешались с голосами зверей и птиц востроженного парка. Неизвестно, каков был приговор зверей. Но люди единогласно решили:

— Это был сумасшедший!

Взмысленный олень, тяжело поведивший боками, стряхивал пену со рта и смотрел на людей своими большими глазами-сливами так, что даже неграмотные могли прочесть этот взгляд: с приговором людей олень был совершенно согласен.

Таково же было мнение и администрации сада. Да, только сумасшедший мог проделать такую штуку. Но этот «охотник за оленями» — опасный сумасшедший, тем более что он, видимо, человек ловкий, сильный и находчивый.

В парке охрана была усилена. Несколько ночей прошло спокойно. Сторожа и звери начали успокаиваться от вторжения сумасшедшего. Но когда луна была уже на ущербе и напоминала не глаз, а только коготь совы, сумасшедший вновь напомнил о себе и вызвал еще больший переполох.

II

«ПОБЕДИТЕЛЬ ЛЬВОВ»

Остров зверей на новой территории зоопарка был погружен в сон. Отгремел львиный рев, лев поиграл в охоту и растянулся на каменном ложе возле львицы. Мирно спали бурые медведи. Не слышно было и трубных звуков слони-хи Джандау. Она лежала на боку и чутко дремала. Только мелкое зверье, ночные хищники возбужденно сновали в во-льерах на старой территории и перекликались разными голосами. Перевалило за полночь. На востоке едва заметно намечался рассвет. Ночь протекала спокойно. Уставший сторож, медленно волоча ноги, подошел к скамье и уселся против львиного сектора острова зверей. У сторожа начали слипаться глаза. Тихо подкрадывалась дремота... Однако слух сторожа продолжал улавливать знакомые звуки. Сторож научился у зверей дремать чутко. Тихое, короткое рычание льва раздалось в тишине ночи. И в этом рычании слышались какие-то беспокойные нотки.

«Быть может, над львами слишком низко пролетела птица», — подумал сторож сквозь сон, но на всякий случай приоткрыл один глаз.

То, что он увидел, показалось ему сном. По бетонному козырьку над площадкой львов осторожно полз человек. Как он забрался туда? Что ему надо?.. Сторож открыл оба глаза и при слабом свете месяца увидел, что на человеке были одни трусики.

«Он! Сумасшедший!» — подумал сторож.

Человек подполз к самому краю козырька и, держась на руках, спустил переднюю часть туловища, внимательно рассматривая львов. Это было так необычно, что сторож замер в молчаливом наблюдении, ожидая, что будет дальше. Крикнуть?.. Но человек так низко висел над площадкой, что неожиданный окрик может испугать его и человек, чего доброго, слетит вниз и будет растерзан львами... А безумный, как будто играя с опасностью, выдвинулся еще дальше. Было совершенно непонятно, как он мог держаться в такой позе. Большая часть тела висела в воздухе, а руки лежали вдоль тела, одними пальцами опираясь на край козырька. Сторожем овладело волнение. Сон прошел. Надо было действовать, но страх за человека сковал все члены сторожа. И он неподвижно сидел на своей скамье, полуприкрытый ветвями дерева.

Человек начал глухо ворчать, и лев ответил сердитым ответным рычанием. Все это было так жутко, что нервы сторожа не выдержали. Он неожиданно для себя вдруг поднялся и крикнул:

— Эй, ты! Что там делаешь? Слезай оттуда!

Этот неожиданный окрик как будто разбудил сумасшедшего. Случилось то, чего боялся сторож: по всему телу сумасшедшего прошла мелкая дрожь, руки его ослабели, и вдруг его тело, метнувшись в воздухе, полетело вниз. У сторожа перехватило дыхание. Он бросился к каменному барьеру. Тело сумасшедшего сделало в воздухе полукруг, повернулось на ноги, как тело кошки, и сторож увидал человека уже стоящим на ногах посередине площадки. Лев и львица находились у левой стены. Неожиданное падение напугало их. Звери вскочили на ноги и смотрели испуганными глазами на неожиданного нарушителя их покоя. А человек стоял неподвижно. Только голова его была втянута в плечи, как будто он сам готовился к прыжку на льва. Лев тоже пригнул голову, сердито зарычал и начал бить себя хвостом по бедрам. Страх уступал место гневу и кровожадности. За львом стояла львица, присев на ноги, как кошка, готовая к прыжку на мышшь. Эта картина навеки запечатлелась в мозгу сторожа. Еще мгновение, и лев бросится

на человека... Но лев как будто раздумывал; а человек стоял по-прежнему, как окаменелый. Однако каждый мускул и каждый нерв человека был напряжен, а глаза зорко следили за зверем. Лев еще ниже опустил голову, широко открыл пасть, прорычал так громко, что задрожала земля, и несколько раз поднял вертикально свой хвост. Это было высшим проявлением гнева и сигналом к действию. Лев решительным шагом двинулся к человеку. Львица продолжала стоять в той же позе, как бы наблюдая, чем окончится поединок, готовая в каждую минуту прийти на помощь своему супругу. Лев уже был в двух шагах, а человек все еще стоял неподвижно.

«Конец!» — подумал сторож.

Но в это самое мгновение случилось нечто неожиданное. Все произошло так быстро, что сторож скорее понял умом, чем воспринял глазами, что произошло. Человек в неизмеримо малую долю секунды вдруг выбросил свою правую руку и нанес кулаком жестокий удар в нос льва. От боли и неожиданности лев как-то крякнул, низко опустил голову к земле и осел всем туловищем. Львица, очевидно, не могла перенести этого оскорбления, нанесенного ее царственному супругу. Ее стальные мышцы распрямились. И вытянутое тело львицы уже несло по воздуху по направлению к человеку. Но человек замечал все. Прежде, чем лапы львицы с выпущенными огромными когтями коснулись его тела, человек сделал огромный прыжок, и львица грохнулась на каменистую почву. В ту же секунду ее тело собралось в клубок, перевернулось на месте и опять вытянулось в гигантском прыжке. Но как будто невидимая сила перебрасывала тело человека. Он прыгал по площадке, как теннисный мяч, все время увертываясь от ужасных когтей. Лев в это время уже оправился от удара и, раскрыв пасть, ринулся к человеку, ноги которого едва прикоснулись к земле. Но этого было для человека достаточно, чтобы сделать новый прыжок. Человек перепрыгнул через тело льва и, наклонившись, проскользнул под летящей над ним львицей. Однако он занял неудобное положение, у самого края водоема, а лев и львица стояли на возвышенном месте справа и

слева от него. И, понимая без слов друг друга, звери направились к человеку.

«Конец!» — еще раз подумал сторож.

Но и это был еще не конец. Когда звери были уже возле него, человек неожиданно бросился в воду бассейна, нырнул, выплыл и начал дразнить зверей гримасами и криками. Разозленный лев ревел и царапал когтями камни. Львица горящими глазами смотрела на человека, облизывалась и била себя хвостом по тугим бедрам.

Только теперь, когда человек был в относительной безопасности, сторож пришел в себя и бросился за шестом, чтобы помочь человеку выбраться из воды.

Когда сторож вернулся с шестом к львиному острову, картина вновь изменилась. Человека в воде уже не было. Львица стояла у воды, низко склонив голову, и терла морду о плечо. Из носа ее шла кровь. А лев с остервенением рычал и царапался у входа в свою пещеру, проделанного в стене. Он напоминал собаку, которую мальчик дразнит палкой. Лев бросался к пещере и вдруг отступал с рычанием. У входа в пещеру сидел человек. Он держал в руке осколок бетонного козырька, отвалившийся при его падении, и храбро защищался, нанося льву короткие, меткие удары. Морда льва была окровавлена, но и человеку, видимо, досталось. На его правой руке была содрана кожа.

Сбежавшиеся сторожа горячо обсуждали положение. Скоро к ним присоединились несколько наспех одетых сотрудников и заведующий зоопарком. Человека можно было спасти, открыв внутренний проход пещеры, но надо было предупредить возможность выхода льва вслед за человеком. Решено было спустить сверху деревянный щит, чтобы закрыть вход в пещеру. Эта работа заняла более часа, и когда щит наконец был опущен, утренняя заря уже разгоралась ярким пламенем. Теперь человек был изолирован от льва, и сам находился в ловушке. Оставалось только арестовать опасного сумасшедшего. Для этого был вызван целый отряд милиции. Начальник отделения приехал на мотоциклете. Он распорядился расставить на всякий случай милиционеров вдоль всей стены новой территории зоопарка.

— Выходи! — крикнул милиционер, открывая внутренний проход в пещеру. Сумасшедший не заставил себя ждать. Он вышел и покорно отдался в руки милиционеров. Два дюжих милиционера схватили его за руки и вывели с каменного острова на дорожку сада. Три других милиционера оцепили группу. Сзади стояли сторожа и сотрудники зоопарка. Все с интересом разглядывали безумца, побывавшего в львином логове и оставшегося живым.

— Как ваша фамилия? — спросил начальник милиции.

Сумасшедший ничего не ответил и, улыбаясь, обвел глазами собравшуюся толпу. Это был еще молодой человек, лет двадцати пяти, коренастого сложения, с бритым, несколько скуластым лицом и тупым носом. Осмотрев толпу как будто небрежным, но на самом деле очень внимательным взором, человек в спортивных трусиках вдруг как-то обвис всем телом, как будто он впал в обморок. Милиционеры, державшие его, невольно ослабили руки. И вдруг сумасшедший сделал неожиданный рывок вниз, а вслед за тем — чудовищный прыжок.. Десяток рук протянулся к нему, но его тело, как выпущенная из туго натянутого лука стрела, распласталось в воздухе, пронеслось над толпой, коснулось земли, еще раз подпрыгнуло, — и человек уже мчался к забору. Это было так неожиданно, что толпа не успела прийти в себя, как голое тело уже мелькало вдали. Милиционеры и сторожа бросились вслед, и еще раз остановились и ахнули, увидав, как неизвестный сделал второй гигантский прыжок. Он легче тура перескочил, не прикасаясь даже руками, через высокий забор, почти в три человеческих роста. Но там беглеца ждало разочарование. На Садовой-Кудринской улице, куда он прыгнул, стоял мотоцикл с милиционером. Правда, милиционер не успел схватить свалившегося с неба — как ему показалось — человека, но он тотчас пустил мотор и помчался вслед за убегающим человеком.

Однако это оказалось нелегкой задачей.

Когда милиционер повернул свой мотоцикл на Никитскую, беглец уже приближался к Никитским воротам. Это было невероятно. Милиционер не верил своим глазам. Су-

масшедший бежал с такой быстротой, что его ног не было видно, как спиц мотоцикла на полном ходу. Милиционер развил предельную скорость, и все же расстояние между ним и беглецом видимо увеличивалось. И так мог бежать человек, только что перенесший борьбу со львами, борьбу на жизнь и смерть!

Машина все же выносливее человека, даже если он «черт, сорвавшийся с цепи». На улице Герцена милиционер, мчавшийся на мотоцикле, с радостью начал замечать, что расстояние между ним и сумасшедшим уменьшается. Беглец видимо начал выдыхаться. На углу Моховой расстояние между беглецом и преследователем сократилось всего до десятка метров. Милиционер уже предвкушал победу машины над этими неукротимыми мышцами. Однако и сумасшедший, очевидно, хорошо знал преимущества машины и вовремя сумел воспользоваться ими. На его счастье, с

Моховой вдруг показался крытый автомобиль, ехавший по направлению к Охотному ряду с большой скоростью. Это, вероятно, какая-нибудь веселая компания «проветривалась» после бессонной ночи. Сумасшедший еще раз удивил милиционера, сделав невозможное даже для трюкового американского киноартиста: собрав остаток своих сил, сумасшедший погнался за бешено мчавшимся автомобилем и, сделав прыжок, оказался на верху автомобиля, стоя на ногах. Так он успел проехать до Охотного ряда прежде, чем перепугавшиеся пассажиры, услышавшие падение тела, не приказали шоферу затормозить машину. Но пары минут,

проведенных на крыше автомобиля, было достаточно, чтобы беглецу отдохнуть. Когда он заметил, что автомобиль замедляет ход, то ловко соскочил и вновь побежал с такой скоростью, что дворник, вышедший мести улицу, окаменел с метлой в руках, видя «человека без ног», как ветер, промчавшегося мимо него.

Милиционер на мотоцикле успел крикнуть шоферу автомобиля о том, что он гонится за опасным сумасшедшим и просил помочь ему. Шофер пустил машину на полную скорость. Теперь за беглецом гнались мотоцикл и автомобиль. Подъем Театрального проезда был взят беглецом с такой легкостью, как будто он бежал вниз, а не вверх. Человек, автомобиль и мотоцикл промчались мимо Политехнического музея и свернули на Маросейку. У Покровских ворот стоявший на посту милиционер, видя погоню, крикнул человеку:

— Стой, стрелять буду! — но человек продолжал бежать.

Милиционер, больше для острастки, выстрелил вслед убежавшему. Однако пуля, видимо, задела ногу: беглец споткнулся, несколько уменьшил бег и свернул в Барашевский переулок. На двух крутых поворотах переулка автомобилю и мотоциклу пришлось задержать ход и беглец успел передохнуть.

У высокого пятиэтажного дома на углу Барашевского и Лялина переулка беглец вдруг остановился и прошмыгнул в подъезд. Следом за ним подъехал автомобиль, а затем появился и мотоцикл милиционера.

След из капель крови вел на пятый этаж. Милиционер, задыхаясь от быстрого подъема, поднялся наверх и начал стучать у двери.

Скоро дверь приоткрылась и оттуда выглянуло заспанное, взлохмаченное, бородатое лицо.

— У вас живет молодой человек, бритый?.. — спросил милиционер.

— Живет. Антипов. Его комната направо. Другого молодого человека нет. Антипов бритый. Да вот, напротив, его дверь открыта...

Милиционер бросился в открытую дверь и вошел в комнату. Пуста!.. дверь на балкон раскрыта настежь. Милиционер вышел на балкон и увидел внизу автомобиль, милиционера, дворника и несколько случайных прохожих. Все они размахивали руками и о чем-то горячо говорили.

— Эй! Что там у вас? — крикнул милиционер с балкона.

— Бежал сумасшедший! — ответил ему дворник. — С балконов...

Но милиционер уже не слушал и бросился вниз по лестнице, прыгая через четыре ступеньки.

Когда он сбежал вниз, все начали наперебой рассказывать ему о взволновавшем их происшествии. Очевидцем был дворник (он же ночной сторож), ему и дано было слово после того, как общий гам утих.

— Я сидел на углу, около кооператива, — говорил дворник, — покуривал, и вдруг вижу: на балкон пятого этажа выскочил человек в одних трусах, спустился вниз и повис на решетке. Покончить с собой, значит, человек хочет! А он — не тут-то было! Раскачался немного, да и прыг на балкон четвертого этажа! Опять повис на руках и опять прыгнул, и так с этажа на этаж, как белка. Я и дым изо рта не успел выпустить, а он уже соскочил с последнего балкона. Эва, какая высота!..

Розыску удалось установить, что сумасшедший, оказавшийся служащим почтамта Антиповым, в то утро прибежал на Курский вокзал, вбежал на платформу, сбив с ног билетера, догнал скорый поезд, вспрыгнул на буфер и укатил. Дальнейшие следы его были потеряны.

III

ЧТО ПРОИЗОШЛО В ДОМЕ ОТДЫХА

Статья «Вечерней Москвы» под интригующим заглавием «Сумасшедший в зоопарке» и подзаголовком «Победитель

львов» наделала шума и сделала Антипова героем дня. Вскоре после появления этой статьи в «Вечерней Москве» появилось письмо в редакцию одного из сослуживцев Антипова, сообщавшего о «сумасшедшем» новые интересные данные.

Текущим летом Антипов находился, вместе с автором письма, в подмосковном доме отдыха, в бывшем помещицком имении.

Здоровый, коренастый, но очень неловкий и неуклюжий, Антипов нередко служил мишенью для острот своих товарищей по дому отдыха. Он, видимо, никогда не занимался физкультурой и не любил спорта.

Однажды, проходя по доскам, не огороженным перилами, в купальню, Антипов оступился, упал в воду и начал тонуть, отчаянно призывая на помощь. Его вытащили и прочитали ему соответствующее поучение о пользе спорта вообще и необходимости изучить плавание в частности.

Антипов безнадежно махнул рукой и с тех пор перестал купаться, больше того: он стал бояться воды и всегда обходил пруд, не решаясь приблизиться даже к берегу.

Несколько дней спустя после того, как его спасли из воды, и произошел случай, удививший всех.

Была теплая, летняя ночь. Полная луна стояла над старым домом. Большинство отдыхающих уже покоилось мирным сном. Только несколько любителей «лунных ванн» сидели на скамье у пруда и мирно беседовали.

— Те! Смотри... что это? — сказал один из них, показывая рукой на крышу дома. Там виднелась фигура человека.

— Антипов!

Да, это был он. Луна ярко освещала его коренастую, характерную фигуру. Но он делал вещи, не свойственные ему. Антипов смело и быстро продвигался по самому краю крыши, подошел к высокой башне и с обезьяньей ловкостью начал взбираться по отвесной стене, цепляясь кончиками пальцев за неровности и выбоины. Он взобрался на крышу башни, затем полез на высокий шпиг. Крепко сжав шпиг ногами, он протянул руки вверх к луне и начал раскачиваться в такой позе. Потом, не придерживаясь руками,

соскользнул вниз по шпигу, подбежал к краю крыши и вдруг прыгнул в пруд с пятидесятиметровой высоты.

Свидетели этого необычайного прыжка сидели несколько секунд неподвижно, а придя в себя, бросились спасать самоубийцу. Но его тело не всплыло на поверхность. На месте падения расходились только широкие круги. Несколько человек начали нырять в поисках тела, как вдруг один из свидетелей этого происшествия увидел, что Антипов вынырнул на другом берегу, проплыв под водой не менее трехсот метров. Несколько человек побежали к нему по берегу, но Антипов вновь нырнул и прежде, чем они сделали несколько шагов, уже вынырнул около башни.

Все громко заговорили и, схватив Антипова за руки, вытащили на берег. Антипов смотрел на них широко открытыми, но невидящими глазами и молчал. Потом он вздрогнул, как будто пришел в себя и, окидывая всех уже более осмысленным, но удивленным взглядом, спросил:

— Что это? Где я?..

Испуганно посмотрев на воду, он вдруг побежал в дом

и скрылся в своей комнате.

Отдыхающие в недоумении посмотрели друг на друга.

— Лунатик! — догадался кто-то.

— Не иначе, — согласились другие.

Отпуск Антипова кончился, и через несколько дней он уехал в Москву. Однако вернулся на службу он не таким, каким был до поездки в дом отдыха. Товарищи стали замечать, что Антипов то впадал в крайнюю рассеянность, то уходил в себя и глубоко сосредоточивался. Кроме того, у него, вероятно, болели уши: они были крепко забиты ватой.

«Ненормальность его уже тогда бросалась в глаза, но никто из товарищей не предполагал, что она примет такие опасные формы», — так заканчивалось письмо в редакцию сослуживца Антипова.

IV

ВОСКРЕСШИЕ ИНСТИНКТЫ

Антипову везло. О нем появилось еще одно письмо в газете — врача дома отдыха Соболева. Письмо это раскрыло наконец тайну «безумия» Антипова.

«Я принужден признаться, — писал Соболев, — что на мне лежит вина за все злоключения т. Антипова. Он, если так можно выразиться, пал жертвой моей научной любознательности. Дело в том, что я давно работаю над вопросами изучения лунатизма. А Антипов был весьма подходящий для моих опытов субъект, так как лунатизм проявлялся у него очень резко. Лунатизм — малоизученная болезнь. По мнению И. И. Мечникова, к каковому мнению и я присоединяюсь, в состоянии лунатизма вскрываются те следы врожденных способностей (инстинктов), которые переданы нам по наследству от дочеловеческой ступени развития и которые сохраняются в скрытом виде в мозгу. Эти дремлющие инстинкты всплывают наружу потому, что работа более поздних по развитию механизмов мозга (дея-

тельность сознания) заторможена, и вместо нее мерцает возбужденная подсознательная деятельность мозга. Пронувшись, лунатик большей частью совершенно не помнит того, что совершил в состоянии лунатизма.

Таким образом, наш мозг как бы представляет слои геологических «пластов». Древнейшие «пласты» скрыты более новыми «напластованиями», но продолжают существовать.

В лунатизме меня интересовало два вопроса: 1) какое действие оказывает на лунатиков луна и 2) нельзя ли «воскресить» угасшие в современном человеке первобытные инстинкты, проявляемые при лунатизме, и «активизировать» их в бодрственном состоянии человека.

Профессор А. Сухов, на основании работ проф. Фаусека, Бехтерева и Лазарева, полагает, что разгадку здесь надо искать в воздействии движения луны на электрические явления в воздухе. По этому пути я и вел свои опыты. Я предложил т. Антипову подвергнуть его действию различных электрических токов, стараясь таким путем «возбудить» угасшие инстинкты. Я не скрывал от Антипова, что при благоприятном исходе опыта он будет обладать остротой чувств и навыками первобытного человека, и Антипов согласился на опыт. Разумеется, на полную реставрацию этих первобытных инстинктов надеяться нельзя было, так как за сотни тысяч лет произошли большие изменения в организме человека, напр., барабанная перепонка уха современного человека, очевидно, не обладает уже той тонкостью звуковосприятия, тем физиологическим строением, каким обладала она у первобытного человека. Но все же Антипов мог получить невероятно обостренные чувства. Мой опыт удался: Антипов мог слышать, например, тиканье карманных часов, помещенных через комнату, узнавал запахи людей не хуже собак-ищеек и т. п. К сожалению, я не мог продолжать своих наблюдений, так как срок отпуска Антипова окончился, и он уехал в Москву. Я никак не ожидал, что пробужденные инстинкты заставят Антипова совершать такие безумные поступки, какие имели место в Зоопарке. Так или иначе, Антипов не безумец и не сумасшедший. Я готов принять ответственность за последствия совершен-

ного мною опыта, но Антипова эта ответственность не должна коснуться. Полагаю, что огромное значение для науки проделанного мной опыта явится смягчающим обстоятельством при суждении о моих действиях. Врач Соболев».

V

ТОЛСТОВКА ИЛИ ЗВЕРИНАЯ ШКУРА?

В то время, как газеты, ученый мир и рядовые граждане волновались и спорили, обсуждая опыт доктора Соболева, Антипов бродил по лесам в окрестностях Москвы, прячась от людей. Он вел первобытный образ жизни, подстерегал и ловил руками птиц и рыб, спал на дереве. Однако, на его несчастье, он уже не был первобытным человеком, и толстовку от Москвошвея охотно предпочел бы звериной шкуре. Он был вполне современный человек, но с изошренными, как у первобытного человека, чувствами и инстинктами. Ему хотелось в кино, он тосковал, вспоминая своих товарищей. Притом и физически он не был закален, как первобытный человек. Он умел теперь лучше управлять своим телом, но все же его мускулы были не так развиты, как у первобытного человека. Вот почему он начал уставать во время погони. Он насиловал свое тело, свои мышцы. Нет, он не был первобытным человеком. С отвращением ел он сырую дичь, мечтая о моссельпромовской столовке. А ночами он дрожал от холода. Тоска одолевала его, когда, сидя на суку и слушая уже по-осеннему завывавший ветер, он думал о манящих огнях города, уличном движении и теплой комнате на пятом этаже своего дома.

И Антипов не выдержал.

Однажды ночью он отправился в путь. Руководствуясь инстинктом, он, как почтовый голубь, направлялся по прямой линии к дому отдыха. Утром он постучал в комнату врача.

Соболев очень удивился и обрадовался этому неожиданному появлению.

— Я не могу так, — без предисловия начал Антипов, обращаясь к умывавшемуся врачу. — Я теперь ни дикарь, ни совслужащий. На войне или в экспедиции мои новые свойства, может быть, и были бы полезны, но в городе с ними беда. Уличный шум прямо оглушал меня, — я теперь понимаю, почему дикари, услышав в первый раз ружейные выстрелы, падают на землю. Это не от страха, а потому, что их уши слышат может быть в сто раз сильнее, чем наши. Я шатался, когда по Покровке с треском, шумом и звоном шел трамвай. На службе я с ума сходил от трескотни пишущих машинок и арифмометров. А придешь домой, — все слышно, что говорят и внизу, и с боков. Я весь дом слышал! Это прямо сводило меня с ума. Я живу на пятом, а в первом этаже под полом мышь скребет, и я слышу. Муха по стене ползет, и это слышу. Выйдешь вечером или ночью на двор, и слышишь, как режут звери в Зоопарке, на другом конце Москвы. Этот звериный рев манил меня. И страшно, а тянет... Мне казалось, что, только убив зверей, я смогу спокойно спать и не слышать их рева. Этот рев всю ночь преследовал меня! И запахи... Я узнал запахи всех знакомых. Едешь на трамвае, потянешь носом: Петров ехал, на бульваре Григорьевым пахнет, там Булкина прошла... голова все время этим занята... Вот только плавать, пожалуй, я не отказался бы так, как теперь умею. Это пригодится. Не ровен час, упадешь в воду... Да и на спортивных состязаниях хорошо бы победить, чтобы товарищи не смеялись. А уши и нос уж пусть будут, как у всех. Не по городу такие уши...

* * *

Необычайная история Антипова приходит к концу. Доктор Соболев удовлетворил просьбу Антипова и вернул ему нормальные чувства, оставив только способность необычайно и ловко плавать. Антипов решил воспользоваться этой

способностью и выступил на водных состязаниях. Он плыл, как дельфин, далеко оставив позади себя своих соперников. Но недалеко от финиша он вдруг ощутил необычайную слабость и начал тонуть. Его извлекли из воды. Врач, присутствовавший на состязаниях, нашел у него растяжение мышц и сухожилий.

— Придется вам расстаться с вашими «лунатическими» дарами и заняться нормальной тренировкой, — сказал врач.
— Это путь более медленный, но верный!

ПРИМЕЧАНИЯ

Орфография и пунктуация публикуемых в сборнике текстов приближены к современным нормам. Безоговорочно исправлены очевидные опечатки.

В оформлении обложки использована работа В. Васнецова.

Л. Андреев. Была бурная ночь...

Из письма к двоюродной сестре С. Д. Пановой и ее родным. Впервые в кн. Н. Н. Фатова *Молодые годы Леонида Андреева: По неизданным письмам, воспоминаниям и документам* (М., 1924).

В. Хлебников. И и Э

Впервые в сб. *Пощечина общественному вкусу: Стихи. Проза. Статьи* (М., 1912). Исправлена ошибочная нумерация главок.

Как указывают комментаторы новейшего собрания сочинений В. Хлебникова Е. Арензон и Р. Дуганов, сюжетной основой *И и Э* послужил материал повести Г. Уэллса *A Story of the Stone Age (Повесть каменного века, 1897)*, которую Хлебников, очевидно, читал в переводе известного народовольца и ученого Н. Морозова (1909).

В. Брюсов. Отдаленные дни

Впервые в предисл. И. Брюсовой к кн. В. Брюсова *Неизданная проза: Юпитер поверженный и фрагменты других исторических рассказов* (М.-Л., 1934). Издательство благодарит Е. Сошкина, указавшего нам на существование этой малоизвестной миниатюры.

А. Белый. Сссора. Этюд

Впервые в авторском сб. *Золото в лазури* (М., 1904).

Д. Соколов. Охотники каменного века

Публикуется по сб. *Охотничьи рассказы и стихотворения* под ред. С. Алексеева (М.: Изд. журн. «Охотничий вестник», 1913). Сведениями об авторе мы не располагаем.

Н. Плавильщиков. Недостающее звено

Впервые в отдельном изд. (М.-Л.: Детгиз, 1945).

Н. Н. Плавильщиков (1892-1962) — зоолог, энтомолог, доктор биологических наук, профессор, популяризатор науки. Выпускник Московского университета, с 1946 г. заведующий энтомологическим отделом, позднее заместитель директора Зоологического музея университета. Автор многочисленных научных работ и десятков научно-популярных книг и статей.

Д. Коропчевский. Дети каменного века

Первое изд. в 1903 г. Публикуется по 2-му изд.: М.: Кн-во К. И. Тихомирова, 1913.

Повесть представляет собой крайне упрощенный пересказ ряда эпизодов романа С. Ватерлоо *The Story of Ab: A Tale of the Time of the Cave Man* (*История Аба: Повествование из времен пещерных людей*), впервые изданного в 1897 г. и переведенного на русский язык в 1903 г.

Д. А. Коропчевский (1842-1903) — писатель, переводчик, антрополог. Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Редактировал журн.

Знание (1870-77) и *Слово* (1878-1881). Автор ряда часто переиздававшихся научно-популярных книг (в т. числе для детей); писал также романы и рассказы под псевд. Г. Таранский.

Б. Лунин. Борьба за жизнь

Впервые: *Беларускі піонэр*. 1929. № 4. Пер. В. Барсукова. Издательство приносит благодарность А. Левчику за предоставленный скан первоиздания.

Вероятно, автор — археолог, историограф, источниковед и будущий профессор и академик Б. В. Лунин (1906-2001), работавший до Второй мировой войны на Сев. Кавказе (в тексте упоминается ст. Ильская Краснодарского края).

М. Гершензон. Звери в пещере

Впервые как отдельное изд.: М.: ОГИЗ-«Молодая гвардия», 1931.

М. А. Гершензон (1900-1942) — писатель, переводчик, литературовед, литературный критик. Уроженец Одессы, учился в Новороссийском ун-те и ВЛХИ. С июля 1941 г. политработник на фронте, в августе 1942 г. был смертельно ранен в бою. Наиболее известен повестью *Робин Гуд* по мотивам английского средневекового фольклора.

Л. Опочинина. Огонь

Впервые в отдельном изд.: М.-Л., ГИЗ, 1927.

Повесть является упрощенным и сокращенным пересказом романа Ж. Рони-старшего *Борьба за огонь* (1909, кн. изд. 1911).

Л. Е. Опочинина (ок. 1900? — после 1937) — писательница, популяризатор науки. В конце 1920-х гг. училась в аспирантуре Ти-

мирязовского (Биологического) института АН СССР в Москве. В 1920-х гг. также опубликовала ряд научно-популярных книг, частью оформленных как небольшие научно-фантастические повести.

А. Беляев. Инстинкт предков

Впервые: *На суше и на море*. 1929. №№ 1-2.

Оглавление

Л. Андреев. Была бурная ночь...	7
В. Хлебников. И и Э: Повесть каменного века	9
В. Брюсов. Отдаленные дни	22
А. Белый. Ссора	25
А. Белый. Этюд	28
Д. Соколов. Охотники каменного века	31
Н. Плавильщиков. Недостающее звено	43
Д. Коропчевский. Дети каменного века	109
Б. Лунин. Борьба за жизнь. Пер. В. Барсукова	167
М. Гершензон. Звери в пещере	177
Л. Опочинина. Огонь	194
А. Беляев. Инстинкт предков	241
Примечания	261

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ . ПРИКЛЮЧЕНИЯ . ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.